НОВАЯ ПОЛЬША

№6 (208) 2018

НЕУМИРАЮЩИЙ ПОЛЬСКИЙ МЕССИАНИЗМ

ВОЗВРАЩЕНИЯ ЕВРЕЙСКОЙ МУЗЫКИ

СТИХОТВОРЕНИЯ МАРТИНЫ БУЛИЖАНСКОЙ И ГЖЕГОЖА ВРУБЛЕВСКОГО

АВТОБИОГРАФИЯ ВОЙЦЕХА КАРПИНСКОГО

СКАЗКИ ЭЛИЗЫ КОНЦКОЙ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)
Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»: www.novpol.org

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 6 (208)
2018
июнь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК, ОСНОВАННЫЙ ЕЖИ ПОМЯНОВСКИМ

Богуслав Хработа 3
ЭТОТ НЕСНОСНЫЙ МЕССИАНИЗМ

Виктор Кулерский 7
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ 15

Наталья Лайщак 17
ГРАЖДАНСКАЯ НАУКА
Наука (для) обыкновенных людей

Александр Гогун 25
ОСМЫСЛЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ К АРМАГЕДДОНУ
Подготовка Третьей мировой войны в приказах военного министерства СССР, 1946-1953

Лешек Шаруга 32
УЖАСНЫЙ ГОМО САПИЕНС

Гжегож Врублевский 34
МОГИЛА ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА

Гжегож Врублевский 39
СТИХОТВОРЕНИЯ

Эугениуш Соболь 42
НЕИЗВЕСТНЫЕ АСПЕКТЫ ГОЛОДОМОРА

Лешек Шаруга 44
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Войцех Карпиньский 47
РАЗБОЙНИЧЬИ КНИГИ И ГОРОДА
Часть четвертая

Эльжбета Савицкая 52
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Мартина Булижанская 56
СТИХОТВОРЕНИЯ

Лешек Шаруга 61
ГЛОБАЛЬНАЯ ЛОКАЛЬНОСТЬ

Марек Заганьчик 62
ЖЕНДЗИНЫ
Путешествия с экскурсоводом (2)

Адриан Турецкий 65
ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ МУЗЫКИ

Анна Яворская 68
СТЫДНО

Клаудина Десперат 70
ЯН КЛЯТА — БУНТАРЬ С ЧЕТКАМИ

Павел Стангрет 78
СУБДИСЦИПЛИНА

Элиза Концкая 84
ЭЛИЗИИ

Переводчики: И. Адельгейм, А. Базилевский, И. Белов, А. Векшина, Е. Гендель, И. Лаппо, В. Окунь, С. Политыко

© **Фото**: Agencja Gazeta (с. 65, 70, 74), E. Lempp (с. 32), East News (с. 61)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Станислав Цёсек

Редколлегия
Элиза Вольская
Галина Дубик
Виктор Кулерский
Ирина Лаппо
Петр Мицнер *(зам. гл. редактора)*
Евангелина Скалинская *(секретариат)*
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих *(зам. гл. редактора, секретарь редакции)*
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов *(главный художник)*

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
ul. Cecylii Śniegockiej 10 m.11
00-430 Warszawa, Polska
ул. Цецилии Снегоцкой 10/11
00-430 Варшава
тел: **(22) 121 43 52; 258 09 73**
e-mail: **nowpol@instytutksiazki.pl**

Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша

WYDAWCA:

Instytut Książki,
ul. Z. Wróblewskiego 6,
31-148 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
ul. Parandowskiego 19, 01-699 Warszawa
tel. (22) 697-05-32, (22) 697-05-34
Тираж 450 экз.

Богуслав Хработа

ЭТОТ НЕСНОСНЫЙ МЕССИАНИЗМ

Польская политическая сцена нуждается в новых лидерах, но лишь у немногих есть шанс выйти на арену и помериться силами в борьбе за первенство.

Спорный и противоречивый Трамп благодаря харизме завоевывает Белый дом! Харизматичный Макрон покоряет Францию! Архифехтовальщик мировой политики Владимир Путин снова становится президентом России. В Турции у Реджепа Тайипа Эрдогана более прочное положение, чем у султанов былых времен. На их фоне Тереза Мэй или Ангела Меркель представляются экспонатами из лондонского музея восковых фигур мадам Тюссо, а еврофигуранты вроде Ж.К. Юнкера или Дональда Туска вообще выглядят персонажами на манер тех, какие наши народные умельцы из-под Ловича узорчато вырезают ножницами из разноцветной бумаги.

Настало время харизматичных лидеров! Их хотят газеты, за них голосует интернет. Вдобавок никто не ставит под сомнение и тем более не нарушает правило, гласящее, что на вершинах политики важен и принимается в расчет широкий демократический мандат. Тот, который появляется в результате выборов. А уж избиратели ошибаться не могут. Тоска по харизме столь же естественна, как и разочарование, которое приходит чуть ли не через двадцать четыре часа после выборов.

■ Над Вислой не иначе!

Существуют народы вечных нытиков. Мы, наверно, возглавляем их список. Поляки — это, как принято говорить над Темзой, these, who always complain — те, кто всегда жалуются. Есть ли у нас успехи? Да, несомненные. За четверть века свободы мы сделали вдвое больше, чем Польша Пилсудского. Ликвидировали отставание, научились использовать предприимчивость граждан, во много раз увеличили всяческие показатели, в том числе ВВП на душу населения. Присоединились к Евросоюзу и НАТО. Но всё время жалуемся.

Катим бочки на Мазовецкого и Бальцеровича. Разные балаболки и пустомели из числа левых не устают со слезами на глазах молоть небылицы о том, до чего ж это было бы справедливо и прекрасно, если удалось бы спасти госхозы. Мол, меньше людей оказались бы исключенными из привычной жизни, мол, это стало бы спасением для общественной ткани и тому подобные враки.

Сказанное распространяется также на политику. Мы обожаем жаловаться на ее незрелость и отсталость. На отсутствие мифических think tank'ов (мозговых центров), равно как и таких вождей, от которых захватывало бы дух. Нынешняя Истеричная рефлексия — особенно сегодня, в ситуации «перемен к лучшему» — на тему отсутствия у оппозиции подлинных лидеров, которые были в состоянии противостоять правящей группировке, практически лишает нас надежды на смену элит. При такой парализующей убежденности в слабости и дисфункциональности оппозиции все сильнее на первый план выходит мечта о новом качестве.

О новом Валенсе, Качинском или Туске — личности, которая будет сочетать в себе свежесть, харизму и профессионализм, которая потянет за собой массы и... победит. Но эти мечтания есть не что иное, как эхо безнадежного и несносного польского мессианизма, который в эпоху так называемой «постполитики» трудно охарактеризовать иначе, нежели словом «анахронизм».

■ А были ли мессии в нашей политике?

Последним был усатый обитатель подваршавского городка Сулеювек[1]. Тот, кто — абстрагируясь от исторической правды — по убеждению своих современников отвоевал независимость для Польши.

[1] Там в 1923–1926 гг. проживал Юзеф Пилсудский — *Здесь и далее примеч. пер.*

В более близкую к нам эпоху наибольшими шансами водрузиться на столь же высокий пьедестал обладал Лех Валенса. К сожалению, польская история последней четверти века являет собой довольно мрачное повествование об искусстве эффективного умения растранжиривать свои политические активы. Так повелось, начиная с отцов-основателей Третьей Речи Посполитой. Весьма приличный журналист и общественник Тадеуш Мазовецкий каким-то жалким способом отдает власть по прошествии всего лишь 16 месяцев. Валенса, бесспорный лидер великого движения «Солидарность», из-за перманентного невежества, ловкачества и ужасающей кадровой политики полностью губит свое общественное положение, растрачивает харизму и проигрывает вторые президентские выборы. После 1995 г. он уже не оправится и не сможет избавиться от свойственного проигравшему чувства подавленности, а также от достаточно часто связанного с ним смущения.

Александр Квасневский, самый одаренный из политиков Третьей Речи Посполитой, не без своей вины заканчивает карьеру в качестве героя язвительных мемов и советника украинских олигархов. Дональд Туск, тенор, который поначалу победил на политической сцене всех прочих теноров, в дальнейшем из-за чрезмерной осторожности, недоверчивости, лености и отсутствия политического воображения проигрывает всё, кроме собственной карьеры. Роковой карикатурой его последующих судеб служат камердинеры, подающие ему в Брюсселе на серебряном подносе изящные бокальчики шампанского, и прокуроры польского министра юстиции Збигнева Зёбры, которые на родине так и норовят порвать его в клочья[2]. Туск — он вроде рубенсовского щекастого ангела. Пока на картине — в отличной форме. Едва только полотно пропадает из вида, он исчезает.

■ Ярослав, или Школа ошибок

Качинский по праву считается одним из самых эффективных польских политиков последней четверти века.

За три десятка лет он выстроил себе прочную позицию, раз за разом укреплял партии, которые последовательно создавал, а также разработал доктрину, уточнил цели и в конечном итоге выиграл выборы, причем таким способом, каким это не удавалось ни одному из его предшественников. Выходит, на политической сцене Польши он — настоящий триумфатор, исключительный, уникальный и единственный в своем роде. А посему можно было бы без малейшего риска — идя по стопам слушателей радио «Мария»[3] — нацепить на него мессианский ярлык. Вот, стало быть, тот, кто проведет свой народ от унижения к капитолийскому триумфу[4]. Вот тот, у кого есть, наконец, сила и инструменты, дабы полностью изменить нашу угнетаемую и оскверняемую отчизну, дабы дать ей новую конституцию и государственное устройство, как некогда Солон — Афинам.

Прошу простить мои безнадежные метафоры, но они — всего лишь попытка проиллюстрировать те ожидания, которые народ, питаемый мессианизмом, связывает с личностью Ярослава Качинского. Истина, к сожалению, банальным образом отличается от этой возвышенной концепции.

Качинский являет собой самую настоящую школу политических ошибок. Он держал в руках все политические игрушки, требующиеся для изменения политического строя, но оказался не в состоянии выстроить убедительную для большинства поляков концепцию реформирования нашей страны. Фатальный подбор кадров напоминает все ошибки Валенсы. Скажем, министр обороны Антони

---

[2] Имеются в виду разнообразные и непрекращающиеся попытки нынешних властей РП по глупым и надуманным поводам привлечь Д. Туска к ответственности.

[3] Радио «Мария» — популярная ультраконсервативная радиостанция религиозно-шовинистического толка, пропагандирующая национализм, ксенофобию и антисемитизм. Она является источником раскола не только в польском обществе, но и в католической церкви.

[4] В Древнем Риме триумфом именовалась церемония торжественного вступления в столицу победоносного полководца и его войска, завершавшаяся на Капитолийском холме, который служил местом народных собраний и заседаний сената.

Мацеревич, то есть явное безумие[5] и очевидный конфликт с президентом. Уже упоминавшийся Зёбро, то есть демонстрация слоновьей грации там, где складирован юридический фарфор. Глава государственного телевидения Яцек Курский, т.е. кровавая расправа с курицей, несущей золотые яйца.

Таковы лишь некоторые из примеров абсурдной инертности и беспомощности Ярослава Качинского при подборе кадров. Он — по причинам, известным одному Господу Богу, — назначает на ключевые позиции разрушителей и неудачников, миссия которых непременно должна завершиться тотальным крахом и дыркой от бублика. Эффекты уже имеются, а будут и дальнейшие, еще более трагичные для правящей команды.

От председателя «Права и справедливости» (ПИС) отдаляется «собственный» президент. Отвратительный хэйт[6], исходящий из кругов ПИС по отношению к президенту Анджею Дуде, обязательно заставит того навсегда дистанцироваться от его родной партии. В результате эффективно срабатывавший до сих пор реформаторский механизм трещит по всем швам — равно как и ощущение общности внутри правящей коалиции. А уж «предательские морды в сейме»[7] означают утрату тех остатков избирателей центристской ориентации, которые верили в рационализм и эмоциональную уравновешенность главы ПИС.

■ Антимессии среди оппозиции

Еще два года назад люди связывали с перечисляемыми ниже политиками — по крайней мере, с отдельными из них — весьма высокие, даже чрезмерные ожидания. Какое-то малое количество удрученных фрустратов видело великого лидера в Павле Кукизе[8]. А тот на самом деле сумел в ходе избирательной кампании привлечь и зажечь людей. Да и по сей день трудно упрекнуть его в отсутствии темперамента, но подводит его отсутствие систематичности и неумение вести программную работу.

Многие поляки дали себя обмануть и пошли за такой фигурой, как либеральный 45-летний экономист и политик Рышард Петру, лидер партии «Современная». Будучи уверенным, что приобретенный в бизнесе опыт удастся легко перенести в мир политики, он уже через год поскользнулся на бытовом скандальчике[9] и с того момента довольно последовательно топит все шансы — и свои, и своей партии. От той надежды, какой «Современная» была для разочарованных приверженцев «Гражданской платформы» (ГП), ныне остался лишь жалкий и пользующийся совсем незначительной поддержкой огрызок, который в самом лучшем случае может стать рыночным крылом ГП.

Матеуш Киёвский, 48-летний информатик, публицист, общественный деятель и блогер, большая надежда «Газеты выборчей» и ее главного редактора Адама Михника — это человек, с которым связывали чаяния, что он станет лицом некоего левоцентристского образования, которое отодвинет ПИС от власти, в итоге оказался куколкой-бибабо[10] в цветастых носках, а также символом финансовых комбинаций на стыке денег и политики.

Кто еще? Гжегож Схетына, которого политики ПИС считали «серым кардиналом» кабинета Туска и за харизму которого никто не давал и ломаного гроша. Но по факту он хотя бы привел в порядок партию ГП и поднял веру в нее настолько, что она вернула себе позицию номер два в рейтингах. Однако в какой мере он выдерживает конфронтацию с Качинским? С этим у него трудности, он отнюдь не Туск, но вернется ли тот в страну? Пока что лишь немногое указывает на такую возможность.

---

[6] hate (анг.) — ненависть.

[7] Речь идет об инциденте годичной давности, когда глава ПИС с парламентской трибуны, фактически обвинив депутатов сейма от оппозиции в убийстве брата, потребовал от них «не вытирать свои предательские морды» о его святое имя.

[8] Павел Петр Кукиз — 55-летний польский рок-музыкант, актер (снявшийся в нескольких фильмах) и политик, основатель партии «Кукиз'15», которую характеризуют как право-популистскую. В 2015 г. на президентских выборах набрал 21% голосов, затем на выборах в сейм его партия получила 9%, а сейчас она практически распалась, сойдя на нет.

[9] Сначала в момент, когда в стране бушевали протесты, его застукали в Португалии с симпатичной коллегой по сейму, а потом в сеть выложили смс-ки, которыми эта пара обменивалась во время заседаний сейма.

[10] Бибабо́ — кукла в виде перчатки, состоящая из простейшего платья и головы с отверстием под указательный палец, большой и средний пальцы служат «руками» кукольного персонажа.

■ К черту мессианизм!

Быть может, все-таки есть смысл отойти от догмата о потребности в харизматическом лидере? И понять, что на сегодняшний день политика — это прежде всего добросовестный, честный профессионализм. Опыт, аналитика, деньги. Да, финансы — это, конечно, основа, база, но вдобавок надо еще и знать, как их использовать. Деньги служат для того, чтобы запустить твиттер, фейсбук, другие интернет-инструменты. Чтобы систематически и последовательно создавать тылы, которые в процессе избирательной кампании будут надежно и твердо поддерживать отобранных кандидатов.

А им самим действительно нет нужды непременно обладать харизмой. Достаточно, если они будут настолько профессиональны, чтобы не совершать ошибок. Потому что профессионализм в политике — это как раз умение остерегаться ошибок и использовать свой логистический тыл, это разумное и продуманное присутствие в средствах массовой информации. Наконец, это лояльная и профессиональная команда, а не двор, как у Качинского или Туска.

Парадоксальным образом таковую может создать вокруг себя Анджей Дуда, если только он будет держать дистанцию по отношению к своей родной партии. Что же касается фигуры бывшего премьер-министра, а сегодняшнего председателя Европейского совета, то он должен был бы, наверно, по-прежнему оставаться близоруким и амбициозным честолюбцем, чтобы не оценить, какие тылы готовит ему Схетына. Если Туск и сможет когда-нибудь возвратиться в польскую политику, то только благодаря инструментарию и движущей силе реформированной «Гражданской платформы», а вовсе не какой-то надуманной новой партии, для создания которой Туску (зная его темперамент) потребовался бы, как минимум, десяток лет.

■ Поединок

Лично я не верю, что ПИС под предводительством Ярослава Качинского способна создать профессиональный и эффективный механизм современной партии. Среда «Права и справедливости», весь этот круг представляет собой большой улей, куда, словно шершень, ворвалось маниакальное искушение власти. Ворвалось — и режет вслепую всё подряд, порождая хаос и панику. Выживают самые ловкие и жестокие. Самые циничные и беспощадные. Сейчас уже нет шансов, чтобы отключить механизм отрицательного отбора, естественный для всякой моновласти, тем более что кошмарная кадровая политика Качинского как председателя ПИС только усугубляет такого рода процессы. Хоть он и разумнее Валенсы, но идет в точности по его следам.

Кто же выйдет на арену будущей борьбы за первенство? Какого поединка дождутся поляки в ближайшие годы? Думаю, наибольшие шансы имеют, с одной стороны, Анджей Дуда, с другой — широко понимаемая «Платформа». Первый может создать опять же широко понимаемый правоцентристский блок, где найдется место для твердого (постписовского) центра и для большой группы поддержки — с такими людьми, как Ярослав Говин или сироты, оставшиеся после Леха Качинского[11].

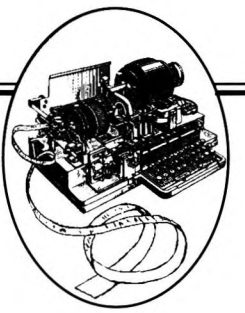
В противоположном углу может расположиться Схетына с «Платформой» и теми, кто ее поддерживает (Туск на белом коне может выступать здесь только в качестве одной из карт этой колоды), в том числе и люди, симпатизировавшие «Современной». Это была бы либерально-проевропейская структура, тогда как предыдущий лагерь тяготел бы к евроскептицизму и консервативному традиционализму.

Ну, а на закуску еще и третья сторона — левая общественность. Она представляет собой столь же большое неизвестное, сколь и значимый потенциал. Эти круги пребывают в ожидании как объединения, так и порядочного (только, ради Бога, не харизматичного) лидера. Вполне подошел бы кто-либо вроде Бартоша Арлуковича[12]. Но родит ли такого для левых наша до крайности измученная земля?

RZECZPOSPOLITA

[11] В ПИС «сиротами после Леха» называют горстку министров из Канцелярии погибшего президента, в числе которых Яцек Сасин, Мацей Лопинский, Витольд Ващиковский (раньше также Анджей Дуда), и группу парламентариев из так наз. фракции музейщиков: Эльжбету Якубяк, Павла Коваля, Яна Олдаковского и Лену Домбковскую-Цихоцкую. Идеологически они всегда находились значительно ближе к центру, и поэтому в партии часто стояли особняком, немного на обочине.

[12] Бартош Адам Арлукович — 46-летний политик и врач-педиатр, многолетний депутат сейма, в 2011–2015 гг. министр здравоохранения в правительствах Дональда Туска и Эвы Копач.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» **«Спустя год после того, как Анджей Дуда пообещал организовать конституционный референдум, президент заявил о своем желании провести голосование 10-11 ноября».** ***(Михал Коланко, «Жечпосполита», 4 мая)***

» ««Я призываю поляков прийти на референдум и в этот торжественный праздничный день сказать, какой вы хотите видеть Польшу», — сказал президент Анджей Дуда, объявив в ходе торжественных мероприятий, посвященных 227-й годовщине принятия Конституции 3 мая, о проведении конституционного референдума по поводу Основного закона». *(«Жечпосполита», 4 мая)*

» **«Президент, которому статья 126 Основного закона предписывает следить за соблюдением конституции, не должен устраивать дискуссий, которые бы дискредитировали эту самую конституцию. (...) Действующие нормы регулируют отношения между президентом и правительством таким образом, чтобы избежать сосредоточения власти в одних руках. Для демократического строя предпочтительнее, когда два независимых органа власти сотрудничают друг с другом, используя свою самостоятельность. Такая практика способствует принятию более зрелых, взвешенных решений, если в ее основе лежит воля к сотрудничеству, к чему напрямую обязывает конституция», — Рышард Петровский, специалист по конституционному праву.** ***(«Жечпосполита», 4 мая)***

» Правящая партия «заметила, что реформы можно проводить и по-другому, не меняя конституции. Преобразования в Конституционном трибунале, Верховном суде, Национальном совете правосудия были осуществлены без изменения конституции, при этом политические цели были достигнуты. (...) В ПИС к президенту относятся равнодушно, игнорируя его. (...) На избирательные участки наверняка явится всего лишь горстка людей. Кроме того, этот референдум будет носить консультативный характер, а значит его результаты ни на что не повлияют», — Томаш Слупик, политолог. *(«Жечпосполита», 4 мая)*

» **«Преамбула Конституции Польши. Прекрасный текст: «Мы, Польский Народ — все граждане Республики, как верующие в Бога, являющегося источником истины, справедливости, блага и красоты, так и не разделяющие этого верования...». (...) Я считаю, что законность и разделение властей — это забота всего общества, а не только политиков. Это фундаментальные условия для проведения любой политики. Поэтому защита этих фундаментов — это также забота общества, а не только политиков. (...) Збигнев Зёбро (министр юстиции и генеральный прокурор) и его заместители — это самые настоящие хакеры от юриспруденции. Они настолько хорошо изучили систему, что знают, как лучше всего атаковать ее снаружи. (...) Любая культура осуждает ложь, поскольку она смертельно опасна. Под влиянием лжи и пропаганды мы теряем ориентиры и потому должны сопротивляться лжи и пропаганде. (...) Пока что целостный план развития есть только у ПИС. (...) Это во многом тотальный план, призванный полностью охватить наше общественно-политическое пространство», — Мартин Матчак, юрист, профессор Варшавского университета.** ***(«Ньюсуик Польска», 23 апр. — 6 мая)***

» «Национальный референдум, на котором «польки и поляки» предложат новые конституционные решения. Это очень интересный эксперимент мирового уровня. Насколько мне известно, еще нигде конституция не разрабатывалась подобным образом. (...) В последнее время появилась еще одна идея, связанная с усовершенствованием демократии. Идея эта принадлежит министру науки и вице-премьеру Ярославу Говину. Суть ее в том, чтобы на выборах родители могли дополнительно проголосовать за своих несовершеннолетних детей. (...) Один из моих знакомых (...) говорит, что общество, растлеваемое пропагандой, постепенно глупеет. Утешает только, что глупеют не все, а только те, у кого нет соответствующего иммунитета», — Ян Видацкий. *(«Пшеглёнд», 7-13 мая)*

» **«Игнорирование Дудой конституционных норм стало пагубной практикой. Да он и сам стал символом нарушения законности. Его критикует подавляющее большинство авторитетных юристов и одновременно нахваливают политики правящей партии, для которых партийные интересы стоят выше интересов государства», — Ежи Доманский, главный редактор.** ***(«Пшеглёнд», 7-13 мая)***

» «Согласно новому опросу ЦИОМа, 63% опрошенных поляков довольны работой президента Анджея Дуды. (...) Недовольны его деятельностью 28% респондентов. (...) 9% участников опроса не смогли определиться с ответом. Опрос проводился 5-12 апреля». *(«Газета выборча», 19 апр.)*

» **«Если бы Анджей Дуда начал борьбу за президентское кресло, а выборы состоялись сегодня, за него проголосовали бы 44% респондентов. Председатель Европейского совета Дональд Туск мог бы рассчитывать на 24% голосов. (...) Если бы результаты опросов подтвердились в ходе выборов, нас ждал бы второй тур. (...) И выиграл бы его Дуда. За него проголосовали бы 53% опрошенных. Туска поддержали бы 44% избирателей». Опрос «Kantar Millward Brown».** ***(«Факт», 2-3 мая)***

» «В понедельник Франс Тиммерманс, заместитель председателя Европейской комиссии, встретился с премьер-министром Матеушем Моравецким, первым председателем Верховного суда Малгожатой Герсдорф и уполномоченным по правам человека Адамом Боднаром. Темой беседы стала ситуация в сфере законности в Польше, а также вопросы независимости польских судов и Конституционного трибунала». *(Лукаш Возницкий, «Газета выборча», 12 апр.)*

» **«В День Конституции 3 мая в Брюссель прибыл министр иностранных дел Яцек Чапутович вместе с Анной Сурувкой-Пасек, министром Канцелярии президента. (...) Оба польских министра убеждали Франса Тиммерманса, что ему следует более доброжелательно отнестись к реформам в Польше, которые никак не угрожают состоянию законности в стране. (...) Однако обещания прекратить или приостановить идущую процедуру получить от Тиммерманса не удалось. (...) Европейская комиссия проводит процедуру относительно состояния законности в Польше вот уже более двух лет. (...) Сначала это касалось только Конституционного трибунала, потом появились обвинения, связанные с законами о судебной системе. (...) В итоге 20 декабря 2017 года Европейская комиссия уже на последнем этапе процедуры направила дело в Совет Европы, предоставив ему решать, есть ли в Польше нарушения законности».** ***(Из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 4 мая)***

» «Председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер рассказал в минувшую среду о проекте бюджета Евросоюза на 2021-27 годы, согласно которому верхний потолок расходов составит 1135 млрд евро, то есть около 1,1 национального дохода ЕС «брутто». (...) Весьма обсуждаемой новостью стала приостановка Евросоюзом финансирования тех стран, которые не выполняют условий, связанных с законностью и правопорядком. (...) Это результат дискуссии между ЕС и Польшей относительно законности. (...) «Сокращение финансирования Польши окажется большим, чем в среднем по ЕС. Цена, которую мы заплатим за злоупотребления властью, допускаемые правящей партией, становится все более очевидной», — сказал Януш Левандовский («Гражданская платформа»), бывший комиссар ЕС по вопросам бюджета». *(Из Брюсселя Томаш Белецкий, «Газета выборча», 4 мая)*

» **«Председатель Европейского совета и бывший премьер Польши Дональд Туск в понедельник давал показания в окружном суде Варшавы в ходе процесса, касающегося поездки президента Леха Качинского в Катынь 10 апреля 2010 года. (...) Бывший премьер-министр заявил, что это не он отвечал за проект визита. «Вопросы логистики и организации такого рода визитов не находятся в компетенции премьер-министра», — сказал Туск. (...) На вопрос, располагал ли он информацией, что президент хочет организовать совместный визит, Туск ответил: «Нет, я понятия об этом не имел»».** ***(Изабелла Кацпшак, Гражина Завадка, «Жечпосполита», 24 апр.)***

» Депутат Европарламента от ПИС Рышард Чарнецкий «был исключен из состава участников наблюдательных миссий Европейского парламента, следящих за ходом выборов в так наз. «третьих странах». (...) Несмотря на предупреждения Европарламента, он по собственной инициативе отправился в Азербайджан, где 11 апреля про-

ходили выборы президента. Европейский парламент не согласился отправить туда официальную миссию, посчитав условия, в которых проводится избирательная кампания, в частности тюремное заключение многих оппозиционных политиков, неприемлемыми». *(Из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 17 апр.)*

» **«Суд Европейского союза в Люксембурге постановил во вторник, что проводившаяся при бывшем министре окружающей среды Яне Шишко вырубка деревьев в Беловежской пуще нарушала законодательство ЕС. (...) Суд полностью поддержал позицию Европейской комиссии, не обнаружив никакой логики в решениях бывшего министра окружающей среды. (...) По мнению суда, проводимая в пуще вырубка грозит исчезновению значительной части леса. (...) Там уже вырублено 180 тыс. деревьев, чей возраст превышает 30 лет. (...) «Теперь этого уже не исправить», — говорит пресс-секретарь «Всемирного фонда дикой природы» Катажина Корпа-Свидерек». *(Анна Слоевская, «Жечпосполита», 18 апр.)***

» «2017 год запомнится как один из самых мрачных не только в истории Беловежской пущи, но и всей Польши. Впервые после 1989 года, то есть впервые после обретения нами независимости (...), говорит Адам Вайрак, вырубка коснулась самых ценных деревьев, возраст которых зачастую превышал сотню лет. (...) Вырублено 190 тыс. кубометров древесины. (...) Натурального обновления, для которого требуется много мертвой древесины, не только выступающей защитой от насекомых-короедов, но и служащей грунтом для нового поколения деревьев, не будет здесь еще очень долго», — Доминик Ухлиг. *(«Газета выборча», 17 апр.)*

» **«Вчера Польша на месяц возглавила Совет безопасности ООН». *(«Факт», 2-3 мая)***

» «Почти полгода удерживая чеченскую семью с детьми в охраняемом центре, Польша нарушила право на семейную жизнь и должна выплатить компенсацию в размере 12 тыс. евро, решил Европейский суд по правам человека в Страсбурге». *(«Газета выборча», 11 апр.)*

» **«В четверг, в 30-ю годовщину первого Марша жизни, в бывший концлагерь в Освенциме приехали более десяти тысяч евреев. (...) Присутствовало также командование всех израильских военных формирований. И сам президент Реувен Ривлин. (...) Президент Дуда выступил с речью, заявив: «Мы встречаемся на Марше жизни, чтобы сказать, даже крикнуть: «Посмотрите, к чему могут привести антисемитизм, ксенофобия, расизм!»»». *(Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 13 апр.)***

» «Мы с большим уважением относимся к тому, что польский народ в результате рефлексии и самоанализа рассчитался с собственной совестью. Но мы требуем, чтобы Польша не препятствовала всесторонним исследованиям Холокоста. Политики обеспечивают будущее своих народов, историки описывают и изучают их прошлое. Этим людям не нужно меняться профессиями», — подчеркнул президент Реувен Ривлин. *(Бартоломей Курась, «Газета выборча», 13 апр.)*

» **«Главные торжества, связанные с 75-ой годовщиной восстания в Варшавском гетто, прошли у памятника Героям гетто, рядом с музеем истории польских евреев «Полин». Вместе с президентом Дудой в них участвовали премьер-министр Матеуш Моравецкий, маршалы Сейма и Сената. Посол Израиля напомнила, что в этот самый день Израиль отмечает 70-ю годовщину своего существования, а восстание в Варшавском гетто в 1943 году вдохновило евреев на создание и защиту независимого израильского государства. (...) «Подальше от ограждений» и представителей власти организовали торжества неправительственные организации и часть жителей Варшавы. Это стало реакцией на то, как были организованы официальные торжества — подойти к памятнику Героям гетто в этом году можно было только по специальным приглашениям. Толпы варшавян прошли в символическом марше памяти по маршруту, которым много лет назад шел Марек Эдельман, последний руководитель восстания в гетто». *(Павел Вронский, «Газета выборча», 20 апр.)***

» Большая синагога в Варшаве «стояла там с 1878 года до самого конца боев в гетто. Она вмещала 2,4 тыс. человек, и во время разделов Польши, несмотря на царский запрет, проповеди звучали там по-польски. Синагога была взорвана после подавления восстания 23 мая 1943 года по приказу Юргена Штропа. (...) Я не понимаю, почему мы, восстанавливая из руин кафедральный собор в Старом городе, забыли о синагоге? Почему в нашей стране, столь тонко чувствующей

язык символов, мы ничего не сделали, чтобы положить конец этому символическому триумфу нацистов?», — Моника Платек, профессор Варшавского университета. *(«Газета выборча», 5-6 апр.)*

» **«Как это вообще возможно — написать, подобно доктору наук Томашу Панфилю, что «после нападения Германии на Польшу положение евреев было не таким уж плохим», а потом еще и получить за это от министра образования премию за «особые заслуги в области просвещения»? Я пережила гетто и четыре концлагеря: Майданек, Освенцим, Равенсбрюк и Нойштадт-Глеве. Кто мне это объяснит? (...) Эва Курек, доктор наук, рассказывает, что евреи в гетто развлекались и загорали, настолько им было хорошо. (...) Премия имени Яна Карского для этой госпожи — это самый настоящий позор. Как можно говорить что-либо подобное о городе, где было пролито столько крови? (...) Мне было пятнадцать лет, когда я покинула Польшу. (...) Я уехала, потому что стоило мне выйти на улицу в платье с короткими рукавами, позволяющими увидеть лагерный номер 48693, я слышала: «Глянь-ка, еврейка! Убивали их, убивали, а сколько еще осталось!»», — Халина Биренбаум. *(«Газета выборча», 21-22 апр.)***

» «Около трех тысяч хасидов посетило за последние дни город Новы-Сонч, совершая паломничество к могиле цадика (на иврите — «чудотворца») Хаима Халберстама (1793–1876)». *(«Польска», 16 апр.)*

» **«В историческом Зале безопасности и гигиены труда Гданьской судоверфи, где в 1980 году Лех Валенса подписывал «августовские соглашения», в субботу состоялся съезд крайне правого Национально-радикального лагеря». Лех Валенса в своем твиттере: «Я спрашиваю, когда уже ПИС поставит Национально-радикальный лагерь вне закона? Чего все ждут? Когда эти люди придут к власти? Вы слепые и не видите этого, или делаете вид, что не видите?». *(«Газета выборча», 16 апр.)***

» «В результате антисемитской травли в 1968 году страну покинули около 13 тысяч поляков еврейского происхождения. Основной маршрут вел сначала в Вену, а оттуда, как правило, в Израиль, Данию, Швецию, США и Канаду. Вынужденные эмигранты, которых заставили отказаться от польского гражданства, в день отъезда подвергались тщательному таможенному контролю. Каждый что-то забирал с собой. Теперь свидетели тех событий либо их близкие в ответ на призыв музея «Полин» передают в экспозицию памятные вещи. (...) С историей пост-мартовской эмиграции можно познакомиться в музее «Полин». (...) Из четырех стендов с «архивом Марта» два оставлены пустыми — здесь можно оставить свои семейные реликвии. Выставка, открытая в 50-ю годовщину антисемитской кампании в Польше, будет работать до 24 сентября 2018 года». *(Марек Козубаль, «Жечпосполита», 10 мая)*

» **«После победы ПИС в 2015 году на парламентских выборах на счета таких изданий, как «Газета Польска», «Газета польска цодзенне», «Сети», «До жечи» и «Наш дзенник» широким потоком полились деньги компаний с участием Государственного казначейства. По данным фирмы «Kantar Media», только в 2017 году на поддержку этих пяти газет могло быть выделено 36 млн злотых. (...) В 2016-17 гг., то есть уже после того, как контроль над компаниями с участием Государственного казначейства перешел к людям из правящей партии, одни только поступления от рекламы 22 крупнейших государственных предприятий в ведущих право-консервативных газетах достигли 64 млн злотых. (...) Государственные промышленные гиганты убрали свою рекламу из газет, занимающих критическую позицию по отношению к правительству». *(Гжегож Жечковский, «Политика», 25 апр. — 8 мая)***

» «Вот уже второй год подряд Польша теряет позиции в ежегодном рейтинге свободы СМИ, составляемом организацией «Репортеры без границ». Сейчас мы находимся на 58 месте — это на четыре позиции ниже, чем в прошлом году. Это худший результат в истории». *(«Газета выборча», 27 апр.)*

» **«Закон о декоммунизации гласит: названия дорог, улиц, мостов и площадей не должны увековечивать людей, организации, события либо даты, которые могут хотя бы символически быть отождествлены с системой власти в Польше в 1944-89 годах. (...) В публичном пространстве также не должны находиться «объекты, пропагандирующие коммунизм», то есть имеющие отношение к Красной ар-**

мии, польско-советскому братству по оружию, советским партизанам, «установителям народной власти», Гвардии людовой и Армии людовой. (...) Несмотря на то, что закон вступил в силу 1 апреля, он предельно серьезен. Руками воеводств правительство безжалостно заставляет нередко протестующие муниципалитеты менять названия и демонтировать памятники. Институт национальной памяти дал 336 заключений, указав 943 улицы, названия которых подлежат изменению в соответствии с законом». ***(Пшемыслав Витковский, «Пшеглёнд», 9-15 апр.)***

» «Воеводский административный суд в Ольштыне отменил решение воеводы об изменении названия улицы Интербригады Домбровского, а перед этим не согласился с заключением Института национальной памяти относительно этого формирования, сражавшегося в Испании во время гражданской войны. Ранее подобное решение было принято в Гданьске. (...) Гданьский суд признал, что закон не может лишать муниципалитеты их правосубъектности и «нарушать достоинство местного самоуправления»». *(Марек Ксенжек, «Пшеглёнд», 9-15 апр.)*

» **«Динамику роста популярности негосударственного образования показывают данные министерства образования. (...) В 2016 г. в негосударственных начальных школах и гимназиях учились около 146 тыс. детей, в этом году их количество достигло 161 тысячи. Рост составил 10%. (...) В то же самое время количество государственных школ увеличилось только на 6%, зато количество частных — на 20%. (...) В результате реформы государственные школы переполнены, зато частные могут себе позволить обеспечить учащимся более комфортные условия, говорит социолог Пшемыслав Садура. По всей Польше появилось около 250 новых частных школ».** ***(Юстина Сухецкая, «Газета выборча», 13 апр.)***

» «В суды поступило уже около 8,5 тыс. исков с обжалованием решений об уменьшении пенсии. (...) Бывшие сотрудники силовых структур, которым на основании «античекистского» закона урезали пенсии, получают бумаги о том, что рассмотрение дела приостановлено, либо же суды просто не назначают рассмотрение дела. Обоснование одно — нужно подождать решения Конституционного трибунала, говорит Здзислав Чарнецкий, председатель Федерации ассоциации силовых структур Республики Польша. Дамиан Сухолевский, адвокат, ведущий дела пострадавших пенсионеров-силовиков: «Думаю, что рассмотрение дела может занять два-три года». Многие его клиенты могут не дождаться окончания процесса. «Уже умерло четыре человека, чьи интересы я представлял в делах о понижении пенсий», — добавляет Сухолевский». *(Лешек Костшевский, «Газета выборча», 2-3 мая)*

» **«По состоянию на 1 апреля нехватка полицейских кадров в Польше составила 5 тыс. 329 человек. (...) В масштабе страны из полиции уволились 1623 сотрудника, а устроились служить только 623. (...) В 2008 году кандидатами в полицейские были свыше 40 тыс. человек, в 2017 — только 23 тысячи. Прогнозируется, что в этом году их будет не больше 10 тыс., при этом 70% из них отсеется в ходе проверки их знаний и физподготовки, а также на психотестах. (...) Зарплата полицейского ниже среднего заработка в частном секторе. (...) Полицейские уже не могут, как раньше, уходить на пенсию после 15 лет службы. Теперь они должны проработать в полиции не меньше 25 лет, а минимальный пенсионный возраст полицейского составляет 55 лет. (...) «Очень негативную реакцию вызвали высказывания, дискредитирующие наших старших товарищей, которые начинали службу еще в милиции, а также применение к нам «античекистского» закона», — говорит один из варшавских полицейских. (...) Другой мой собеседник, бывший офицер отдела по предупреждению преступности, подчеркивает: «Коллеги подавлены, поскольку теперь, спустя годы, часть общества видит в них «приспешников власти»»».** ***(Войцех Чухновский, «Газета выборча», 27 апр.)***

» «Почти 47% поляков позитивно оценивают деятельность Центрального антикоррупционного бюро (ЦАБ). По данным Института рыночных и социологических исследований, это самый высокий результат с момента появления этой структуры. (...) По сравнению с прошлогодними опросами ЦИОМа, количество довольных работой ЦАБ выросло на 9%. Оценку «скорее хорошую» дали работе ведомства 28,1% респондентов, а еще 18,2% опрошенных «определенно хорошую». (...) Группа тех, кто оценивает работу

ЦАБ негативно, составляет 31%. (…) Более 22% опрошенных не определились с ответом. (…) ЦИОМ напомнил, что в 2013 г., то есть еще во время правления коалиционного правительства «Гражданской платформы» и Крестьянской партии ПСЛ, (…) большинство респондентов (57%) полагало, что власть не собирается бороться с коррупцией». *(Изабела Кацпшак, «Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая)*

» **«Ассоциация прокуроров «Lex Super Omnia» сообщает, что 200 прокуроров было отправлено «на места». В прокуратуре времен ПИС это сделалось распространенным, хотя и незаконным видом наказания. Прокуроров делегируют не более, чем на 12 месяцев в году, как предусмотрено в правилах. А поскольку каждый календарный год насчитывает 12 месяцев, прокурора, таким образом, можно делегировать пожизненно, каждый год отправляя его на 12 месяцев в любой конец Польши. (…) Около 1,2 тыс. прокуроров было делегировано в прокуратуры низшего звена. Их можно в любой момент вернуть обратно, что для Збигнева Зёбро служит залогом их лояльности. В то же время 1,5 тыс. прокуроров-управленцев, наоборот, повысили — для них это означает не только престиж, но еще и солидную прибавку к зарплате. Среди тех, кто сейчас пошел на повышение, много молодых людей без опыта работы, чья карьера зависит от благосклонности начальства». *(Эва Седлецкая, «Политика», 11-17 апр.)***

» «Гражданский центр документации и аналитики отслеживает и комментирует динамику нарушений законности и прав человека в Польше после выборов 2015 года. С декабря 2017 года мы собрали свыше пятисот документов (…) и более сотни аналитических документов авторитетных юристов. Мы сводим имеющиеся факты в несколько таблиц: сопротивление гражданского общества, политические репрессии, конфликты с ЕС, судебные реформы ПИС, посягательство на Конституционный трибунал». *(«Газета выборча», 28-29 апр.)*

» **«На государственной гражданской службе по сравнению с 2016 годом на 26% сократилось количество объяснительных производств и на 19% — количество дисциплинарных. (…) «Государственная служба практически уничтожена. В ней уже не действуют такие важные стандарты, как аполитичность. На руководящие должности без всякого конкурса попадают люди, связанные с правящей партией. Ничего удивительного, что дисциплинарных производств, связанных с нарушением принципов госслужбы, становится всё меньше», — говорит Мария Витчак, депутат от «Гражданской платформы», член Совета государственной службы». *(Катажина Вуйчик, «Жечпосполита», 17 апр.)***

» «Кумовство стало в Польше образцовой моделью политической деятельности. И это одно из самых больших поражений Третьей Речи Посполитой. (…) Сегодня глава любого министерства или ведомства знает, что оценка его работы по существу уже не имеет значения. Зато имеет значение вердикт, вынесенный центром управления на ул. Новогродской. Система управления государством сегодня замкнута на одном человеке, раздающем блага и привилегии. (…) Если посмотреть на индекс участия поляков в политической жизни… Такой индекс есть, он определяется в зависимости от процента партийных по отношению ко всему электорату. Последние исследования, которые я помню, показывали, что в Польше этот индекс не достиг даже 2%, а в Швеции и Австрии он составлял свыше 20%, да и в странах нашего региона был в несколько раз выше. (…) Польские партии немногочисленны, поскольку к этому их вынуждает механизм покровительства, удобный в обслуживании и комфортабельный. Маленькую структуру можно удовлетворить несколькими должностями. (…) Я считаю пораженческой позицию тех моих студентов, которые эмигрировали, говоря, что не хотят быть обязанными кому-либо за поддержку и связи. Уезжая из Польши, они бежали от системы кумовства», — Рафал Матыя, политолог, историк, преподаватель Высшей школы управления и информатики в Жешуве. *(«Газета выборча», 28-29 апр.)*

» **«Украинцы, живущие на берегах Вислы, довольны уровнем жизни в нашей стране, а также доступностью услуг. Об уровне жизни одобрительно отзываются 88% иммигрантов. (…) В опросе об уровне жизни, проведенном «ARC Рынок и мнение», участвовало почти 400 украинцев, живущих в нашей стране как минимум несколько месяцев. Большинство хотело бы остаться здесь подольше». *(Анита Блащак, «Жечпосполита», 26 апр.)***

» «Когда пал коммунизм, уровень жизни в Польше едва дотягивал до 29% от уровня жизни в Португалии, а когда мы вступали в ЕС — до 62%. (...) В 2017 г. доход на одного человека (29,2 тыс. долларов) составил у нас уже 97% дохода одного жителя Португалии. А Польша развивается почти в два раза быстрее». *(«Жечпосполита», 7 мая)*

» «Улучшение условий содержания заключенных — на эту тему уместно рассуждать разве что в Брюсселе. (...) В Польше, как и в Румынии, самый маленький во всем ЕС метраж на одного заключенного — всего три квадратных метра. Стандартом в ЕС считаются 7 кв.м., а в некоторых странах и все 10. Квота, выделяемая на питание, не превышает одного евро, что неизменно повергает в шок всех, кто посещает наши тюрьмы. (...) Нарушаются даже такие фундаментальные права, как постоянный доступ к питьевой воде». *(Януш Цвелюх, «Политика», 11-17 апр.)*

» «Люди наконец-то перестали спрашивать: «Неужели это происходит на самом деле?». Администрация фейсбука признала, что россияне использовали площадку этой социальной сети для дезинформации, вскоре запретив использовать аккаунты, созданные российским агентством «Internet Research Agency», которое в режиме онлайн профессионально занимается пропагандой. Твиттер удалил российские автоматизированные сети ботов», — Энн Эпплбаум. *(«Газета выборча», 12 апр.)*

» «28 марта министр национальной обороны Мариуш Блащак своей подписью выразил согласие на окончательное предложение американского правительства по вопросу закупки двух батарей системы противовоздушной обороны средней дальности (...). Соглашение о стоимости, которая оценивается в 4,75 млрд долларов США, сопровождалось символическим взаимозачетом. С целью ограничения расходов было также решено не финансировать работы по развитию, необходимые для внедрения целевой структуры системы. (...) Только за последние три года мы подписали с США договоры на общую стоимость свыше 20 млрд злотых, практически без компенсационных перечислений и с минимальным трансфером технологий. (...) С военной точки зрения, покупка всего лишь двух батарей с секторовыми радарами не слишком укрепит безопасность Польши и принесет разве что пропагандистский эффект. (...) Эту ситуацию дополнительно осложняет всё более ухудшающееся положение польского военно-промышленного комплекса. (...) Отставка опытных управленческих кадров (...), массовые увольнения специалистов, потеря множества ключевых экспортных рынков, а также ограничение частной инициативы привели к тому, что отечественный оборонно-промышленный сектор утратил значительную часть своего потенциала и превратился в партнера с сомнительной репутацией». *(Михал Ликовский, при участии Томаша Хипки, «Рапорт — Войско Техника Обронность», №04/2018)*

» «Поддержка партий: «Право и справедливость» — 33%, «Гражданская платформа» — 25%, Союз демократических левых сил — 8%, «Современная» — 6% Кукиз'15 — 5%, крестьянская партия ПСЛ — 5%. Прочие партии не преодолели избирательный порог, составляющий 5%. Опрос «Kantar Millward Brown», 25-26 апреля. *(«Газета выборча», 28-29 апр.)*

» «Мне также известны результаты опросов, проведенных уже по нашему заказу, и могу сказать, что они значительно отличаются от результатов, полученных враждебными нам СМИ. (...) За результаты выборов я спокоен. (...) Мы стараемся делать всё, чтобы поляки чувствовали — экономическая ситуация в стране улучшается. Мы уже планируем следующие шаги, направленные на ощутимую поддержку нашего народа — меры, подобные программе 500+», — Ярослав Качинский, председатель ПИС. *(«Газета польска», 4-10 апр.)*

» «Премьер-министр Матеуш Моравецкий на субботней пресс-конференции правящей партии рассказал о новых идеях:

— детское пособие в размере 300 злотых, деньги будут выплачиваться ежегодно на каждого учащегося ребенка до достижения им 18 лет, независимо от доходов семьи;

— пенсии для женщин, родивших не менее четырех детей и не работавших по специальности, в размере, равном минимальной оплате труда, которая сегодня составляет 1029,80 злотых «брутто», то есть чуть менее 880 злотых «нетто»;

— программа «Мама+», то есть награда для женщин, быстро обзаведшихся детьми (более длительный отпуск по уходу за ребенком, гаран-

тия места в яслях), бесплатные лекарства для беременных женщин;
— снижение размера отчислений в Управление социального страхования для небольших фирм: чем меньше доходы фирмы, тем меньше отчисления, и только при доходе в 5250 злотых в месяц ежемесячные отчисления будут составлять столько, сколько сейчас, то есть около 1,2 тыс. злотых;
— снижение налога на доходы юридических лиц с 15% до 9% для малых и средних предприятий;
— создание фонда строительства и модернизации местных дорог в размере 5 млрд злотых;
— программа «Доступность +», предусматривающая льготы для инвалидов и пожилых лиц, стоимость программы 23 млрд злотых». *(«Факт», 16 апр.)*

» **«Есть основания для очень серьезного беспокойства. Разница между расходами государства и его доходами становится всё ощутимей. В 2017 году, когда доходы бюджета оказались самыми высокими, а социальные расходы были немного меньше, наш долг и без того вырос. Сегодня государство потратит еще больше (всё более дорогостоящим для бюджета становится снижение пенсионного возраста, а вскоре сюда добавятся детское пособие и пр.), а заработает меньше. Дыра в бюджете этого года станет еще большей, скрытый государственный долг будет расти еще быстрее. Нам не свернуть с пути, ведущего в тупик, хотя премьер-министр, как бывший банкир, отлично понимает, чем всё это кончится. Не знаю, хватит ли у него смелости сказать об этом председателю правящей партии. Ярослав Качинский не разбирается в экономике и поэтому не обязан в полной мере отдавать себе отчет относительно угроз в хозяйственной сфере — его это может просто не интересовать. (...) Правительство будет стараться скрыть правду о реальном положении в стране», — Богуслав Грабовский, бывший член Совета финансовой политики и Экономического совета при премьер-министре.** ***(«Политика», 9-15 мая)***

» «Профессор Лешек Бальцерович много говорит о проблемах Польши, о миграции, о безудержных тратах и их последствиях. Его позицию по всем этим вопросам можно выразить одной фразой: еще до того, как мы примем беженцев, мы увидим на горизонте призрак Греции». *(Мариан Пилат, «Пшеглёнд», 9-14 апр.)*

» **«Первые причастия, так же, как и Рождество с Пасхой, сопровождаются в Польше самым настоящим торговым бумом. (...) После рождественских праздников апрель и май считаются вторым по интенсивности периодом массовых покупок электронного оборудования. По случаю первого причастия поляки тратят больше, чем в день святого Валентина, всего же в Польше ежегодно в связи с этим событием тратится примерно 4 млрд злотых. (...) Родители, поддерживаемые программой 500+, тратятся по такому случаю гораздо охотнее. (...) «Библия с вложенной в нее банкнотой теперь может выступать только в качестве дополнительного подарка», — говорит директор одной из торговых сетей. Ведь эти торжества не обходятся без подарков, которые с каждым годом становятся все роскошнее, и пальму первенства здесь держат всевозможные электронные устройства и гаджеты».** ***(Петр Мазуркевич, «Жечпосполита», 4 мая)***

» «Польша, как родина водки, должна гордиться этим напитком и активно популяризировать его по всему миру. (...) Будем помнить, что Польша — это колыбель водки. Будем с гордостью рассказывать ее историю. (...) Напомню, что водка происходит из Польши, а не из России. Водка у всех ассоциируется с Россией, однако колыбель водки — это Польша. (...) Единственный польский продукт мирового масштаба — это польская водка. (...) То, что мы стыдимся продвигать алкоголь, говорит о нашей провинциальности», — Анджей Шумовский, председатель ассоциации «Польская водка». *(«Жечпосполита», 2-3 мая)*

» **«Я родился в последний год Второй мировой войны. Я лишен чувства страха. И всё же мне кажется, что мы летим в пропасть», — Ян Пешек, актер, преподаватель факультета актерского мастерства краковской Академии театрального искусства.** ***(«Газета выборча», 2-3 мая)***

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

» Согласно статистике, в течение почти трех десятилетий польская экономика не просто развивается, но догоняет страны Западной Европы, — пишет Михал Невядомский в газете «Жечпосполита». Если опережение Греции по уровню жизни граждан нельзя отнести к рекордам (Греция в последние годы боролась с мощным кризисом), то превышение аналогичного показателя Португалии, которое должно произойти в следующие несколько месяцев, — это, безусловно, значительное достижение. А на горизонте появляется Италия — третья экономика в зоне евро, игрок первой лиги. Дело не в чистой статистике — речь идет о месте Польши в Европе. В 1989 году уровень жизни гражданина Польши составлял лишь 10,6% уровня жизни итальянца, в прошлом году — уже 77%. Этим скачком польское общество обязано не только бывшему вице-премьеру по экономике профессору Лешеку Бальцеровичу и его команде, но, прежде всего, себе. Именно миллионы граждан Польши, вдоволь хлебнувших социализма и жаждущих свободы, в том числе экономической, взяли дело в свои руки. Это благодаря им Польша резко двинулась вперед. Празднуя сотую годовщину обретения независимости, общество гордится не только военными победами, но также успехами в социальной и экономической сферах, — пишет Михал Невядомский.

» В минувшем году, как сообщает Главное статистическое управление, иностранцы потратили в Польше 41,5 млрд злотых. В течение нескольких лет больше всего денег оставляли в Польше немцы, — их и приезжало больше всего. В отношении средних затрат на одного человека, как подсчитали в «Газете выборчей», оказывается, что больше всего покупок делают украинцы. Только в IV квартале прошлого года граждане Украины оставили в Польше 2,1 млрд злотых. Специально для украинских покупателей был открыт торговый центр «Корчова долина» в Подкарпатье. Это, однако, не единичный торговый феномен. На Подлясье торговые центры совместно с некоторыми магазинами организовали специальное автобусное сообщение на уикенд «Гродно—Белосток», автобусной линией пользуются белорусские клиенты. На торговле с белорусами белостокские магазины зарабатывают в год около 2,5 млрд злотых. Украинцы и белорусы почти 80% денег отдают за материалы для строительства и ремонта, артикулы для домашнего хозяйства и автозапчасти. На продовольствие и напитки приходится от 10 до 20% покупательского бюджета. Большой спрос — на питание для детей и младенцев. Приграничная торговля, однако, может перестать расти и развиваться, если в большинстве магазинов, где отовариваются белорусы и украинцы, воскресенье останется выходными днем.

» В сотрудничестве Польши и США не должна доминировать тема безопасности, — пишет Бартош Висневский в «Дзеннике. Газете правной». Роль второго мотора в польско-американских отношениях должна играть экономика. Здесь речь идет, прежде всего, о капиталовложениях. Фирмы с американским капиталом дают Польше, по грубым подсчетам, свыше 200 тыс. рабочих мест, лидируют также в отношении новых инвестиционных проектов. На недавнем польско-американском экономическом саммите представители США подчеркнули, что могут предложить Польше нечто большее, чем только лишь новые пошлины и призрак торговой войны. При всех протекционистских обременениях со стороны федеральной администрации, США активно привлекают новые инвестиции в свою экономику, поскольку инвестиции — это налоговые поступления и столь важные для президента Трампа новые рабочие места. Польские предприятия отвечают на эти вызовы. Представительства более 90 польских фирм размещаются почти во всех штатах: производители знаменитых на весь мир яхт — во Флориде, польский медийный гигант действует в Аризоне, а польские информатики ра-

ботают в калифорнийской Силиконовой долине. Из данных американского департамента торговли следует, что из года в год растет число польских фирм, заинтересованных в участии в вашингтонской ежегодной ярмарке «Select USA». Помощь польским фирмам на рынке Соединенных Штатов будет оказывать недавно созданная Польская торговая палата, которая может стать польским лобби в контактах с американскими властями.

» В 2021–2027 годах фонды «политики единства» могут быть для Польши даже на несколько десятков миллиардов евро меньшими, чем в период с 2007-го по 2014-й. Это радикально изменит положение Польши в Европейском союзе. Несколько лет назад Польша была самым крупным бенефициаром бюджета Евросоюза. Сейчас (в 2012–2027 годах) Польша получит меньшие квоты в рамках «политики единства», поскольку становится все более богатой страной. Кроме того, Евросоюз намеревается увеличить ассигнования на финансирование мигрантов, оборону, охрану границ, инновации и борьбу с безработицей среди молодежи. Словом, Польша будет вносить в союзный бюджет больше, чем из него получать. Еще одна нерадостная новость для Польши — это разработанный Еврокомиссией механизм, обуславливающий союзные трансферты уровнем законности, а конкретно — независимостью судов. Еврокомиссия пеняет Польше именно за отсутствие свободного правосудия. Решение по этому вопросу должно быть утверждено большинством голосов, а окончательное заключение Комиссия должна принять при поддержке Совета Европы или Европейского парламента.

» Как свидетельствуют данные евросоюзовского статистического бюро «Евростат», Польша, с точки зрения вовлеченности заграницы в экономику, в целом не отличается от других стран Европейского союза. Согласно опубликованным в «Газете выборчей» данным «Евростата», в течение прошлого года иностранцы владели в Польше 23% активов. Средняя цифра для 25 стран Евросоюза, по которым есть сопоставимые данные на конец 2017 года, — 26,4%, а в 14 странах зарубежные активы выше этого уровня. Самый большой показатель зарубежного участия у Ирландии — почти 45%. Ирландия особенно привлекательная для иностранных инвесторов, главным образом, из-за низких налогов. Более чем 40-процентная доля активов принадлежит иностранцам в двух других странах с низкими налогами — в Люксембурге и на Мальте. Поскольку доля зарубежного капитала в Польше относительно невелика, то почему многие экономисты говорят о чрезмерной зависимости страны? Дело в том, что относительно невелики заграничные инвестиции польских фирм. По данным Национального банка Польши, иностранные капиталовложения в Польше оцениваются в 2 триллиона злотых, а сумма польских инвестиций за границей составляет менее триллиона.

» Гарантированное законом повышение минимальной заработной платы составит в текущем году 117 злотых. Это следует из макроэкономических прогнозов, которые анализирует «Дзенник. Газета правна». В нынешнем году правительство может предусмотреть более значительную квоту на повышение, чем определено законом. Работодатели, однако, полагают, что законодательно гарантированной квоты достаточно. Другое мнение у профессиональных союзов. Важны не абсолютные цифры, а отношение между минимальной и средней оплатой труда. Средняя зарплата растет быстро, и может оказаться, что разница увеличивается, а не уменьшается, несмотря на большое повышение минимального заработка. Правительство, работодатели и профсоюзы в первом полугодии текущего года уже выдвинули свои предложения по оплате труда на следующий год. В качестве минимальной заработной платы обозначаются 2217 злотых в месяц как ставка и 14,5 злотых в час по договору.

Е.Р.

Наталья Лайщак

ГРАЖДАНСКАЯ НАУКА

Наука (для) обыкновенных людей

Хорошие новости для людей, не являющихся учеными, но интересующихся наукой: ныне любой, кто обладает доступом к сети, может сотрудничать с учеными и научно-исследовательскими институтами по всему миру. Важно здесь то обстоятельство, что нам не нужно обладать специализированными знаниями в данной области. Таким образом, профессор-литературовед может на досуге, в свободную минуту, искать в бескрайнем космосе новые кометы, а автомеханик — контролировать на своем смартфоне космическое излучение. Ученик лицея имеет возможность помогать ученым в разработке лекарства от рака или болезни Альцгеймера, а компьютерщик, живущий где-то под Лодзью, — открыть далеко за пределами Солнечной системы новую планету. Как такое возможно? Что ж, добро пожаловать в новую эпоху — эпоху развития гражданской науки.

Несколько лет назад впервые в истории человечества наблюдалось и было подтверждено существование гравитационных волн. Мир на какое-то время сошел с ума, и даже если не весь мир, то, по меньшей мере, та его часть, которая в большей мере интересовалась наукой. И уж безусловно обезумели домочадцы одного из коттеджей в Силезии, где автор данной статьи как раз находилась в тот момент. Энтузиасты указанного открытия были способны чуть ли не часами вслушиваться в зарегистрированный обсерваторией LIGO* звук, который издавала некая пространственно-временная складка. Однако часто, отслеживая судьбы науки и эффектных научных открытий, мы не отдаем себе отчет в том, что за каждой такой новостью или новаторской теорией стоят не только годы исследований, но и многолетние утомительные действия либо усилия, связанные с анализом огромного количества данных. Нередко даже не просто годы, а вся чья-либо жизнь. Вспомним хотя бы Чарльза Дарвина. Его *опус магнум***, иначе говоря, теория эволюции основана на многолетнем скрупулезном изучении и сравнивании живых существ, принадлежащих к самым разным родам и видам. Работа над этой эпохальной теорией заняла у Дарвина много лет, отчасти именно из-за огромного числа наблюдений, которые ему пришлось интерпретировать. Титанический объем проделанной работы вызывал у него хронический стресс и, как следствие, — серьезные проблемы со здоровьем. Однако та совокупность следов трансформации живых существ и прочих сведений, которую собрал и проанализировал Дарвин за время своих изысканий, выглядит ничтожной по сравнению с современными библиотеками данных, сквозь которые вынуждены продираться современные ученые. Полбеды, если релевантные данные может вместо нас проанализировать соответствующий алгоритм. Однако, когда любые алгоритмы терпят неудачу, работа усложняется, так как всё приходится выполнять *вручную*. Именно перед такой проблемой даже не моря, а целого *океана данных* стоял в 2007 г. аспирант Кевин Шавински, будущий профессор Оксфордского университета. Ему в рамках участия в программе Sloan Digital Sky Survey*** (одно из самых важных и подробных описаний неба в истории астрономии) требовалось просмотреть и расклассифицировать около миллиона фотографий различных галактик, которые поступили от космических телескопов. После первой же недели безостановочной работы, плодом которой стали описания *всего лишь* 50 тыс. из них, Шавински пришел к выводу, что само-

* LIGO — ряд созданных в США лазерно-интерферометрических гравитационно-волновых обсерваторий, главная задача которых — экспериментальное обнаружение гравитационных волн космического происхождения, предсказанных в общей теории относительности Эйнштейна — *Здесь и далее примеч. пер.*

** opus magnum (лат.) — главный научный труд.

****Слоуновский цифровой обзор* неба (анг.)

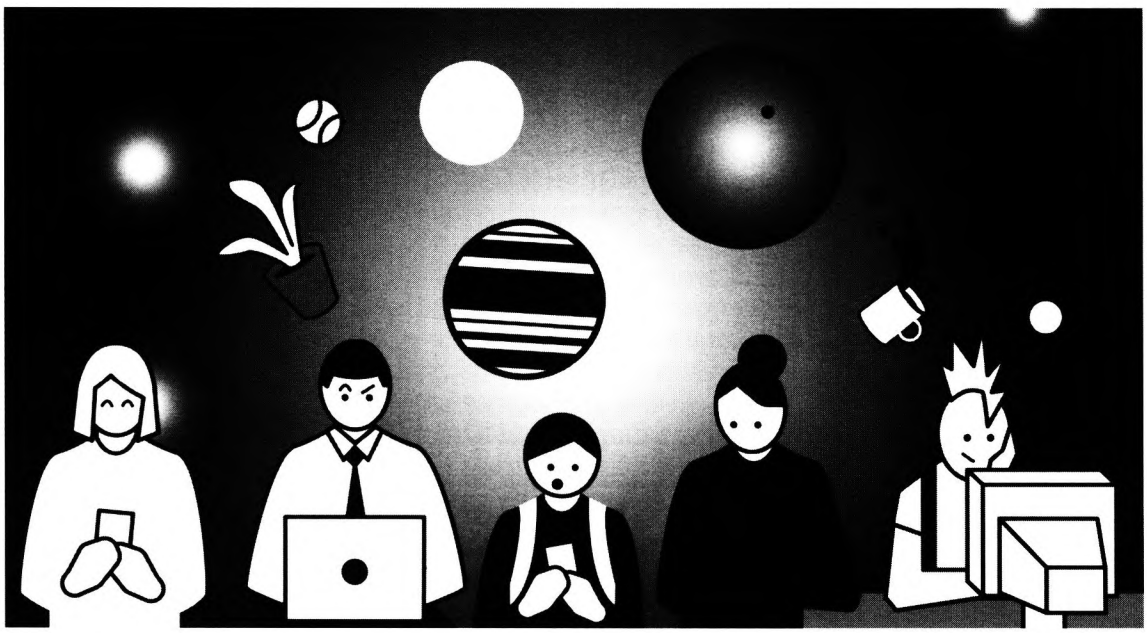
стоятельно он не сможет справиться со стоящей перед ним задачей. В итоге прежде, чем он остался с глазу на глаз с хроническим стрессом, ему пришла в голову интересная идея — он попросил пользователей интернета помочь при описании имевшихся у него данных. Именно так возник Galaxy Zoo («Галактический зоопарк») — один из самых популярных интернет-проектов гражданской науки в XXI веке. Уже через несколько часов после того, как этот проект стал доступен в сети, выяснилось, что количество желающих поработать над анализом исходных материалов превысило возможности сервера, который «упал» под напором чрезмерного числа посещений. Несколько дней спустя — очередной сюрприз: работа интернет-пользователей позволяла описывать те же 50 тыс. галактик уже не за неделю (как это получилось у Кевина Шавински), а всего за час. Спустя немного больше десяти месяцев после запуска «Галактического зоопарка» у исследователей из Оксфорда уже было раскласcифицировано свыше ¾ всего материала, а интерес к проекту не снижался. В скором времени вокруг «Галактического зоопарка» выросло целое сообщество, и это привело в конечном итоге к созданию Zooniverse (Зоо-вселенной) — значительно более дифференцированной интернет-платформы, которая в настоящее время объединяет около миллиона пользователей.

■ Идеи гражданской науки

В модели деятельности «Галактического зоопарка» как на ладони видна главная идея, лежащая в основе любых действий гражданской науки, — это идея сотрудничества между научными сообществами, с одной стороны, и рядовыми гражданами, с другой, в целях проведения более эффективных исследований. В случае именно упомянутой выше платформы волонтеры предлагают свою добровольную помощь в обработке данных, но гражданская наука может принимать и другие формы: тут и участие волонтеров в полевых исследованиях, и развитие образовательных программ на основе доступных знаний, и даже вовлечение в сетевые игры. Общей чертой всех названных действий является идея сотрудничества между экспертами и любителями, которая предполагает обмен знаниями с максимально возможным количеством людей и предоставление этим людям доступа к знаниям. При этом интересно отметить, что, хотя гражданская наука стала по-настоящему популяризироваться лишь в последние десятилетия, сам этот термин отнюдь не нов, однако в прошлом он относился главным образом к действиям ученых, не имевших академического образования в тех областях, где они проявляли активность. В давние эпохи таких ученых было немало, поскольку полная институционализация знаний наступила лишь в XX веке.

Оглядываясь назад, можно с перспективы истекшего времени сказать, что изрядная часть современной науки построена как раз на фундаменте любительских исследований. Возьмем, к примеру, Томаса Джефферсона. Мало кому известно, что Джефферсон, юрист по образованию и третий президент Соединенных Штатов, был также первопроходцем в сфере археологии. Уже упоминавшийся Чарльз Дарвин тоже был «гражданским» ученым. Несмотря на отсутствие надлежащей научной степени, он проводил собственные исследования в области естественных наук. Более того, Дарвин, будучи уже признанным ученым, охотно пользовался знаниями и наблюдениями людей, никак не связанных с наукой, но зато обладающих практическим опытом по интересовавшей его тематике: фермеров и земледельцев, животноводов и заводчиков, а также колонистов или же моряков, вместе с которыми он путешествовал. Быть может, если бы у него родилась тогда идея обратиться к дилетантам за помощью при обработке своих материалов, то потребовавшийся для этого кропотливый и изнурительный труд не наложил бы на Дарвина столь серьезного отпечатка. Но даже без подобных *современных* идей та нетрадиционная для тогдашних времен методология исследований, которой придерживался этот великий ученый, скорее сближает его с сегодняшним пониманием гражданской науки.

В XX веке произошел значительный сдвиг в сфере субъекта гражданской науки. Профессионализация знаний и ускоряющееся поступательное развитие продвинутого инструментария, служащего для их накопления, со временем практически исключили независимых исследователей из участия в прорывных открытиях, по крайней мере, в сфере естественных наук. Финансовые затраты на специализированное оборудование выросли настолько, что, лишь работая в крупных научных центрах, ученые имели шансы на проведение инновационных исследований. Разумеется, такое положение дел



не обескураживало доморощенных научных работников, однако доля их участия в мировой науке считается ныне почти несущественной. К счастью, технологизация науки не оставила заинтересованных лиц на мели, лишив возможности собственного вклада. Ведь, как выяснилось, возможность более точного и тщательного изучения тех или иных явлений требует соответствующим образом возросшего участия общественности в нем. Помощь волонтеров особенно важна применительно к несложным, но трудоемким и кропотливым действиям — таким, например, как подсчет или распознавание многочисленных объектов. Правда, выполнение простых и нагоняющих тоску действий не кажется слишком уж захватывающим занятием, поэтому было бы разумным заранее проявить предусмотрительность и спросить, а хочет ли кто-нибудь участвовать в них. Однако подобные сомнения были развеяны еще в 1900 г. при проведении *рождественского подсчета птиц* — акции, организатором которой выступило американское Национальное Одюбоновское общество (кстати, первая природоохранная организация в мире). Тогда орнитологи плечом к плечу с волонтерами подсчитывали птиц — одновременно и во многих местах по всему миру. Данный проект оказался настолько популярным, что продолжает существовать уже более ста лет. Случай с Национальным Одюбоновским обществом убедил другие научные организации воспользоваться аналогичными решениями, плодом чего стал обильный урожай всевозможных акций по совместному подсчету численности самых разных видов животных и растений. Все они проводятся ради того, чтобы с большей точностью определить интенсивность и направление миграций, а также лучше понимать управляющие ими механизмы.

Гражданские исследовательские проекты начали приобретать всё большую популярность в 1970-х годах, но подлинной этапной вехой в развитии гражданской науки стало широкое распространение интернета в 1990-х годах. Именно массовая сетевизация создала абсолютно новый канал коммуникации между научными сообществами и теми, кто формально не являются учеными, одновременно пролагая путь к обеспечению доступности данных и к обмену знаниями в беспрецедентных до той поры масштабах.

■ Гражданская наука во времена сетевизации

Для чего можно использовать сеть? Подобный вопрос кажется вроде бы очень наивным, но это не совсем так. Несколько лет назад в интернете имел хождение краткий, но вполне точный мем, адресованный пользователям сети. Отвечая на вопрос: «Как ты бы описал интернет своему предку, жившему сто лет назад», — кто-то написал: «Представь себе небольшую коробочку, в которой ты

имеешь доступ ко всем знаниям нашего мира, а используешь ее, главным образом, чтобы ссориться со знакомыми и разглядывать котиков». В этой шутке много правды. Среднестатистический пользователь новых технологий: компьютеров, смартфонов, а прежде всего интернета — зачастую не до конца отдает себе отчет в том, насколько мощными инструментами он оперирует. Причем не только ввиду технологической продвинутости всего вышеназванного арсенала (достаточно осознать, что в наше время обслуживание одной операции поиска в браузере Google'а поглощает больше вычислительных мощностей, чем все полеты и прочие операции одиннадцатилетней лунной программы «Аполло», вместе взятые!), но в первую очередь ввиду того огромного потенциала, который заложен в самом использовании новых технологий. Стивен Райт, автор работы *«На пути к лексикону пользования»,* справедливо и очень точно отметил, что вместе с наступлением эры сетевой культуры пользователи интернета начали играть главную роль в качестве производителей информации и смыслов, последовательно пренебрегая старым противопоставлением производства и потребления либо — если кто-то предпочитает иную формулировку — приема и передачи. Сегодня люди, пользующиеся сетью, производят бесчисленное количество контента, который, в свою очередь, может модифицироваться, распространяться, предоставляться и дополняться другими пользователями. Все эти микрооперации строят огромный капитал знаний, которые доступны для всех. Таким способом действуют общедоступные средства информации и форумы, по такому принципу действует также Википедия, крупнейшая в мире библиотека бесплатных знаний. Сила сетевых пользователей заключается в распределенной деятельности. Построение Википедии было бы невозможным, если бы этим пришлось заниматься одному человеку. Именно сумма индивидуальных и добровольно проводимых операций создает гигантские библиотеки знаний, которые невозможно переоценить. Более того, ввиду упомянутой только что распределенности пользователей проделываемая ими работа (потому что это нужно назвать именно работой) не является для них утомительной и тем более мучительной. А прежде всего она бесплатная, потому что всегда делается где-то в сторонке и как бы мимоходом. Сумма собранного и накопленного таким способом информационного капитала представляет собой нечто большее, чем просто сумму индивидуальных употреблений, и образует *надбавку пользования*. Надо сказать, что такая надбавка — это огромная сила, и она несет вместе с собою потенциал, которым охотно пользуются проекты, осуществляемые под знаменем гражданской науки. Распределенные действия могут применяться в гражданской науке тремя способами: путем анализа и описывания данных, предоставляемых научными сообществами; путем предоставления вычислительной мощности своих личных устройств для каких-то исследований; наконец, путем производства материалов для дальнейшей научной обработки.

■ Наука во времена Big data

Примером сообщества, работа которого вращается вокруг первой из вышеназванных моделей, является, конечно же, платформа Zoouniverse. Предлагая желающим разнообразные проекты, она призывает анализировать предоставленные исследователями данные, в частности, такие, как фотографии, модели или звуковые сигналы. Это такие разновидности информации, при исследовании которых человеческий глаз или ухо все еще проявляют себя лучше любых устройств. Почему? По очень простой причине: компьютеры по-прежнему не в состоянии справиться со всеми возникающими проблемами. Несмотря на развитие машинного обучения и нейронных сетей, существует масса аналитических действий, которые люди пока еще выполняют гораздо качественнее, нежели любые алгоритмы. Вдобавок к этому нередко оказывается, что обычные люди способны реализовывать простые научные действия лучше самих ученых! Так происходит из-за свежести взгляда волонтеров на те проблемы, которые уже давно успели приесться профессиональным исследователям, а такая «замыленность» мозгов обычно приводит к потере ими бдительности и к тенденции бездумно спрямлять извилистые и сложные пути к истине. Платформа Zoouniverse в настоящее время ведёт 80 с лишним проектов, в рамках которых волонтеры (называемые «кликворкерами») помогают, в частности, распознавать формы и типы галактик (уже известный нам проект Galaxy Zoo), искать в космосе новые планеты (проект Planet Hunters — «Охотники за планетами») или выслеживать гравитационные волны (Gravity

Spy — «Гравитационный шпионаж»). Но в Zoouniverse найдут для себя что-нибудь интересное не только фанатичные поклонники макрокосма. Данная платформа предлагает пользователям множество проектов в области самых разных наук: биологических, общественных и социально-политических, исторических, литературо- или искусствоведческих. Например, программа Shakespeare World («Мир Шекспира») призывает волонтеров помочь в транскрибировании рукописей великого драматурга елизаветинской эпохи. Присоединившись к другой программе, которая носит название Ancient Life («Древняя жизнь»), можно помочь в прочтении папирусов. Цель проекта Whale.fm состоит в коллективной расшифровке языка китообразных. В программе Old Weather («Старая погода») целью является реконструкция погоды прошлых времен (на основании старых корабельных журналов), тогда как в проекте Plankton Portal («Портал планктона») волонтеры совместно устанавливают направления миграций планктона. Перечисленные выше проблемы нельзя назвать ни тривиальными, ни маловажными. Скажем, благодаря реконструкции погоды за прошедшие несколько столетий можно скорректировать современные долгосрочные прогнозы, касающиеся изменения климата, в то время как длительный мониторинг направлений миграций океанического планктона позволяет лучше зафиксировать изменения, происходящие в его водах (что также находит отражение и в анализе климатических метаморфоз). Впрочем, мониторинг глобальных перемен, происходящих на нашей планете, — это отдельный сегмент деятельности гражданской науки.

Всё чаще волонтеры принимают участие в локальных наблюдениях за миграцией разных видов, предоставляя возможность доступа к собранным данным, которые могут быть затем организованы в конкретные карты их расселения и модели поведения. Сегодня скрупулезное изучение различных вариантов поведения отдельных популяций очень важно. Ощутимые изменения температуры в разных частях земного шара в сочетании с нарушениями привычной картины выпадения атмосферных осадков приводят в итоге к устойчивым изменениям условий жизни многих биологических видов. Всё большее их количество мигрирует в поисках более удобных для себя мест обитания. Ведение количественного учета разных видов и карт их перемещения — это на сегодняшний день актуальная, даже неотложная задача, так как в последние десятилетия нам приходится иметь дело с ещё одной серьёзной проблемой — вымиранием видов, причем в массовых масштабах. Особенно беспокоит, что сфера распространения данного явления и его скорость вполне сопоставимы с исчезновением динозавров, причем мы не до конца понимаем его причины. Нам нужны как можно более точные сведения о том, какие конкретно виды вымирают, а какие мигрируют, с какой скоростью, откуда и куда. Благодаря этому можно внедрять программы защиты как для отдельных видов, так и для территорий, по которым перемещаются такие популяции. Одна из платформ, концентрирующихся на локальных наблюдениях за видами, — это iNaturalist. По своему действию она немного похожа на фейсбук: тоже носит глобальный характер, у пользователей есть собственные учетные записи, они также могут самостоятельно организовывать в своей окрестности независимые исследовательские проекты и приглашать других людей к участию в них. Эта платформа позволяет осуществлять локальное архивирование наблюдений за различными видами растений, животных и грибов с привлечением фотографий и геолокации. Из собранных материалов можно впоследствии готовить глобальные карты данных по конкретным видам. Возможно, в будущем удастся создать так называемые *живые карты*, которые будут показывать систематически обновляемое состояние видовой миграции и позволят биологам и экологам гораздо быстрее реагировать на происходящие изменения.

Очевидным вопросом, который приходит в голову применительно к участию не-ученых в таких проектах, как iNaturalist, или в других подобных научных исследованиях, является добросовестность и надежность проводимых таким способом изысканий. Надлежащий контроль за работой помощников-пользователей — это на сегодня один из вызовов, стоящих перед гражданской наукой. Как при описании материалов, так и при сборе данных необходимо устанавливать такие методы деятельности, которые позволяют в максимально возможной степени исключить потенциальные ошибки, возникшие в результате неправильной организации верификации или же из-за недостатка либо вообще отсутствия надлежащих знаний. Существует несколько методов верификации получаемой информации. В значительной части проектов, предполагающих работу с данными, используется метод одновременной

работы многих пользователей над одним фрагментом исходных материалов. Галактический зоопарк открывает сравнительно большому числу людей доступ к одним и тем же фотоснимкам для их описания, а поскольку такое описание ограничивается правильным классифицированием типа каждой конкретной галактики, результаты могут быть позднее усреднены. Тем самым при таком подходе ошибка одного наблюдателя не приводит к неверному описанию объекта. В случае сбора материала — как на платформе iNaturalist — тоже существует целый ряд протоколов верификации, которые защищают от совершения ошибок. Например, использование геолокации при архивировании сведений о видах приводит к тому, что часть данных (точное географическое местоположение и время) уже дополнена автоматически, а истинность остальных верифицируют модераторы данной платформы.

■ Собирай данные, передай дальше

Если кому-то хотелось бы активно поучаствовать в научной работе, но он не чувствует себя способным отличать одну галактику от других или же собирать информацию о биологических видах где-нибудь в ближайших окрестностях, то у него есть возможность предоставить науке свой компьютер или смартфон. И не надо пугаться: ведь при этом вовсе не требуется отправлять свои гаджеты в научно-исследовательские институты — ученым будет достаточно, если вычислительные мощности чьих-то устройств просто сделаются доступными для них. Обширные комплексные исследования часто требуют сложных компьютерных операций, для которых необходима как можно большая вычислительная мощность. Повсеместная распространенность сети дала обычным пользователям возможность давать научным центрам доступ к какой-то части вычислительной мощности своих устройств, пусть даже небольшой. Такая практика называется распределенной обработкой, и обычно она состоит в том, что научные сообщества предоставляют надлежащие приложения и программы, которые заинтересованные волонтеры могут устанавливать на своих устройствах. Указанные приложения используют наши устройства, например, для сбора требующихся им данных. При этом волонтеру нет нужды беспокоиться о чрезмерной загрузке предоставленного компьютера или смартфона. Упомянутые программы потребляют только свободную вычислительную мощность чужого устройства, что делает их эксплуатацию ничуть не обременительной. Таким образом наши смартфоны и компьютеры могут обнаружить какие-то явления, информация о которых затем накапливается и анализируется в крупных научных центрах. Хотя этот метод относительно молод, в настоящее время функционирует уже, по меньшей мере, дюжина исследовательских проектов подобного типа. Любопытно отметить, что какие-нибудь два десятка лет назад мало кто вообще мог грезить о самой возможности *одалживать напрокат* домашние компьютеры для проведения каких-то исследований. Все изменилось в 1999 г., когда состоялась инаугурация первой такой научной программы — Seti@home. Этот проект, координируемый Калифорнийским университетом в Беркли, является частью исследовательской программы SETI *(*это аббревиатура английского названия *«Поиск внеземного разума»)*, в которой вычислительная мощность домашних устройств используется для поиска сигналов от внеземных цивилизаций. Благодаря установке соответствующего программного обеспечения любые участники Seti@home могут загружать к себе порцию космического шума, зарегистрированного радиотелескопом в обсерватории близ Аресибо (Пуэрто-Рико), а затем анализировать загруженный фрагмент через призму тех специально выбранных параметров, которые могут свидетельствовать, что его передал внеземной разум. Хотя до сих пор никто официально не подтвердил обнаружения каких-либо сигналов от такого разума, сама эта идея оказалась плодотворной и весьма вдохновляющей для всей научной общественности. Ведь оказалось, что агрегированная микрообработка, выполняемая многими устройствами, может превышать возможности самых мощных и быстродействующих компьютеров в мире. Всё зависит от количества пользователей, а оно способно по-настоящему впечатлить: на пике в программе Seti@home принимали участие 5,4 млн пользователей интернета!

Такого же или даже еще большего числа пользователей хотели бы достичь творцы польской научной программы CREDO — *Cosmic-Ray Extremely Distributed Observatory* («Предельно распределенная обсерватория космического излучения»). У авторов исходного замысла указанного проекта, польских ученых из краковских научных центров (в том числе из Института ядерной физики Польской Академии

наук) имеется план создания крупнейшей в мире научно-исследовательской сети для обнаружения космического излучения, главной целью которой станет улавливание частиц темной материи, иными словами, *де-факто* — доказательство ее существования. Запущенная в 2016 г. программа CREDO амбициозна, причем сразу в нескольких отношениях. Начнем хотя бы с самого предмета исследования. Темная материя признаётся сейчас наиболее таинственной субстанцией во вселенной. Гипотеза об ее существовании циркулирует в астрофизическом сообществе уже давно, но до сего времени никому не удалось найти прямых доказательств того, что она действительно существует. Единственное, что выдаёт присутствие антивещества в космосе, — это порождаемые им гравитационные эффекты. И эта проблема — вполне весомая, поскольку физики предполагают, что темная материя является фундаментальной основой всей вселенной: мало того, что она может заполнять даже до 68% всего космоса, так она еще и постоянно влияет на эволюцию вселенной, в частности, на возникновение галактик. Ситуацию почти полного неведения, царящую в данном вопросе, хочет изменить проф. Петр Хомола из Института ядерной физики ПАН, один из творцов проекта CREDO.

Действия созданного для этой цели приложения заключаются в мониторинге достигающего Земли космического излучения и попытке уловить те частицы, которые возникли после распада (точнее, аннигиляции) антивещества. Поскольку такие события обычно охватывают весьма обширные пространства, для их обнаружения нужна максимально протяженная и широко раскинувшаяся сеть детекторов, предпочтительно — покрывающая весь земной шар. Как мы легко можем себе представить, застройка всей нашей планеты подобными детекторами — это на данный момент *science-fiction,* научная фантастика, однако вместо того, чтобы строить, можно использовать уже существующие ресурсы — смартфоны. В настоящее время более половины человечества оснащено мобильными телефонами. По меньшей мере, половина этих устройств настолько продвинута технологически, что в сочетании с подходящим приложением их вполне достаточно для мониторинга космического излучения. Ключ к успеху в том, чтобы собрать как можно больше энтузиастов, которые, не будучи учеными, желали бы присоединиться к указанной программе. Создатели CREDO хотят, чтобы людей, изучающих космическое излучение с помощью своих собственных смартфонов, трактовали по-партнерски и чтобы такое отношение к ним, помимо всего прочего, находило отражение в предстоящих публикациях. Если программа CREDO развернётся таким образом, как того жаждут польские ученые, она станет одним из наиболее важных проектов последних лет в области гражданской науки. А уж если благодаря ней удастся подтвердить гипотезу о существовании темной материи, тогда — по словам доктора Хомолы — мы даже имеем шанс на Нобелевскую премию. «Мы» означает здесь всех, кто принимает участие в этой программе.

■ Играй, чтобы лечить

В то время как одни обещают Нобелевскую премию, другие призывают к добротному и качественному развлечению, которое гарантируют сетевые игры. Научные игры представляют собой любопытный элемент гражданской науки Они прибегают к уловке, называемой геймификацией, иначе говоря, хотят воспользоваться механизмами, известными по играм, с целью сначала привлечь, а затем и вовлечь людей в ситуации, которые играми на самом деле не являются. В 2011 г. мир (и не только научный) облетела новость о переломном открытии — обнаружении белка, который потенциально может помочь в борьбе со СПИДом. И всё это — благодаря геймерам, которые, активно включившись в интернет-игру *Fold.it*, оказались в состоянии разработать соответствующий белок. Эта игра была несколько лет назад придумана и разработана на факультете информатики, инжиниринга и биохимии Вашингтонского университета. Цель указанной игры — создание моделей белков и их свёртывание в потенциально способные к функционированию трёхмерные структуры. Что, для вас это звучит скучно и сложно? Ничего подобного! Принципы действия указанной игры просты и — прежде всего — не требуют никаких специализированных биохимических знаний. Научные сотрудники из Вашингтонского университета сконструировали *Fold.it* таким образом, чтобы побудить геймеров к дальнейшему экспериментированию с белками — по мере наращивания «стажа» и накопления опыта игроки со временем получают возможность разблокировать очередные, всё более сложные уровни,

набирать очки, а также соревноваться с самими собой и другими участниками. Из банка результатов исследователи выбирают наиболее интересные и тестируют их в лаборатории. О популярности данной игры свидетельствует хотя бы тот факт, что с момента, когда она стала доступной в интернете (2008), удалось создать вокруг нее сообщество, состоящее из 236 тыс. геймеров. Эффекты ее общедоступности столь же поразительны. Оказывается, интернет-пользователи, действуя (опять-таки) в массовом порядке, смогли за несколько недель решить проблемы, над которыми биохимики мучились многие годы. *Fold.it* с момента возникновения реально помогает в разработке лекарств против ВИЧ, болезней Паркинсона и Альцгеймера или же геморрагической лихорадки.

Такие проекты, как *Fold.it* или *Play to cure* («Играй, чтобы лечить» — еще одна игра, которая помогает искать эффективные методы противораковой терапии), используют энергию игроков и направляют ее на путь сотрудничества с научно-исследовательскими центрами. Благодаря этому удается легко и просто активизировать человеческий капитал, необходимый для решения реально существующих проблем. Производство или же применение возникающей *надбавки пользования* (если снова вернуться к Стивену Райту) в процессе игры или других проявлений активности, случающихся в интернете, не является ничем новым для сетевой культуры. Каждый из нас почти наверняка сталкивался, к примеру, с гугловской системой защиты от спама, носящей название reCAPTCHA****. Теоретически главная функция reCAPTCHA состоит в блокировании ботов, однако каждый раз при ее применении попутно и как бы мимоходом создается порция новой информации. Подтверждая *свою человечность*, мы можем — совсем уж между делом — оцифровывать фрагменты книг и газет, опубликованных до 1945 г., равно как совершенствовать и упорядочивать интернет-карты или же создавать учебные базы для новых алгоритмов. Таким образом, подобно тому, как походя и заодно можно поспособствовать развитию искусственного интеллекта, есть также возможность в аналогичном режиме поучаствовать в поиске лекарств от многих болезней, которые мучают человечество. А при этом еще неплохо развлечься.

Говоря о практике систем вроде reCAPTCHA, которые любопытным способом используют побочные действия пользователей для построения собственных баз данных, отметим, что между такими системам и проектами из сферы гражданской науки существует огромная разница, и она состоит во внесении вклада. ReCAPTHA впрягает пользователей интернета в выполнение бесплатной работы, не предлагая им ничего взамен. Однако, коль скоро пользователи все-таки производят определенные знания, следовало бы подумать над тем, каким способом надлежит оценивать их труд. Большая сила гражданской науки заключается в следующем: вместо того, чтобы молча использовать вносящих вклад участников, рассматривая их в качестве дармовой рабочей силы, она включает их в свою деятельность как равноправных соучастников. Гражданская наука действует на основании принципа честного обмена: ты помогаешь нам решать некоторые научные проблемы, мы даем тебе доступ к знаниям. Благодаря этому пользователям доступны самые актуальные данные, на основе которых они могут (если хотят) проводить собственные исследования или публиковать собственные научные труды. Подобный подход к знаниям связывает гражданскую науку — несмотря на явную аполитичность этого явления — с такими социальными концепциями, как демократизация знаний, открытая наука, участвующая наука, открытые исследования или открытая лицензия. С концепциями, опирающимися на идеи децентрализации, совместного распределения и инклюзивности. А также доступности, которая позволяет компьютерщику из лодзинского пригорода Згеж анализировать космос в поисках новых планет за пределами Солнечной системы. Кстати, этот компьютерщик с ником rafcioo28 в 2013 г. действительно нашел планету, похожую по структуре на Юпитер, Тем самым он присоединился к кругу других польских межгалактических первооткрывателей, точнее, первооткрывательниц: художницы из Лодзи и астрологини из Кракова.

rys. Natalia Łajszczak

**** Эта система была изначально разработана в университете Карнеги-Меллона для защиты веб-сайтов от интернет-ботов и одновременной помощи в оцифровке текстов; компания Google приобрела ее лишь в 2009 г. В России с ней имел дело далеко не каждый.

Александр Гогун

ОСМЫСЛЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ К АРМАГЕДДОНУ

Подготовка Третьей мировой войны в приказах военного министерства СССР, 1946-1953

Несмотря на то, что факт подготовки Сталиным Третьей мировой войны уже известен науке[1], до настоящего момента не было дано внятного ответа на вопрос о том, являлось ли его решение самопроизвольным, принятым сообразно обстановке конца 1940-х годов (победа коммунистов в Китае), или же воплощением длительного замысла? Сборник приказов военного министерства СССР последних восьми лет жизни Вождя дает основания склониться к версии о планомерности этого развития событий, что было прервано лишь мучительной смертью деспота.

Далеко не все приказы военного министра или его заместителя соответствующего периода представлены в этом двухтомнике[2]. Часть этих документов семидесятилетней давности, «являясь особо ценными, находится на секретном хранении и не выдается в читальный зал»[3]. Кроме того, составители не ставили себе целью показать сползание страны к «последнему и решительному бою», однако даже опубликованные материалы демонстрируют обдуманный размах всесторонних военных приготовлений, которым сопутствовало нагнетание Вождем Холодной войны.

Значение документов велико даже по той сугубо формальной причине, что должность главы военного министерства до 3 марта 1947 года занимал лично Сталин, одновременно являвшийся своим же начальником — председателем Совета министров СССР. На последнем посту он оставался до самой смерти.

Львиная доля двухтомника посвящена политике властей в отношении ВВС. В грядущем глобальной схватке краснозвездные авиаторы должны были сыграть куда более масштабную роль, нежели чем во Второй мировой войне, когда их основной задачей являлись операции в прифронтовой полосе. Совершенно секретное постановление Совета министров СССР 3 апреля 1946 года № 721-283 посвящалось преобразованию 18-й воздушной армии в Дальнюю авиацию вооруженных сил СССР[4]. Ее возглавил сталинский фаворит Александр Голованов, который в 1941 году лично участвовал в бомбардировке Берлина, а в 1943 году в качестве командира самолета сопровождения свозил Вождя на конференцию в Тегеран. Затем «придворный летчик» стал самым молодым маршалом рода войск в истории РККА: в 1944 году в возрасте 40 лет он получил звание главного маршала авиации.

Таким образом, не простое переименование, а придание Дальней, то есть стратегической авиации 3 апреля 1946 года особого статуса, с выделением для нее из сети аэродромов ВВС своей отдельной сети аэродромов[5], косвенно указывает на то, что в замышляемом столкновении ей предстояло решать задачи особой секретности и особой важности.

10 июня 1946 года произошло событие, рельефно показывающее агрессивность советских устремлений: по вооруженным силам был объявлен приказ о выделении воздушно-десантных войск из состава

---

[1] Zubok V. A Filed Imperie: The Soviet Union in Cold War from Stalin to Gorbachev. The University of North Caroline Press, 2009, P. 85; Levine A. J. Stalin's Last War. Korea and the Approach to World War III. London et al., 2005; Закорецкий К. Третья мировая война Сталина. — М.: Яуза-Пресс, 2009; Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: НЛО, 2001, с. 83; Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Вече, 2003, с. 459.

[2] 1) Приказы Народного комиссара обороны СССР и Министра Вооруженных Сил СССР. 12 октября 1945 г. — 1949 г. / сост. П.Н. Бобылёв и др. — М.: РОССПЭН, 2011. — 559 с. 2) Приказы Министра Вооруженных Сил СССР, Военного министра СССР Министра обороны СССР. 1950–1953 гг. / сост. П.Н. Бобылёв и др. — М.: РОССПЭН, 2011. — 550 с. Далее при цитировании: Приказы…

[3] Ответ заместителя директора РГВА В.И. Коротаева на запрос А. Гогуна, 20 февраля 2019 года, № 212/2018, личный архив А. Гогуна.

[4] Приказы…, Т. 1, док. № 21, с. 49.

[5] Там же.

ВВС и реорганизации 9-й гвардейской армии в управление ВДВ Вооруженных сил, подчиненное напрямую Министру вооруженных сил СССР[6], то есть лично Сталину. Таким образом, «крылатая пехота», по самой своей сути предназначенная для нападения, становилась отдельным родом войск. Столь важным значением воздушно-десантные части не обладали в то время ни в одной другой армии мира. Приказ постулировал элитарность авангарда вторжения. Его командный состав надлежало набирать «из числа наиболее подготовленных и отвечающих требованиям и особенностям службы в воздушно десантных войсках»[7]. В дальнейшем за службу в разраставшихся ВДВ[8] вводились льготы: надбавки к зарплате, сокращенные сроки службы, ускоренный порядок получения званий, усиленный (по жирам, сахару и мясу) продовольственный паек[9].

11 июля Сталин 1946 года отдал распоряжение, из которого становятся ясными главные противники и театры военных действий в задуманном столкновении — Западная Европа и Северная Америка. Речь идет о приказе № 025 о задачах по обучению слушателей в основной кузнице кадров Советской армии — военной академии имени Фрунзе. Второй пункт гласил: «На основном факультете готовить общевойсковых офицеров масштаба полк — дивизия… …умеющих разговаривать на одном из европейских языков (английский, немецкий, французский) и читать со словарем военную литературу»[10]. Важность европейских языков была подтверждена в последующих приказах по иным военно-учебным заведениям[11].

Одной рукой проводя послевоенную демобилизацию армии, другой рукой Сталин готовил поход до Ла-Манша, о чем свидетельствует фрагмент приказа № 0014 от 12 июля 1946 года о размещении и хранении запасов орудий, снарядов, минометов и минометных мин: «Из Группы оккупационных войск в Германии излишки вооружения и боеприпасов в 1946 г. не вывозить»[12].

Даже мемориально-церемониальная сторона армейской жизни направляла ее личный состав на завоевательное предназначение. 16 июля 1946 года по армии был объявлен указ президиума Верховного совета СССР «Об установлении ежегодного праздника Дня танкистов». Примечательно и то, когда предписывалось веселиться экипажам боевых машин: ««День танкистов» праздновать ежегодно во второе воскресенье сентября»[13]. Даты основных советских танковых операций периода 1939–1945 гг. — от блицкрига на Халхин-Голе до «Августовского шторма» в Манчжурии — позволяют предполагать, что торжество было введено в память о входе бронированной орды в Восточную Польшу — Западную Украину и Западную Белоруссию: 17 сентября 1939 года.

Если танки — хоть и инструмент наступления, но всё же относятся к разрешенным, то есть конвенциональным видам вооружений, то Сталин планировал и химическую войну, или, как минимум, ее не исключал. В СССР во второй половине 1940-х - начале 1950-х годов строились заводы и цеха по производству иприта, люизита, зарина и хлорацетофенона, расширялся их выпуск[14]. Учили и специалистов по их применению, о чем свидетельствует приказ о задачах по подготовке слушателей военной академии Химической защиты имени Ворошилова № 046 от 5 августа 1946 года. При внимательном прочтении документа можно понять, что название этого учебного заведения успокаивающе-неточное (неполное). Пункт 2 предписывал: «На командно-инженерном факультете готовить офицеров с высшим военно-химическим образованием для замещения должностей начальников химической службы дивизии и корпуса Сухопутных войск… …в совершенстве знающих военно-химическую технику, умеющих правильно эксплуатировать ее в бою *и* (курсив мой — *А.Г.*) организовать противохимическую защиту войсковых частей и соединений в условиях современного боя и операции»[15]. Пункт 3 посвящался обучению во-

[6] Приказы…, Т. 1, док. 32, с. 82.
[7] Там же.
[8] Приказы…, Т. 1, док. 261, с. 443.
[9] Приказы…, Т. 2, док. 139, с. 272-273.
[10] Приказы…, Т. 1, док. № 44, с. 95.
[11] Приказы…, Т. 1, док. 53, с.109; док. 55, с. 115.
[12] Приказы…, Т. 1, док. № 46, с. 99.
[13] Приказы…, Т. 1, док. 49, с. 102.
[14] Фёдоров Л. А. Химический бумеранг страны Советов. (Хроника жизни ненужного оружия в безалаберной стране). — М., 2003. Глава «Даешь химическое оружие второго поколения». Режим доступа: http://levfedorov.ru/chemboomerang-06/. Последнее посещение 12 апреля 2018 г.
[15] Приказы…, Т. 1, док. № 55, с. 114.

енных инженеров-химиков для замещения инженерно-технических должностей химической службы в сухопутных войсках. Он не менее красноречив, чем второй пункт, поскольку внятно разделял то, что нужно готовить экспертов: «а) в совершенстве знающих химическое оружие, теоретические основания устройства и проектирования химических средств на основе современных достижений науки и техники; в) знающих военно-химическую технику иностранных армий»[16]. Следовательно, в пункте «а» имелись в виду сугубо советские «достижения».

Усиливалась милитаризация страны: 19 декабря 1947 года последовало постановление совета министров СССР «О подчинении гражданского воздушного флота министерству вооруженных сил», причем с подчинением не главкому ВВС Константину Вершинину, а командующему Дальней авиацией — упомянутому Александру Голованову[17]. Позже 170 летчиков Дальней авиации направлялись в гражданскую авиацию «Для приобретения… опыта в длительных полетах в сложных метеорологических и географических условиях на различных линиях Аэрофлота…» с налётом не менее 500 часов[18].

Для мировой бойни требовалось очень много офицеров, поэтому 24 ноября 1948 года был отдан приказ № 0111 об организации факультетов заочного обучения при военных академиях, а также секретный приказ №0117/276 о введении новых профилей военной подготовки студентов высших учебных заведений[19], которым по итогам присваивались звания младших лейтенантов запаса[20]. 29 декабря 1948 последовал приказ о подготовке лейтенантов из числа старшин и сержантов срочной и сверхсрочной службы: «Срок обучения на курсах установить — 12 месяцев. Занятия начать с 19 февраля 1949 г. Выпуск лейтенантов произвести к 23 февраля 1950 г.»[21].

Задержав на срочной службе призванных в 1943–1945 гг. солдат 1925–1927 годов рождения, Сталин начал скрытую мобилизацию в 1949 году[22], что привело к росту армии, львиную долю которой расквартировали в Восточной Германии.

Чтобы упредить нехватку офицеров, был отдан приказ № 078 21 апреля 1949 года о замене отдельных офицерских должностей старшинами — старшими сержантами сверхсрочной службы «в штатах стрелковых, пулеметно-артиллерийских, бронетанковых соединений и частей мирного времени»[23]. Показателен приведенный перечень войск и их предназначение. Очевидно, что высокая квалификация не требовалась тем, кому в представлении Сталина о будущей войне отводилась роль «чернорабочих» — гнать рядовых и идти самим под атомный контрудар противника.

А вот уровню подготовки летчиков, напротив, уделялось пристальное внимание — поскольку ВМФ США превосходил СССР, для отражения контрудара с моря предпринимались соответствующие усилия. Приказ 17 июня 1949 года № 0055 предписывал сформировать восемь морских авиационных бомбардировочных полигонов на трех океанах: на Баренцевом, Балтийском, Черном, Желтом и Охотском морях: «На морские бомбардировочные полигоны возложить обеспечение тренировки ВВС ВС и авиации ВМС в бомбометании по движущимся и неподвижным морским целям»[24].

Не забывали руководители СССР и о биологическом оружии: 19 июля 1949 года был отдан приказ № 00107 о реорганизации научно-исследовательского института эпидемиологии и гигиены вооруженных сил[25]. Фактически же в документе речь идет о увеличении значения и размеров этого учреждения, которое разделялось на: 1) Научно-исследовательский институт эпидемиологии ВС; и 2) Научно-исследовательский институт гигиены ВС. Первый оставался в Кирове, и ему передавались помещения, которые ранее занимало всё разделяемое заведением. Второй же передислоцировался в Свердловск в здание Свердловского пехотного училища, и для института гигиены предусматривалось строительство

[16] Там же, с. 115.
[17] Приказы…, Т. 1, док. № 145, с. 253-254.
[18] Приказы…, Т. 1, док. № 215, с. 359, 360.
[19] Приказы…, Т. 1, док. № 184-185, с. 311-312.
[20] Приказы…, Т. 1, док. № 199, с. 332; док. № 260, с. 443.
[21] Приказы…, Т. 1, док. № 189, с. 318.
[22] Комаров Ю. Последний призыв // Знамя. № 5. 2016. Цит по: http://magazines.russ.ru/znamia/2016/5/poslednij-prizyv.html.
[23] Приказы…, Т. 1, док. № 216, с. 361.
[24] Приказы…, Т. 1, док. № 233, с. 389.
[25] Приказы…, Т. 1, док. № 252, с. 424.

новых производственных, жилых и хозяйственных помещений, а также передача ему дополнительного автотранспорта. Начальниками созданных учреждений и их замами по научно-исследовательской работе стали, соответственно, подполковник Николай Николаев и полковник Михаил Файбич, и генерал-майор Николай Копылов и полковник Николай Гинсбург[26].

Это — ключевые заведения и лица советской программы подготовки к наступательной бактериологической войне в 1930-1940-х годах. Они выращивали вирулентные штаммы чумы, культивировали бациллы сибирской язвы, выявляли токсины ботулизма, методы хранения, концентрирования и боевого применения биологического материала, в том числе с помощью авиабомб, испытывали заразное оружие на живых людях[27]. Вождь очень ценил опыт, знания и усилия таких специалистов и управленцев: за свои достижения Гинсбург и Файбич удостоились Сталинской премии.

Огромные усилия прилагались для подготовки к возможному американскому ядерному ответу с воздуха. Приказ 12 января 1950 года № 0012 министра вооруженных сил маршала СССР Василевского гласил: «Во исполнение постановления Совета Министров Союза ССР (т.е. Сталина. — *А.Г.*), Генеральным штабом ВС была организована проверка службы в[оздушного] н[аблюдения] о[повещения и] с[связи] войск ПВО страны…

Проверкой установлено, что организация службы ВНОС построено правильно и способна обеспечить своевременное оповещение о воздушной обстановке»[28].

23 января 1950 года для лётного состава ВВС за тренировочные полёты днем и ночью в сложных метеорологических условиях вводились льготы — ускоренное присвоение воинских званий, денежные премии за каждый час налёта, а за налёт 50 и более часов — даже награждение медалью «За боевые заслуги», орденами Ленина, «Красная звезда» и «Красное знамя»[29].

Дополнительные офицерские кадры в 1948–1950 гг. готовили не впустую: 18 февраля 1950 года по армии был объявлен указ президиума Верховного Совета СССР об увеличении действительной службы для рядового состава Сухопутных войск и Внутренних войск в полтора раза — до трех лет[30]. С учетом нового закона, весенний призыв 1950 года резко увеличивал Советскую армию к лету 1950 года — началу Корейской войны.

Одновременно проводились мероприятия по реорганизации управления вооруженными силами.

25 февраля последовал указ о разделении Министерства вооруженных сил СССР на Военное и Военно-морское министерства[31]. Вероятно, для флота отныне намечались отдельные задачи, не сводившиеся, как ранее, к поддержке операций сухопутных войск.

4 марта последовало совершенно секретное постановление Совета министров СССР (т.е. Сталина) № 821-297 о создании Главного военного совета Военного министерства (ГВС ВМ) Союза ССР. Так возник совещательный орган, на заседаниях которого должны были обсуждаться «в первую очередь, вопросы боевой готовности войск, их надлежащего устройства, оснащения вооружением, техникой и другими видами снабжения, вопросы партийно-политической работы в армии и воинской дисциплины»[32]. Сталин действовал по отработанному плану. Предшественник ГВС ВМ — Главный военный совет РККА — был создан перед началом Второй мировой войны — 13 марта 1938 года, а распущен 23 июня 1941 года — в связи с созданием ставки ВГК после начала советско-германской войны.

В тот же день — 4 марта 1950 года — совершенно секретное постановление № 820-296 Совета министров СССР, то есть его председателя Сталина — создавало Высший военный совет при Совете министров СССР. Новому органу предписывалось проводить «координацию работы Военного министерства и Военно-морского министерства»[33], а также деятельности военных советов указанных

[26] Там же. С. 425.

[27] Фёдоров Л.А. Советское биологическое оружие: история, экология, политика. М.: 2005. Главы 1-2. Режим доступа: http://www.seu.ru/cci/lib/books/bioweapon/index.htm. Последнее посещение 12 апреля 2018 г.

[28] Приказы…, Т. 2, док. № 2, с. 14.

[29] Приказы…, Т. 2, док. 5, с. 19-24.

[30] Приказы…, Т. 2, док. № 18, с. 48.

[31] Приказы…, Т. 2, док. N 24, с. 60.

[32] Приказы…, Т. 2, док. № 25, с. 61.

[33] Приказы…, Т. 2, док. № 26, с. 63.

министерств. Председателем созданного Высшего военного совета Сталин назначил себя, что говорит о резком увеличении его внимания к военному делу.

Увеличивая интенсивность подготовки офицеров и солдат[34], руководство страны не забывало и об упомянутом вопросе воинской дисциплины, которой был посвящен приказ военного министра 10 июня 1950 года № 00109. Личному составу военной авиации сообщалось о наказании семей «предателей» сообразно Постановлению ЦИК СССР 8 июня 1934 года: «помимо привлечения военнослужащего к ответственности за измену Родине, совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене, или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества; остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживающие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы на 5 лет»[35]. Кроме того, виновными оказывались и начальники перебежчиков: «Возложить ответственность за перелет государственной границы или демаркационной линии нашими самолетами на командира звена, командира эскадрильи, командира авиаполка и командира авиадивизии — за каждый самолет, входящий в состав подчиненных им звена, эскадрильи, авиаполка и авиадивизии»[36].

Массовых побегов советских летчиков в 1950-1953 годах не наблюдалось, хотя в тот период краснозвездные авиаторы обладали технической возможностью бежать уже не только в страны Европы, но и прямо в США.

Приказы военного министра № 00161 и 00171 от 10 и 16 августа 1950 года проливают свет на знаменитую «загадку Ту-4». Этот тяжелый бомбардировщик Сталин лично приказал скопировать с «летающей суперкрепости» Б-29 без изменений. Поэтому десятилетиями Ту-4 презрительно называли «кирпичным бомбардировщиком», высмеивая как раз низкопоклонство перед американским оригиналом.

Генеральный штаб в июле 1950 года провел двусторонние учения ВВС и ПВО, где отрабатывались: «Для нападающей стороны — «Воздушная операция Дальней авиации по уничтожению стратегического объекта в глубине страны противника в условиях противодействия ПВО».

Для отражающей стороны — «Воздушная оборонительная операция группы районов ПВО по отражению налетов авиации противника на стратегический объект в глубине страны».

На учение привлекались:

— с нападающей стороны: командование и штаб Дальней авиации в сокращенном составе; пять авиаполков дальних бомбардировщиков, два авиаполка истребителей дальнего сопровождения и один полк ближних бомбардировщиков;

— с отражающей стороны: командование и Главный штаб Войск ПВО страны, командование и штабы Московского, Донбасского, Киевского районов ПВО и оперативная группа Сталинградского района ПВО, 20 истребительных авиационных полков, одна зенитно-прожекторная дивизия, 3 полка ВНОС и семь ОРТБ ВНОС»[37].

Сами учения и их ход заставляет предполагать — Ту-4 был нужен Сталину не столько для нанесения удара, сколько как тренировочный самолет для подготовки отражения возможного американского контрудара. Сталин в 1945 году справедливо предполагал, что к окончанию первой послевоенной пятилетки — 1950 году — СССР не сможет развернуть ВВС, способные сокрушить Северную Америку. Для атаки на заокеанского противника разрабатывались стратегические ракеты, термоядерные торпеды и бомбы, что должно было быть принято на вооружение к середине или второй половине 1950-х годов. А вот для первого этапа Третьей мировой войны — захвата Евразии и Северной Африки — жизненно необходимой являлась защита от ядерного контрудара. И основным средством доставки атомного оружия до середины 1950-х годов оставался Б-29. Его-то и должны были научиться сбивать советские лётчики-истребители и зенитчики, на его копии — Ту-4 — они и тренировались, в частности, в июле 1950 года, сразу же после начала войны в Корее.

[34] Приказы…, Т. 2, док. № 36.
[35] Приказы…, Т. 2, док. № 46, с. 101.
[36] Там же.
[37] Приказы…, Т. 2, док. № 69, с. 152.

Тем не менее, и для тысячи советских «летающих сверхкрепостей» в предполагаемой будущей войне миров нашлась бы работа. Приказ № 00161 доводился до всего летного и технического состава авиации советской армии, и объявлял благодарность личному составу 362-го тяжелого бомбардировочного авиаполка Дальней авиации, который «…добился лучших результатов по выполнению поставленных перед полком задач.

При полете на полный радиус действия на самолетах Ту-4, в сложной метеорологической обстановке, с преодолением многослойной облачности, после продолжительного полета в облаках полк был собран в плотный боевой порядок, организованно вышел на цель и с высоты 8000 метров из-за облаков метко поразил ее»[38]. Полный радиус действия Ту-4 составлял около 2,5 тысячи километров, что позволяло с территории СССР и его сателлитов нанести удар по любой точке Западной Европы, включая Британию, Аляске, Японии, базам на Тайване, Филиппинах, в Сингапуре и Ливии, нефтяным вышкам в районе Персидского залива, Суэцкому каналу.

После нападения Северной Кореи на Южную командование американских ВВС предлагало нанести контрудар не по Пхеньяну, а по военным заводам Урала и Сибири, но осторожные политики отклонили эту инициативу. В конце 1950 года с вступлением «добровольцев» Мао конфликт на Корейском полуострове превратился в американо-китайскую войну, чего Сталин и добивался, стравив самую большую нацию мира с самой богатой. Себе он оставил роль третьего радующегося. Численность войск США в Корее вскоре превысила количество американских солдат, размещенных в Европе, что сделало эту часть света для Сталина менее тяжелой добычей, чем ранее. СССР получил еще одну пятилетку для подготовки удара, и разрабатывал не только наступательные средства, но и зенитно-ракетные комплексы, а также расширял систему подготовки летчиков ВВС[39], чтобы обеспечить успех первой фазы Третьей мировой.

Признавая роль оружия массового поражения, Сталин понимал, что земли, тем не менее, надо будет завоевывать с помощью оружия конвенционального, и в ходе пятого пятилетнего плана вырос выпуск артиллерии. 2 июня 1951 года по военному министерству был дан приказ № 0122 о сокращении до двух лет срока обучения в 15 артиллерийских училищах с 1 сентября того же года: «В целях восполнения некомплекта в офицерах-артиллеристах…»[40].

Несмотря на военно-дипломатические успехи в Восточной Азии и Индокитае, будущая война не виделась руководству СССР легкой прогулкой до Гибралтара, о чем свидетельствуют выдержки из приказа № 00126 от 9 июня 1951 года: «За последние годы отечественной промышленностью создано и поступает на вооружение войск новое ствольное зенитно-артиллерийское вооружение (прежде всего пушки КС-18 (85 мм) и КС-19 (100 мм) для поражения «летающих суперкрепостей». — *А.Г.*), которое обладает более высокой точностью стрельбы…

Вследствие отставания теории зенитной стрельбы требуют неотложной обоснованной отработки следующие важные вопросы: …методика стрельбы по высотным, скоростным (реактивным) и групповым целям при непрерывных массированных налетах; …отработка прибора объективного контроля за стрельбой по высотным, скоростным (реактивным) и групповым целям при непрерывных массированных налетах»[41].

Вождь учитывал мощь американских ВВС и осознавал масштаб потерь в будущей схватке. На это указывает отданный 25 июля 1951 года приказ военного министра СССР № 00164, в котором во исполнение совершенно секретного постановления Совета министров СССР (т.е. Сталина) № 2342-1120 от 6 июля 1951 г. предписывалось: «К 1 декабря 1951 г. сформировать: а) военно-медицинский факультет при Саратовском медицинском институте, численностью переменного состава 400 слушателей… б) Два военно-медицинских факультета при Куйбышевском и Харьковском медицинском институтах, численностью переменного состава 400 слушателей каждый. (…) Срок обучения на Военно-медицинских факультетах установить 2 года. Начало занятий 15 декабря 1951 г., в последующие годы с 1 сентября»[42]. Три факультета создавались в дополнение к уже существующим военно-медицинским образовательным учреждениям.

[38] Приказы…, Т. 2, док. № 66, с. 150.
[39] Приказы…, Т. 2, док. № 89, с. 188.
[40] Приказы…, Т. 2, док. № 121, с. 247.
[41] Приказы…, Т. 2, док. № 123, с. 250.
[42] Приказы…, Т. 2, док. № 134, с. 266, 267.

Чтобы любой ценой сорвать возможный американский атомный контрудар, в истребительной авиации культивировалось самопожертвование ради поражения цели. Могильным ужасом веет от приказа № 0241 от 25 декабря 1951 года: «17 марта 1951 г., выполняя правительственное задание, в неравном воздушном бою, геройской смертью погиб гвардии капитан Дубровин Василий Матвеевич.

Находясь в правительственной командировке (ее место — Корея, стыдливо замолчано. — *А. Г.*), гвардии капитан Дубровин В.М. совершил 21 боевой вылет, во время одного из которых лично сбил вражеский самолет…

В ознаменование геройского подвига… приказываю:

Зачислить… Дубровина… навечно в списки 2-й эскадрильи 72-го гвардейского истребительного авиационного полка.

Приказ объявить личному составу… полка»[43].

То, что вполне мирные организации могли быть одномоментно поставлены на службу войны, демонстрирует приказ № 00114 от 26 мая 1952 года: «Начальнику Главного управления Гражданского воздушного флота маршалу авиации т. Жаворонкову передать в 1952 г. в дальнюю авиацию 150 подготовленных командиров кораблей… с налетом не менее 500 часов… для назначения их на должность командиров кораблей Ту-4. (…)

В дальнейшем передавать из ГВФ (…) ежегодно 150–200 подготовленных командиров кораблей для укрепления летных кадров дальней авиации»[44].

О командирах, отошедших к гражданским занятиям, власть тоже не забывала. 19 июля 1952 года был издан приказ № 0156 о создании штатных отделений переменного состава по подготовке офицеров запаса при высших школах Советской армии. Учебные планы должны были включать как годовую, так и сокращенную программу обучения[45].

Войска постепенно переводили в режим военного времени. Приказ военного министра 21 января 1953 года № 16 объявлял обширный перечень должностей рабочих и служащих Советской армии, по которым командиром (начальником) мог быть установлен ненормированный рабочий день. Документ включал широкий спектр лиц — от заведующих складами (хранилищами) до шеф-поваров, и от кучеров до директоров предприятий и учреждений.

5 марта 1953 года умер Сталин, после чего его приближенные свернули часть военных программ и провели частичную демилитаризацию страны. Это видно в том числе по приказам военного министерства, которое для успокоения наиболее вероятного противника переименовали в Министерство обороны[46].

Тем не менее, инерция приготовлений светопреставления дала себя знать и после смерти Вождя. Приказ № 0152 от 9 ноября 1953 о поощрении личного состава военно-морских сил раскрывает смысл советской программы исследования Арктики 1930-1950-х годов и строительства системы каналов, включая Беломор и Волго-Дон: «В течение 1953 года Военно-Морские силы и органы Министерства морского и речного флота выполнили большую работу по переводу боевых кораблей и вспомогательных судов с заводов Министерства транспортного и тяжелого машиностроения на наши морские театры и на достроечные базы.

Впервые столь большое количество кораблей, особенно подводных лодок, тральщиков, торпедных катеров успешно переведено внутренними водными путями и Северным морским путем на значительные расстояния.

Все переводившиеся корабли и вспомогательные суда своевременно завершили эти дальние переходы и в исправном состоянии прибыли в пункты базирования»[47]. Но не получили приказа об атаке…

[43] Приказы…, Т. 2, док. № 154, с. 291.
[44] Приказы…, Т. 2, док. № 177, с. 335.
[45] Приказы…, Т. 2, док. № 194, с. 368.
[46] См. раздел «Приказы Министра обороны СССР»: Приказы…, Т. 2, с. 403-484.
[47] Приказы…, Т. 2, док. № 267, с. 478.

Лешек Шаруга

УЖАСНЫЙ ГОМО САПИЕНС

Гжегож Врублевский (р.1962), дебютировавший еще в кругу независимого ежеквартального журнала «БруЛьон», много лет живет в Копенгагене. Его поэзию отличает обостренная чуткость к деталям, сосредоточенность на конкретном событии. Поэт избегает обобщений, но в то же время искусно оперирует своей эрудицией, как, например, в стихотворении «Схема суммации (о болезни Джона Т.)»:

Если бы даже
кто-то досконально изучил Сервантеса,
ему никогда не пришло бы в голову
посвятить себя Дидро или хотя бы
схеме суммации у Панфило Сасси.

Эти маленькие повествования — свободное речевое плавание по океану существования; свободное, то есть не подчиненное никакой заранее принятой теории навигации: мир проявляется во множественности явлений — обыденной и необычной, трезвой и пьянящей, реалистической и визионерской — не важно. Существен момент сосредоточенности, категоричное «так я хочу» автора, который не скрывает иронической дистанции по отношению к создаваемому миру и к тем, кто его воспринимает, что, пожалуй, отчетливей всего выражено в стихотворении «Голубые головы»:

10 литров уцененного акрилового океана!
Дадим ему название — ГОЛУБЫЕ ГОЛОВЫ -
и обойдем с ним ютландские деревушки.
Представьте этих угрюмых свинарей
и страусоводов... (...)
А потом свернем лавочку — и на теплые острова!
Искать новую версию пантеизма.

Сгущенная образность этих стихотворений, телеграфная (может, сегодня лучше сказать: «эсэмэсочная») краткость и быстрота передачи позволяют точно, без лишних подробностей представить современную действительность, как в стихотворении «Скоро мы отправимся в путь»: «радостный/ конец пост-пост-античности,/ и ледниковой эпохи,/ и квантов». Здесь много отсылок к «параллельным мирам», которые то и дело приоткрывают свои окна в отдельных стихах. Немало также афористичных — насыщенных иронией — умозаключений, например: «В конце концов я остался среди рогатых насекомых./ Абсолют всегда был рядом». Мысль несколько сатанинская, но в этой поэзии каждое слово на своем месте, полно своего смысла, а логика рассуждений подчинена своим принципам, первый из которых гласит: «так я хочу».

Эпизоды истории становятся — как война во Вьетнаме в стихотворении «Рододендроны...» — эпизодами беспамятства. Где-то вспыхивают «иракские фейерверки». Мы узнаём, что «Лима снова в руинах» и что «нам удалось избежать Фиделя». Но: «Всё, что только что было,/ не имеет уже никакого значения», — читаем в стихотворении «Свет в кафедральном соборе». Тем более что герой этих стихов живет не в ритме «истории», а в ритме природы. И потому может «обратиться к папе римскому насчет/ посредничества в общении с Чужими». Он сам — Чужой. В этом тоже иногда состоит поэзия.

Но действительно ли это — ритм природы? А если цивилизационная неразбериха, отраженная творчеством Врублевского, не соответствует предначертанному ходу вещей? Сгущение нарратива, заметное в стихах и прозе, в драматических повествованиях и эссе, есть своего рода «отстирывание» экзистенциальных реалий и интеллектуального опыта. Такую литературу называют «эрудиционной», но эрудиция повествователя в произведениях Врублевского производит впечатление естественности, она не «заученная». Битва в Тевтобургском лесу и разгром римского легиона в седьмом году нашей эры или философские изыскания Людвига Витгенштейна в этом многоголосом повествовании — взаимопроникающие пространства. Повествование не подлежит строгой жанровой классификации, его невозможно описать готовыми формулами литературных конвенций, выработанными литературной теорией.

Закончить стоит глоссой из книги «Ошибка Мартина Лютера»: «Что ужасает меня в Дании (стране Бора и Кьеркегора, государстве заботливом и толерантном, где высок уровень жизни и т.д.)? Меня ужасает гомо сапиенс. Так же, как в Вилянове и остальных ни в чем не повинных уголках Земли. Меня ужасает гомо сапиенс».

Гжегож Врублевский

Перевод Андрея Базилевского

МОГИЛА ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА

Одно время, недолго, я жил в Кембридже на Сториз-Уэй, в здании, принадлежащем Колледжу Черчилля. Колледж Черчилля (один из позднейших, основанных в Кембридже) — скопище весьма специфических типов. Там преобладают эксперты по извержениям вулканов, конструкциям мостов, тайнам мозга и т.п.

Ученые очень похожи друг на друга: все они преждевременно лысеют, у них серьезные дефекты зрения. По вечерам, после изнурительной работы в лабораториях, они готовят себе экзотические коктейли (пьют чрезвычайно умеренно, о попойках нет речи) и смотрят трансляции американских баскетбольных матчей. Наизусть знают все имена и фамилии пловцов, футболистов, теннисистов... Таблицы, результаты... Статистика. Ведь в их случае принимаются в расчет только конкретные факты и безупречная память! Они много знают о Юнге и Судзуки, могут дискутировать о новейших моделях «Тойоты» и «Эм-Джи». Невероятно сведущи во всех возможных областях.

Но, внимание: они не курят ни травки, ни сигарет (в большинстве общежитий установлены специальные датчики, «бурно» реагирующие на дым). Они прочно держатся на плаву, знают, что такое общепринятые нормы и условности. Как они сами часто подчеркивают, именно они — будущее нашей заброшенной, охваченной хаосом, ущербной планеты... Они точно сознают свою миссию, определенных границ им переходить не подобает. Следует служить для других примером. Ибо мир наблюдает за ними. Они, избранные, оказались в Кембридже и теперь обязаны вернуть долг.

Однако здесь живут не только конструкторы подводных лодок. Нет-нет да и встретится какой-нибудь архитектор, а то и филолог или честолюбивый антрополог. В свое время здесь бросил якорь, к примеру, известный австралийский поэт Джон Кинселла (www.johnkinsella.org). Все-таки Колледж Черчилля — это многообразие. Говорят, так было всегда.

Людвиг Витгенштейн впервые появился в Англии (в Манчестере) в 1908 году. В 1912-м в кембриджском Тринити-колледже он начал изучать философию под крылом Бертрана Рассела. Во время первой мировой войны вступил в австрийскую армию, побывал в итальянском плену, потом работал учителем в Австрии. В 1918-м опубликовал свое главное произведение — «Tractatus Logico-Philosophicus» — «Логико-философский трактат», который пять лет спустя был переведен на английский. В 1929-м Витгенштейн вернулся в Кембридж, где ему присвоили за «Трактат» степень доктора (PhD). Осень жизни он провел за просмотром вестернов в местных кинотеатрах. Жил в Стратерде (теперь это часть Колледжа Люси Кавендиш), а дух испустил в Сториз-Энде, в доме опекавшей его миссис Бивен... на Сториз-Уэй, неподалеку от главного входа в Колледж Черчилля.

В паре сотен метров от Сториз-Энда, где умер Людвиг Витгенштейн, неподалеку от Хантингтон-Роуд, есть маленькое запущенное кладбище. Именно здесь в 1951 году был похоронен знаменитый философ.

Впервые я побывал там вместе со знакомыми шведами, Марией и Томасом. В густых зарослях мы наткнулись на плиту со скромной, едва заметной надписью: ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН 1889-1951. Ничего больше на ней не было. Были опущены даже остальные его имена: Йозеф Иоганн. Аскетичный камень, вроде камней на местных кладбищах Борнгольма и Готланда. Слегка шокированный Томас достал свой громадный фотоаппарат, а Мария с любопытством изучала растущие вокруг, прежде неведомые ей разновидности сорняков. И тут новая неожиданность — толстый рыжий кот. Развалился посреди плиты и гордо позировал для съемки. Как профессиональная модель! Ситуация «говорила сама за себя».

Нездоровую тишину прервал прагматичный в повседневной жизни Томас (инженер, специалист по вентиляторам). «Как думаете, это не дух Витгенштейна?» — глубокомысленно спросил он. «Никогда

ничего не известно», — поддержал я его. «Не глупите, — урезонила нас его жена Мария, психолог по образованию. — Но этот кот и правда ведет себя как-то ненормально», — тут же добавила она. «Нет, это ненормальный кот, и излучение тут какое-то необычное, что-то висит в воздухе...» — заявил Томас. Затем нервно отщелкал всю пленку. Было видно, что он необычайно взбудоражен. «Могли бы хоть траву скосить. Сроду не видел такого запущенного кладбища. В Скандинавии такое представить себе невозможно. Люди бы сразу подняли крик, кто-нибудь слетел бы с должности. Скромное надгробие — ладно, но почему столько сорняков? В таком важном месте!» — возмущалась Мария. «Ты веришь в духов?» — спросил я Томаса. «Да брось ты, у него хватает стрессов на работе в Швеции, а тут мы все-таки в отпуске», — подвела черту Мария. Мы простились с Людвигом Витгенштейном и таинственным котом. И направились к другим заросшим могилам.

Прямо на кладбище — мастерская американского художника-камнереза Эрика Марленда. Его специальность — надгробия и прочие плиты «на случай». Счастливчик обслуживает весь городок. Не жалуется — работы хватает всегда. В Кембридже огромный спрос на его изделия. Ведь известно: каждый второй идущий по улице старичок — какой-нибудь выдающийся профессор, лауреат международных премий, гений и т.д. Сплошные потенциальные клиенты... «Я давно уже отошел от искусства, — говорит Эрик Марленд. — Сосредоточился на буквах и молотке. Возьми это на память».

Он вручает мне открытку. На снимке одна из его бесчисленных работ — мемориальная доска, висящая поблизости от Пемброк-колледжа. Характерная надпись: «This plaque is placed in memory of Sir Harold Ridley FRS 1906-2001 pioneer of intraocular lens surgery, graduate & benefactor of this College after whose ancestor Bishop Nicholas Ridley, Master 1540-1553, martyred 1555, this path is traditionally named…»*

К тому же Эрик — великий знаток и любитель своего кладбища. О погребенных здесь персонах ему известно всё. «Величайший хит, конечно, Витгенштейн. Многие приезжают в Кембридж, только чтоб глянуть на этот клочок земли. Особенно японцы. Они просто сдвинуты на этом пункте. (Мне тут же вспомнились паломничества японцев на могилы Кьеркегора и Андерсена, их веселый щебет на кладбище Ассистенс в Копенгагене.) Но Витгенштейн — это еще не всё. Есть и другие заслуженные покойники. Например, нобелевские лауреаты. Физик сэр Джон Кокрофт и другой сэр, тоже лауреат Нобелевской премии, биохимик Фредерик Хопкинс. Ты слыхал, что кузеном Хопкинса был отличный поэт, иезуит Джерард Мэнли Хопкинс?»

Эрик знал буквально всё... «Живешь в Черчилле? Кокрофт получил Нобеля в 1951-м, как раз когда умер Витгенштейн. В 1959-м Уинстон Черчилль назначил его первым мастером колледжа. История, парень, история! Здесь покоятся и ближайшие родственники Дарвина. Только представь себе — семья Дарвина! Сыновья — Фрэнсис и Гораций. Фрэнсис, тоже ботаник, написал превосходную биографию своего старика. Сплошные знаменитости. Элита элит. Если хочешь, заходи ко мне в любое время. В следующий раз расскажу тебе о Бенсоне. Интересуешься Востоком? Ориенталист Норман Маклин. У нас тут похоронено примерно 2500 человек».

А вот и мои личные «изюминки». Обретенные уже без неоценимой помощи Эрика. Скажем, Джон Адамс (1819–1892), астроном, первооткрыватель планеты Нептун (французы всегда утверждали, что это совершил их земляк Леверье). Ида Дарвин (1854–1946), жена Горация Дарвина, отважная по тем временам женщина, занималась помощью психически больным, была активисткой общества с красивым названием: Association for Protection of Public Morals**. На том же кладбище покоится священник, о. Конрад Пеплер. Умер в 1993 году. Именно он совершил над Витгенштейном таинство соборования. Замкнутый круг...

Колледж Черчилля. Столовая, как всегда, набитая людьми до отказа. Нахожу свободное местечко только рядом с яйцеголовым карликовым американцем. Видно, никто не захотел сидеть рядом с ним.

*«Эта доска установлена в память о сэре Гарольде Ридли FRS 1906-2001, пионере внутриглазной хирургии хрусталика, выпускнике и благотворителе данного колледжа, в честь чьего предка, епископа Николаса Ридли, мастера 1540-1553, мученически погибшего в 1555, по традиции названа эта аллея» (*англ.*).

** Ассоциация защиты общественной морали (*англ.*).

Американец работает над новыми взрывчатыми веществами. Якобы он уже на полпути, так что скоро посыплются очередные премии и научные титулы. «Ты, случайно, не был в бассейне — подогрели там воду, как положено?» — спрашивает он. «Нет, сегодня плавания не было, я прямиком с могилы Людвига Витгенштейна» — объясняю. «Кого?» — удивляется американец. «Витгенштейна», — повторяю я. Он вытирает вспотевший от избытка информации лоб. «Это, случайно, не тот эксцентричный субъект, что написал «Philosophical Investigations»?» — «Он самый».

Я чувствую, как у него нагреваются электроды. Отставил в сторону кофе, шепчет мне на ухо: «Ты знаешь о нем еще что-нибудь? Что-нибудь о его увлечении Советами? Ты же родом из Польши, ты должен об этом знать».

Я знал. И не только об этом. Американец терпеливо слушал и всё по-своему анализировал. Киборг! Я нарочно дал ему неправильную дату отъезда Витгенштейна в Норвегию, где тот жил в уединенной хижине.

Мне удалось инфицировать его. Насколько я знаю жизнь, сейчас он помчится в библиотеку и начнет торопливо листать биографию философа. А мне только того и надо. Тут дорога каждая минута!!! Может, конец света наступит хоть на мгновенье позже.

Ошибка Мартина Лютера

Городской пляж Амагер-Штранд в Копенгагене. Сначала появилась юная парочка влюбленных. Приятно было на них посмотреть. Красивые прически, стройные лодыжки, изысканные футболки с надписью КЕНТУККИ. Потом арабская пара, от которой уже издали разило чесноком. Впереди шествовал усач, за ним помаленьку ковыляла его измученная, женщина, вся в черном. И еще какой-то одиночка. С остатками крема после бритья на физиономии. В руке дырявый пакет с надписью АНАНАС. Он с интересом разглядывал дохлого краба.

Влюбленные скоро скрылись в кустах поблизости. Усач прикрикнул на свою невольницу, чтоб она прибавила шагу. Одиночка решительно огляделся и спрятал в пакет останки краба. Минималистический фильм... Его просмотр прервал мне светловолосый, немного взволнованный мужчина с сигарой:

— Петер, — представился он.

— Гжегож, — ответил я.

— Как? Повтори еще раз.

— Гжегож, — повторил я.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — констатировал он озадаченно.

Последовала масса необходимых разъяснений. Сложная история Польши (максимально кратко): *либерум вето*, разделы, Лех Валенса. Цены на алкоголь и на съемное жилье в Варшаве. В конце концов порешили на том, что он будет звать меня «Грегор».

— Ведь поляки и датчане — близкие соседи. Правда, разная ментальность, разные черты лица, но зато у нас общий опыт, — сказал Петер.

Какой общий опыт?.. Окончательно мы это так и не установили. Петер твердил что-то про Балтийское море, но скоро сам сменил тему. Борнгольм и селедка все-таки слишком слабые аргументы. Кашубские принцессы, НАТО, присутствие датских и польских солдат в Ираке? Разговор явно не клеился. Тогда Петер применил более «классический» прием:

— Это уже не та Дания, что пятнадцать лет назад. Всё изменилось к худшему. Ты, наверно, догадываешься, о чем я говорю?

— Мусульмане? Ты их имеешь в виду? — без труда угадал я.

— Ты из католической страны, с тобой нет проблем, — подстраховался он. — Я христианин, как и ты. Когда-то у вас были неприятности с Карлом-Густавом, но помни: Дания — это не Швеция. Да и шведы последнее время стали более вменяемые. Другое дело, что я ни за какие сокровища на свете не переселился бы за Зундский пролив.

— Сказать тебе спасибо за Фредерика III?

— Мусульмане становятся всё агрессивней. Ты сам не чувствуешь этого, когда идешь по Амагерброгаде?

— Тебя обокрали?

— Вопрос гораздо сложнее, — продолжал Петер. — Они хотят захватить наши храмы! Ей-богу. Мало того, что они злоупотребляют социалкой, так им еще и святыни подавай. Пора, наконец, как-то реагировать. Королевство на краю пропасти. Скоро у наших детей в школах будут уроки арабского.

— Захватить храмы? Но кому нужны ваши пустующие храмы? — удивился я.

Петер явно завелся. Он закурил новую сигару и крепко схватил меня за плечо. Глаза его были тревожно прищурены. Я вдруг подумал о волшебном, поразительном прошлом этого уголка Земли. О Торе, о Харальде Синезубом и его жестоком сыне Свене Вилобородом. Подумал о покорителях Арконы. У Световита в 1168 году не было никаких шансов...

— А всё из-за наших епископов. Они должны быть осторожней с людьми, которых берут на работу. В конце концов мы платим налог в пользу церкви! Недавно какой-то священник-активист сказал, что он не верит в Бога, а другой даже заступился за исламистов. Тебе не кажется, что это уже слишком? Разве что-нибудь подобное возможно в твоей стране? Один священник предложил сдавать церкви в аренду имамам! Ты представляешь? Мы ведем с ними войну, а духовенство заявляет, что пора сдавать им в аренду церкви! Дескать, так датские храмы снова заполнятся людьми. Якобы, это практично. Им что, свечек жалко? Ты подумай, например, о церкви Грундтвига, о нашей национальной жемчужине! Нет Бога кроме Аллаха, и Магомет пророк его? Разве за это боролось лютеранство?

Тут Петер спонтанно прочел мне вводную лекцию о Мартине Лютере. С хронологией у него явно были проблемы. Он начал с папского проклятья, изгнания, потом упомянул о «Большом катехизисе», а закончил двадцатью пятью тезисами. Я ощутил, что он ярый сторонник автора «Вавилонского пленения». Однако главное он приберег напоследок. Это было довольно неожиданное признание:

— Мартин Лютер не был перфекционистом. Некоторые существенные вещи он, к сожалению, продумал недостаточно.

— Отсюда ваши проблемы с посещаемостью богослужений?

— Мы платим за это высокую цену...

— Ты имеешь в виду отсутствие исповеди? Ответственность только перед самим Богом, ветхозаветный ужас?

— Нет, не то. Дело совсем в другом, может, тебе даже покажется это странным.

Да. Это было не типично для датчанина. Петер извлек из кармана цветной образок с изображением святого Антония. Начал медленно читать:

— «San Antonio, glorioso por tus milagros, que tuviste la dicha de tener…»*** Ты уже понял, чего нам в Дании не хватает?

— Внешних проявлений культа? — попытался я угадать.

— В наших церквях нет реликвий, почти нет скульптур и икон, а людям это позарез необходимо. Этот образок я купил в барселонском соборе. Я видел там толпы верующих. Посещаемость — на зависть! У меня есть еще несколько. Смотри. К примеру, святой Августин. Нам нужен сегодня святой Августин на полотнах, нам нужны конкретные объекты! Человек сконструирован очень просто, нельзя им манипулировать.

— Думаешь, картины вернули бы многих верующих?

— Человек — это прежде всего рецепторы. Осязание и свет. Что толку тебе в одной только внутренней медитации, если ты не имеешь никакого понятия, о чем именно медитируешь? Смотри, каким успехом пользуются новые медиа. А ведь мы могли бы спокойно ими воспользоваться.

— Голограммы в храмах?

— Мартин Лютер был великолепным теоретиком. Я ценю его, даже более того, в глубине души люблю, но, увы... Психологии там — по нулям! Он ликвидировал все эти спецэффекты и тем самым успешно отпугнул людей. Жаль, что я не теолог, а то бы я боролся за возврат предметов культа... Грегор, мы должны защищаться от Аллаха! Надо снова начать читать детям Библию. Мы обязаны напомнить среднестатистическому Йенсену, почему он празднует Рождество. Образки, четки... Ведь

*** «Святой Антоний, славный чудесами своими, которые посчастливилось...» (*исп.*)

большинство датчан никакого понятия не имеет, что тут речь идет об Иисусе! Необходимо вернуться к Михаилу, Гавриилу и Рафаилу, хотя моим знакомым это кажется чистым абсурдом.

Говорил он хаотично. Перескочил на Общество Розенкрейцеров, потом на карты таро и деятельность буддистских сект, которые в Скандинавии все популярней. Мандалы, Грааль, алебастровые головы... Но понемногу я начал его понимать. Дания: каждый второй на таблетках счастья, депрессивный морской климат, «девочка со спичками», Кьеркегор со своим папашей-маньяком и Регионой Ольсен... Все-таки пластмассовые гномы и поддельные кельтские сувениры экзамена здесь не сдали.

— Мы никакие не концептуалисты. Лютер забрал тепло из краев, и так уже довольно холодных. Он нанес крайне опасный удар.

— В этом действительно не было ничего позитивного?

— Нам нужна новая христианизация страны, — проигнорировал мой вопрос Петер. — Нужна немедленная реформа церкви. Возврат к истокам...

Призрак датских церквей, превращенных в мечети? Мусульмане? Подсознательный страх перед чесноком? Я помню, как было в Дании еще в 80-е годы. Тогда во всем были виноваты поляки. Шли бесконечные дискуссии о польских проститутках и ворах, о контрабандистах, так и лезущих из католической страны. Польша — это не всегда было *cool*****. Конъюнктура! Теперь датчане массово посещают «досуговые агентства» в Щецине (больше уже не вспоминая о «негигиеничных польских борделях»). Мы вместе сражаемся с террористами и дружно пьем «Карлсберг». Произошло замирение. Над Борнгольмом развеваются польские флаги. Любопытно, в чём Петер попытался бы убедить меня лет двадцать назад? Толковал бы о Констанции? Об отделении церкви от государства?

— Тебе, наверно, кажется, что мы делали только ошибки? Не всё было так ужасно. Тот же Христиан III оказался на высоте. В 1536 году он провозгласил Данию протестантской страной. Дал жителям год на раздумье. Если кому-то вдруг это не подходило, и он продолжал поддерживать Ватикан, он должен был по прошествии этого срока покинуть пределы королевства. Прагматично, не так ли? — читал он мои мысли.

— Прагматично, но, наверно, ты слегка идеализируешь?

— Приходится, иначе нельзя. Ты хорошо знаешь, что творилось во времена Реформации и Контрреформации. Неприятные инциденты были обычным делом.

— Неприятные инциденты... А кто ты, собственно, по профессии? — я вынужден был наконец задать ему этот бестактный вопрос.

— Слыхал когда-нибудь о денатурации белка?

— Коагуляция? Я всегда в этом слабо разбирался...

— В таком случае у тебя многое впереди, Грегор. Физика, химия, математика! Без них нечего и говорить об Абсолюте. Статистика... За последние 14 лет количество верующих снизилось в Дании на 14 процентов.

— Нумерология?

— Вспомни, что случилось в 711 году с государством вестготов... — таинственно закончил он разговор, затушил сигару и поспешно удалился.

Может, ему вдруг стало стыдно, что он раскрылся перед Чужим? Он оставил мне на память образок со святым Августином. Так не поступил бы ни один «нормальный» датчанин. Кем был Петер на самом деле? Ученым, который внезапно ПРОЗРЕЛ? Что-то тут явно не сходилось. Миссионером, удрученным членом националистической партии? А может, просто заурядным обывателем, ужаснувшимся наплыву палестинцев? Фанатиком истории своей страны-лилипута? Увы, нам не привелось больше встретиться. Петер с тех пор так и не появился на Амагер-Штранде. Зато время от времени я встречаю одиночку. Всегда с одним и тем же дырявым пакетом. Он терпеливо наблюдает за чайками, осматривает водоросли. Выискивает новые останки краба.

**** круто (англ.)

Гжегож Врублевский

Перевод Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

На млечном пути

Какое счастье — ничего не делать!
Обходить стороной тех, кто разносит письма или за деньги
считает созвездия.

Гладя бездомного пса, я ловлю его
хитрый взгляд.
Он отлично меня понимает.

Он не должен гоняться за дичью, никто его не дразнит
резиновой костью.
Как и я, он отдыхает среди бессмысленных
одуванчиков.

Ему кажется, что он постиг свою краткую миссию.

Искусство разговора

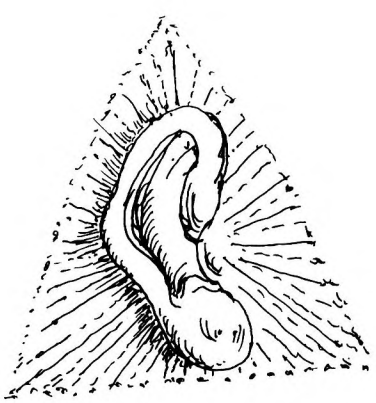
Что будем делать — спрашиваешь ты.
Не знаю — отвечаю я.
И я не знаю — говоришь ты.

Мы не знаем — констатирую я.
Не знаем, потому что не знаешь ты — заявляешь ты.
Потому что не знаю я? — удивляюсь я.

Потому что не знаешь ты — подтверждаешь ты.
Только потому, что не знаю я? — спрашиваю я.
Ты сам это знаешь — говоришь ты.

Не знаю — отвечаю я.
Знаешь! — кричишь ты.
Ну хорошо, знаю — кричу я в ответ.

Так... что будем делать? — спрашиваешь ты.
Точно еще не знаю — говорю я.
Никто не знает — признаёшь ты мою правоту.



2002

— Простят ли нам когда-нибудь лягушки?
— Не знаю.

— А если каждое крылышко мухи посчитано?
— Значит, посчитано.

— Как это можно проверить?
— Этого нельзя проверить.

— И что же я должен делать?
— Не думай об этом.

rys. Dmitrij Szewionkow-Kismiełow

Эугениуш Соболь

НЕИЗВЕСТНЫЕ АСПЕКТЫ ГОЛОДОМОРА

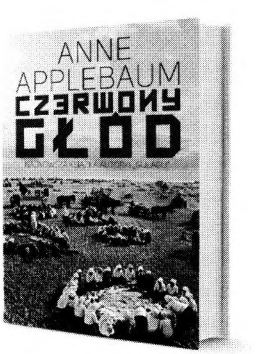
Книги Энн Эпплбаум на историческую тематику пользуются в Польше успехом и вызывают достаточно большой интерес, а ее предшествующие публикации: монографии «Гулаг» и «Железный занавес. Подавление Восточной Европы (1944–1956)» — долго оставались в верхних строках рейтингов польских бестселлеров. По случаю выхода польского перевода новейшей книги Эпплбаум, озаглавленной «Красный голод: война Сталина с Украиной», 3 марта текущего года в помещении фонда «Либеральная культура» в Варшаве состоялась встреча с этой американской писательницей. Разумеется, на польском издательском рынке вполне хватает работ о Голодоморе, хотя обсуждаемая книга выделяется среди них сочетанием материалов о катастрофическом голоде на Украине, вызванном большевиками в 1932–1933 гг., с проблематикой полного истребления Сталиным украинского движения национального возрождения.

Книга Эпплбаум была написана в первую очередь для западного читателя — это видно по тому, что в ней содержится целый ряд элементарных сведений об Украине, — но, на мой взгляд, каждый читатель, даже неплохо знакомый с восточноевропейской тематикой, найдет в ней что-то важное для себя. Особенно ценны те фрагменты этой работы, где рассказывается, каким образом правдивая информация о свирепствовавшем на Украине голоде доходила до общественного мнения англосаксонских стран, — в частности, через посредство публикаций украинской эмиграции. Голодомор проводился по личному указанию Сталина, и по данной причине Эпплбаум уделила изрядное место рассмотрению факторов, порождавших ненависть этого диктатора к украинскому крестьянству. В ту пору голодали во всех частях большевистского государства, но наибольшее количество смертельных жертв было именно на Украине (около 3,9 млн), причем отнюдь не случайно особенно много их было как раз в тех ее регионах, где в 1917–1919 гг. наблюдалась самая серьезная поддержка армий Петлюры и Махно, а спустя десять лет — самое сильное сопротивление насильственной коллективизации. Как подчеркивает американская писательница, в голове у Сталина две тогдашние проблемы: поставки зерна из Украины и опасность, грозящая со стороны украинского национального движения, — слились воедино. Он великолепно помнил о поражениях большевиков на Украине в 1918–1919 гг., а также о заключенном в то время польско-украинском союзе Петлюры и Пилсудского. Когда послереволюционная аграрная политика коммунистов завершилась полным фиаско, руководство ВКП(б) не призналось в поражении, а возложило вину за дефицит продовольствия на «классово враждебные элементы», иными словами, на так называемых кулаков. Автор представила Сталина как фанатика, одержимого верой в разнообразные теории заговора, и как властелина, который принял решение любой ценой воплотить по всей стране скомпрометировавший себя план коллективизации, подгоняя при этом действительность под большевицстскую теорию, даже если миллионам граждан СССР предстояло заплатить за это своей жизнью. В итоге большевики действительно покарали смертью самых практичных, расторопных и предприимчивых мужиков. В одной из последних глав Эпплбаум пишет о воздействии Голодомора на современную украинскую ментальность, но сразу же имеет смысл подчеркнуть, что это ужасное преступление представляло собой один из факторов, очень сильно понижавших мотивацию советских граждан к продуктивному труду. В итоге они старались работать как можно меньше, выполняя порученные им обязанности небрежно, через пень-колоду, а при случае еще и разворовывая попутно государственное имущество. Такую трактовку государства как враждебной структуры автор замечает уже в 1930-е годы у крестьян, которых лишили имущества и заставили вступить в колхозы. Именно апатия, нежелание трудиться, а также выполнение любой работы как «халтуры» в конечном итоге и довели до падения Советского Союза, поскольку это государство, невзирая на экспорт сырья, оказалось экономически несостоятельным.

Самыми интересными во всей книге следует признать две заключительные главы: «Заговор молчания», а также «Голодомор в истории и памяти». В первой из них Эпплбаум описала осуществлявшееся властями СССР фальсифицирование истории, так как советское общество узнало о Голодоморе вообще лишь на

исходе 80-х годов XX века. Даже имеющий украинские корни Хрущев не упомянул об этой трагедии в знаменитом докладе, открывавшем эпоху «оттепели». Западные корреспонденты, которые в 1930-е годы работали в Москве, под угрозой выдворения из страны Советов поддерживали заговор молчания вокруг Голодомора), а вдобавок их тексты цензурировались советскими сановниками. После того, как Гитлер в 1933 г. захватил власть в Германии, западный мир предпочитал не раздражать Советы — потенциального союзника в грядущей войне. В европейских столицах были прекрасно осведомлены о чудовищном голоде на Украине, который был порожден Сталиным, — хотя бы на основании донесений своих дипломатов. Героическим нужно признать поступок британского журналиста Гарета Джонса, который ловко ввел в заблуждение функционеров советских органов безопасности, сбежал из поезда и осмотрел, посетив пешком, дюжину деревень в окрестностях Харькова. Его фотоснимки и статьи, основанные на сообщениях очевидцев, явились одними из немногих свидетельств о Голодоморе, которые дошли до западного общественного мнения. Однако, с другой стороны, значительно большим влиянием обладал пресловутый британско-американский журналист Уолтер Дюранти, удостоенный тогда Пулитцеровской премии за статьи из России, в которых отрицалась людоедская практика большевиков*. На Западе поверили скорее в его мягкую версию событий в Советском Союзе 1930-х гг. «Граждане СССР голодают, но не умирают»**, — писал этот газетчик, причем в последующие годы сей оплачиваемый советскими энкавэдистами «полезный идиот» пойдет еще дальше и будет уже опровергать существование ГУЛАГа.

После прочтения завершающей главы книги — «Голодомор в истории и памяти» — приходится с грустью констатировать, что это преступление против человечества не проникло в достаточной степени в наше коллективное сознание — хотя бы в такой же степени, как Холокост. По правде говоря, мы имеем дело со странным, даже диковинным синкретизмом, который исповедуют украинские власти, старающиеся, несмотря на проведенную там довольно-таки поверхностную декоммунизацию, объединить две взаимно исключающиеся традиции — коммунистическую и национально-освободительную. Если бы в этой стране решили сделать из Голодомора краеугольный камень украинской идентичности, то в таком случае надлежало бы выбросить из национального пантеона все выдающиеся фигуры, связанные с коммунистической эпохой, а до этого шага украинское общество еще отнюдь не дозрело. Кроме того, на встрече в Варшаве Эпплбаум упомянула, что ее книга в общем-то не вызвала заинтересованности со стороны украинских СМИ. В настоящее время Голодомором там занимаются главным образом историки, а не журналисты, художники, писатели или режиссеры — одним словом, творческие личности, создающие разнообразные клише массового воображения. А ведь, как справедливо заметила автор рассматриваемой книги: «Политическая пассивность, терпимость к коррупции и недоверчивость по отношению к государственным институтам, даже демократическим — это политические патологии современной Украины, уходящие корнями в 1933 год». Именно в тот период свершилось уничтожение интеллектуальных элит Украины, а также была проведена ее русификация.



Anne Applebaum, *Czerwony głód*
Warszawa 2018
Wydawnictwo Agora

* За последние годы в США не раз требовали лишить его этой почетной премии. Кстати, Э. Эпплбаум тоже получила ее — за свою книгу о ГУЛАГе. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Видимо, рецензент ссылается здесь на статью «Русские голодны, но не голодают», где Дюранти опровергал вышеупомянутого Г. Джонса, ссылаясь при этом на официальные советские источники (!).

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В давние-давние времена в Польше выходили общественно-политические периодические издания, такие, скажем, как «Вядомосци литерацке», редакции которых заботились о том, чтобы работающие для них авторы публиковали — если возникала для этого оказия — статьи и эссе, посвященные творчеству того или иного человека искусства или «проблемные» свои тексты, где рассматривали какое-либо явление. Подобные амбиции, хотя и в следовых количествах, прослеживались у некоторых изданий до середины девяностых годов прошлого века; сейчас это уже глубокое прошлое — даже ежемесячными и ежеквартальными журналами, то есть изданиями для определенного читателя (как когда-то говаривали, «для верхних десяти тысяч»), такие претензии задвинуты в чулан. Сегодня эссе и статьи сменились интервью. В самом деле, чего там мучиться, собирать материалы, проводить исследования и рисковать, выступая с собственной оценкой, если можно просто послушать художника или эксперта? Работа не должна человека слишком отягощать. Интервью «делает само себя» — довольно подсунуть кому-либо микрофон, а гонорар получит не тот, кто создает текст, а тот, кто текст регистрирует. Причем еще отдает материал на авторизацию, а посему возможная ответственность за то, что идет в печать, возлагается не на журналиста или редактора, а на собеседника. Чего проще? Что же, остается только повторить за Цицероном: «O tempora, o mores!»

Поскольку в мае в Польше открывается сезон очередных книжных ярмарок и номинаций на целый ряд литературных премий, периодика вскипела бесчисленными интервью с писателями и издателями. Один из интервьюируемых — Павел Швед, совладелец издательства «Велька литера», который в беседе, опубликованной в еженедельнике «Польша. The Times» (№ 40/2018) под заголовком «У издателя должен быть нюх на книги», предпринимает попытку очертить ситуацию на издательском рынке: «Книги читает небольшая часть общества, а вдобавок, скажем прямо, еще меньшая часть книги покупает. Исследования, проведенные Национальной библиотекой, показывают, что в 2017 году 38% поляков какую-то книгу прочитали, включая учебную литературу, книги по школьной программе и т.д. То, что по европейским меркам у нас небольшая группа тех, кто читает, святая правда, и, увы, эта группа регулярно, хотя и медленно, сокращается; из года в год исследования отмечают пусть небольшое, но снижение интереса к чтению. (...) Тем не менее издательства держатся, и все время возникают новые. У значительной части из них дела не так уж плохи. (…) Конечно, есть проблемы — например, проблемы у книжных магазинов, настоящих книжных, стационарных: их число в Польше драматически уменьшается. (…) Одна из причин, безусловно, в том, что просто-напросто слишком мало людей покупают слишком мало книг. Но еще одна, очень важная, и надо сказать, глобальная проблема — это то, что книжным магазинам переходит дорогу интернет. Совершенно не оправдалось пророчество, что электронная книга вытеснит книгу печатную. (…) Но, как бы то ни было, торговля уходит в интернет — и это факт». Затрагивая вопрос снижающегося числа покупок, издатель подчеркивает: «Вопреки пропаганде, средний поляк со своими деньгами не может тягаться с богатой западной частью Европы. Подавляющая часть общества живет на действительно небольшие деньги. Книга для таких людей не первая необходимость. (…) Причину номер два можно назвать культурной. Несмотря на усилия различных организаций, объединений, а еще недавно — и государственных институтов, в массовом масштабе нет чего-то такого, как мода на чтение. Чтение книг, домашняя библиотека — это не то, чем похвалится средний человек за обедом у тетушки на именинах».

Павел Швед абсолютно прав: как я недавно прочел, серьезные советники, заботящиеся об имидже политиков в Польше, решительно не рекомендуют им показываться с телеэкрана на фоне уставленных книгами стеллажей, поскольку, похоже, средний телезритель расценивает это как демонстративное высокомерие, знак отчужденности. С другой стороны, не так уж давно приобрела известность про-

пагандирующая чтение акция под лозунгом: «Не читаешь — не пойду с тобой в кровать». Конечно, книгу можно и в кровать прихватить, но это не то же самое. Зачем, выходит, читать? Издатель указывает на существующие тенденции: «Обычный читатель любит то, что и всегда, — детективы и любовные романы. Плюс к тому книги советов и рекомендаций, лучше всего от знаменитостей. Издательский успех подчас имеют, например, популярные блогеры (книги родом из интернета!!) Иногда обычный читатель покупает биографии (скажем, несколько лет назад — Стива Джобса) или исторические книги. Но есть и книги со стабильно сильными позициями — к примеру, репортажные».

Именно репортажу посвящено интервью, которое дал изданию «Дужы формат» (№ 18/2018), приложению к «Газете выборчей», Петр Мицнер, председатель жюри премии им. Рышарда Капущинского. Интервью снабжено заголовком «Жаль, что пятерка не семерка», относящимся к проблемам, связанным с числом номинантов-финалистов — их должно быть пять, а председатель жюри назвал бы, как минимум, семь. «Когда я читаю репортаж или когда его оцениваю в качестве члена жюри (...), то обращаю внимание на очень важную вещь. Насколько этот текст оказывается повествованием о человеке, насколько он выходит за пределы конкретного времени и места? Насколько он универсален? (...) В последнее время очень силен исторический репортаж — думаю, здесь вообще можно говорить об определенной тенденции. В принципе, каждая из книг-финалистов относится к этому подвиду. И каждая из них пробует бороться с мифами, фальсификацией, полуправдой. Мы вернулись к временам, когда мифы вновь играют очень важную роль, нередко объединяя определенные общественные группы. Неважно, что могут быть позаимствованы у соседа, которого мы терпеть не можем, что никоим образом не несут новизны: там, где существует разрыв в каком-то повествовании, нарративе, — лакуну надо срочно заполнить мифом. А вот наши книги-финалисты идут против течения, сражаются с тем, что различные сообщества себе сегодня придумали». И еще один фрагмент из интервью, посвященный вышедшей в финал книге Иоанны Чечотт «Петербург. Город сна»: «Я знаю Россию и Петербург, много о них читаю и пишу. В книге Чечотт поразительно то, что автор не опирается на стереотипы, не эпатирует ими. Ведь именно стереотипы зачастую заполняют польские и западноевропейские опусы о России: все эти непременные члены мафии, мультимиллионеры и бывшие аппаратчики, прекрасно встроившиеся в новую действительность. А вот «Петербург» — это захватывающее повествование о прошлом и о повседневности, книга, которую каждый, кто выберется в этот город, должен прочитать, — это совмещение прекрасного путеводителя с историческим эссе. Ведь писательница включила туда также рассказы даже из допетровских времен. В книге Чечотт город представлен как живой организм с первой до последней страницы».

И все же какая-то надежда на лучшее в этом мире не пропала: люди, хоть и не массово, читают, в том числе и поэзию, а говорит о ней на страницах «Тыгодника повшехного» (№ 21, 2018) поэт и эссеист Петр Матывецкий в интервью, озаглавленном «Рас-поминание»: «Поэты не так уж много могут сказать такому существу, как общество. Зато поэты много могут сказать каждому человеку по отдельности. Сегодня можно встретить суждение, что в связи с развитием новых электронных медиа погибла культура разговора. По природе вещей, писатели, а особенно поэты, — люди разговора один на один, человека с человеком. Хорошее стихотворение — это всегда повод для начала внутреннего диалога. Во всей литературе такое дает, прежде всего, поэзия, и поэтому я считаю, что она необходима. Тем самым формируется нечто такое, что можно назвать общественной чувствительностью. Человек, не чувствительный к своим внутренним переживаниям, так же не чувствителен к переживаниям других. Он становится инкапсулированным, некоммуникабельным существом. А социум, как сообщество, требует именно объединения при помощи элементарных духовных переживаний. И это позволяет сделать поэзия». Кроме того, Матывецкий указывает, что поэзия позволяет выявить «абсурд современного уразумения таких понятий и таких практик, как юстиция, суд, аппарат правоприменения, вины и наказания. Все эти понятия были когда-то глубоко укоренены в самого разного рода заповедях, системах ценностей, общем состоянии правосознания, которые казались врожденными. Сегодня это все если и не подверглось деструкции, то, безусловно, размыто. А результат таков, что мы никогда не знаем, действительно ли кто-то, понесший кару, виновен, не задумываемся, что кто-то невиновный не должен быть случайно наказан. Это вопросы, с которыми не справлялись самые великие, такие

как Федор Достоевский или Франц Кафка. (...) Следовало бы в собственной совести (если понятие совести еще не поставлено под сомнение) искать новых оснований чувства справедливости, вообще искать понимания, чем сегодня в продвинутых информационных обществах реально является такая вещь, как справедливость. Я думаю, что нас, безусловно, ожидает общечеловеческая дискуссия в связи с этим понятием».

Это, однако, не единственная затронутая в интервью проблема — не менее важным представляется функционирование поэтической памяти: «У каждого есть такие моменты времени, в которые он возвращается. Или потому, что это его собственная, прекрасная идиллия — и даже воспоминание о ней приносит покой тогда, когда человек чем-то удручен. Или, напротив, невротически вспоминает что-то, что было травмой, жизненной раной. К таким моментам мы возвращаемся неохотно, с досадой. И все же время от времени к ним приходится вернуться, чтобы сдержать избыточный жизненный энтузиазм, остыть, но прежде всего, чтобы понять, кто мы такие. Потому что эти раны нас формируют. Существует также другой аспект памяти — собственно поэтический. Каждый поэт, который пишет довольно долго, в плену у памяти своих стихов. Эта память удваивается или утраивается. Было какое-то воспоминание, которое я когда-то воспроизвел в стихах. Теперь снова хочу его вызвать по каким-то причинам. И уже не знаю, припомню ли, скорее, то стихотворение, которое написал, и обстоятельства, в которых оно возникло, — или это будет то самое, первичное воспоминание. Память тогда становится чем-то многослойным». И наконец, в отношении названия последнего своего изданного сборника стихов «Ко времени»: «Я часто задумаюсь, что такое время без жизни человека и того, что его наполняет. Существовало ли бы время, если бы на Земле не было известной нам жизни? Время лишь случайно наполнено моей жизнью, жизнью других людей и жизнью обществ. Тайна времени, чистая его метафизика для меня синоним Бога. Отсюда и название моего нового сборника поэзии. С одной стороны, это «до поры»: скорыми шагами приближается тот критический, последний момент, временнóй рубеж; а с другой — я обращаюсь к времени заглавной строкой, я говорю ему».

Что же, — представляется, что Матывецкий на сто процентов прав, когда замечает, что поэзия мало что может сказать обществу. Однако все-таки может — опосредованно, каким-то потайным образом. Ведь даже те, кто о поэзии слышали только в начальной школе, подвержены в большей или меньшей степени ее воздействию. Здесь как с математикой или логикой: «обычный человек» не в состоянии прочесть и понять написанные учеными тексты, но почти каждый, даже не осознающий роли, какую эти науки играют в формировании информационного общества, в котором он живет, ежеминутно хватается за зазвеневший в кармане мобильный телефон.

Войцех Карпиньский

Перевод Ирины Адельгейм

РАЗБОЙНИЧЬИ КНИГИ И ГОРОДА

Часть четвертая

А сейчас я бы хотел рассказать о своих встречах с прошлым, встречах чрезвычайно для меня важных, поскольку с их помощью я учусь читать себя — и мир.

Было несколько моментов, когда прошлое являлось в обличье современности и говорило со мной непосредственно. Одним из таких незабываемых переживаний стало первое путешествие в Италию. Итак, в 1972 году я получил паспорт, впервые после судебного процесса над моим старшим братом Якубом, который проходил по делу «татерников»* и был приговорен к тюремному заключению за связи с парижской «Культурой», впервые после того, как меня выгнали из университета, впервые после декабрьских событий 1970 года. В Венеции я встретился со своим другом, Анджеем Рапачиньским, которому в 1968 году пришлось уехать из Польши, и мы вместе путешествовали по Италии. Итальянские города, итальянские галереи, итальянские образы дополняли наши разговоры, а наши разговоры дополняли эти образы, эти города. В то время я писал для журнала «Твурчость» эссе о политической мысли, но соприкосновение с Италией было для меня столь же важно и не меньше говорило о политике — не только об искусстве, поэтому я начал писать короткие эссе об этих путешествиях. Каждое их них было связано с одним каким-нибудь городом, художником, мыслителем, и эти эссе в конце концов сложились в книгу — «Память Италии».

Книгу я закончил в 1976 году, однако в Польше ее долго не печатали, поскольку мое имя попало в «черный список». Парадоксально, но вышла она в 1982 году, когда я уже обосновался на Западе. Дело в том, что в период Солидарности какое-то время выходили книги, ранее утвержденные к печати, и первое издание «Памяти Италии» появилось в 1982 году, в разгар военного положения, а второе — в 1997 году, в Гданьске, и я счастлив, потому что для меня это означает возвращение к воспоминаниям о Польше.

Когда я путешествовал по Италии и писал эту книгу, а также во время более поздних поездок я предпочитал идти по проторенным тропам, то есть искал тексты, которые бы рассказывали об Италии таким образом, который будет мне близок и понятен. Подобным текстом, своего рода путеводителем и введением в итальянские путешествия стала, прежде всего, прекрасная книга Павла Муратова «Образы Италии», которая на польском языке существует в конгениальном переводе Павла Герца. Это для меня один из трех лучших текстов о живописи вообще (другие два — «Старые мастера» Фромантена и «Глаз» Чапского) и об Италии в частности. Также, с моей точки зрения, повествует об Италии творчество Збигнева Херберта. Можно еще добавить, что — особенно в немецкой литературе — этот культ Италии, прежде всего, Венеции, но не только — является элементом необычайно мощным. Тут следует назвать, конечно, Гете, стихи Августа фон Платена, книги Томаса Манна, Гуго фон Гофмансталя, Рильке. Думаю, что эти фигуры сопровождают каждого европейца, а может, и не только европейца, поскольку мне случалось видеть японцев со сборником Рильке в руках.

В эпилоге «Памяти Италии» я называю две, с моей точки зрения, лучшие книги, которые могут служить предисловием к путешествиям по Италии, «Годы странствований по Италии» Фердинанда Грегоровиуса и, прежде всего, «Образы Италии» Павла Муратова. «Образы Италии» имели своих тайных поклонников. У этой книги странная история. Впервые она вышла накануне Первой мировой войны и сразу завоевала сердца многих читателей. Она привела в восторг, прежде всего, Кароля Шимановского, заразившего своим восхищением молодого Ярослава Ивашкевича. После большевистской революции, уже в период НЭПа, в 1922 году, Муратову удалось уехать за границу. В Берлине, где он остановился, вышло второе, расширенное, издание «Образов Италии».

В 1939 году молодой Павел Герц оказался на территории, занятой Красной Армией, попал в тюрьму, а затем в лагерь. Позже, уже находясь в условиях более благоприятных, на поселении в Самарканде, он в библиотеке обнаружил первое издание «Образов Италии». Этот текст, прочитанный в страшное военное время, поразил Герца. Приехав в 1945 году в Польшу, он обсудил книгу с Ярославом Ивашкевичем, который также считал ее блестящей; Павлу Герцу удалось напечатать в Варшаве полную версию «Образов Италии» в своем переводе. Это момент, когда книга Муратова была доступна только в Польше. Такой парадокс: ее не знали ни в России, поскольку автор — эмигрант, ни на Западе.

Во время нашей последней встречи с Иосифом Бродским — я не знал, что она последняя — мы говорили о повлиявших на нас великих эссеистах. Он перечислил английских авторов, затем нескольких французских; тогда я спросил о русских. Он назвал двоих: Достоевского и Герцена, а в XX веке выделил трех великих женщин: Ахматову, Цветаеву и Надежду Мандельштам. Я спросил: «А Муратов?» Бродский ответил, помолчав, словно переносясь в некое высшее художественное измерение: «А, это был гений». И больше не сказал ни слова. После этого разговора я решил написать ему: Бродский мог поспособствовать тому, чтобы эту великолепную книгу узнали не только в Польше, но и на Западе. Начал писать письмо, но, к сожалению, его уже некому было отправить. Бродский скоропостижно скончался от сердечного приступа.

Когда я читал в нью-йоркском университете сравнительный курс истории литературы, то сосредоточился на проблеме «литература и изгнание», но в какой-то момент, поскольку мы очень много говорили об эссеистах, я назвал тех великих литераторов, которые повлияли на мое формирование. Среди них были Томас Манн, Гуго фон Гофмансталь, Элиот, Оден, другие английские писатели — и был Муратов. Да, это один из самых великолепных путеводителей по Италии.

В «Памяти Италии» также описана встреча с Ивашкевичем, с творчеством Ивашкевича, ставшего для меня потрясением во время путешествия по Италии. Я осматривал Венецию, Равенну, Флоренцию, Сиену; приехал в Рим и осматривал Колизей, средневековый Рим, ренессансный, которого совсем мало, барочный, то есть почти весь город, смотрел Караваджо, которого уже давно очень ценил — и в какой-то момент отправился на протестантское кладбище. В старую его часть, закрытую и особенно красивую.

Оно отличается от итальянских кладбищ. Близ пирамиды Цестия, этого странного египетско-римского памятника прячутся в зелени словно бы расположенные амфитеатром могилы иноверцев, которых хоронили в этом месте на протяжении многих лет. Я смотрел на надгробия англичан, немцев, датчан, русских. Искал, забыв, что ее не может здесь быть, могилу Вячеслава Иванова — поэта, чьи «Римские сонеты», в особенности первый — «Вновь, арок древних верный пилигрим...» — лейтмотивом крутились у меня в голове. Вячеслав Иванов принял католичество, поэтому не мог быть похоронен на этом кладбище.

В какой-то момент на краю кладбища я, к своему изумлению, обнаружил маленький, но красивый мраморный православный крест с надписью: «Дорогой нашей нянечке», и лишь тогда вспомнил, что на этом кладбище происходит действие моего любимого рассказа Ярослава Ивашкевича, являющегося наиболее выразительным осуждением большевизма из всех, что существуют в польской литературе. Этот рассказ — «Voci di Roma» — коротенький, только дважды печатавшийся после войны и оставшийся практически незамеченным, — по-моему, самая прекрасная из новелл Ивашкевича, и место его действия — как раз эта могила. До сих пор я думал, что этот крест — плод литературного вымысла. Только у Ивашевича он деревянный, но, вероятно, позже его заменили мраморным. Я сделал фотографию креста и подарил ее Ярославу Ивашкевичу**.

Для меня этот православный крест на протестантском кладбище — одна из тех существенных нитей, которые соединяют людей из моего, польского круга культуры с Италией, и мне кажется, что каждый европеец, каждый из тех миллионов, которые на протяжении многих лет ездят в Италию, чтобы изучать ее, изучать собственную страну, но прежде всего — изучать самих себя, каждый из них нуждается в подобных нитях, ищет подобного рода личные связи. Я затем и писал «Память Италии», чтобы прочертить такие связи между нами, жителями Польши, северянами — и Италией.

В числе этих связей крест на могиле няни на протестантском кладбище является нитью едва заметной, но для меня значимой. Столь же значимая нить — письма Зигмунта Красинского, блестяще

описавшего тот драматический, памятный, необычный 1948 год в Риме, когда имели место поразительные, памятные для поляков сцены встреч матери Макрины Мечиславской и Мицкевича, когда была сделана попытка заставить папу римского благословить легион. Зигмунт Красиньский заходил в отель «Минерва», и сегодня существующий неподалеку от Пантеона, чтобы увидеться с Адамом Мицкевичем, которого одновременно обожал и боялся.

Поэты и мыслители, сосредоточившиеся вокруг Стефана Георге — особенно прекрасный немецкий историк еврейского происхождения Эрнст Канторович — в прусских погребениях Гогенштауфенов, находящихся в великолепном соборе в Палермо, видели символ объединенной Европы, как видели его и в фигуре Фридриха I, в лице короля Рожера, который позже занял в польской литературе и польской музыке столь значительное место — и у Ивашкевича, и у Шимановского, видели в этих фигурах символ иной, тайной Германии и символ того вождя, которого ждет немецкий народ. Сегодня эти слова звучат чудовищно, в то время они так не воспринимались. Эрнст Канторович, автор классической, прославленной в европейской историографии XX века, монографии о Фридрихе II, книги, ставшей своего рода манифестом для людей, собравшихся вокруг Стефана Георге, напечатанной особым шрифтом и украшенной свастикой (которая тогда еще не являлась исключительно символом нацизма), после 1933 года и на протяжении многих лет запрещал переиздавать эту биографию, так как знал, что популярные лозунги порой используются с дурными намерениями.

Сицилийский склеп короля Рожера — одно из тех необыкновенных мест, которые делают Италию настолько нам близкой. Его запечатлел в стихах и эссе Ярослав Ивашкевич, представлявший собой важнейшее для воображения и памяти связующее звено между Польшей и Италией. Другое такое значимое связующее звено в XX веке — Герлинг-Грудзиньский с его «Крыльями алтаря», а также более ранними эссе, печатавшимися в газете «Вядомосци» — пронзительным прощанием с Сорренто, описанием визита к Кроче, будущему тестю, этими образами Италии, навсегда запечатлевшимися в памяти. Из «Дневника, писавшегося ночью» можно было бы выбрать итальянские страницы, и получился бы прекрасный путеводитель по итальянскому искусству, увиденному через призму необыкновенной личности.

Макиавелли — один из патронов моей книги, один из персонажей, который появляется чаще других, поскольку связь политики и искусства, с акцентом прежде всего на политику, является тем, что в Италии обойти нельзя. Следует помнить, что Италия — страна прекраснейших достопримечательностей, прекрасных пейзажей, но также и страна болезненно и сложно формировавшейся политической жизни. Италия как государство существует, в сущности, с 1848, или даже с 1870 года. Макиавелли был человеком, который помог европейской мысли осознать эти итальянско-мировые дилеммы — точно и одновременно эмоционально. Его «Государь» или «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» написаны с той смесью отстраненности и проницательности, которая поражает и сегодня. Но Макиавелли, который меня интересует, — это не только автор, на которого были так или иначе устремлены все взгляды. После смерти Макиавелли, после публикации его произведений никто в Европе, размышляя над проблемой республики, человеческого сообщества, не мог обойти фигуру флорентийского секретаря, взирающего на нас с ехидной усмешкой. Существует письмо Макиавелли, частное письмо, обращенное к его другу, Франческо Веттори, где он описывает свою повседневную жизнь в изгнании, под Флоренцией — как он по утрам ругается с крестьянами, потом смотрит, что нового на полях, потом играет в триктрак, причем игроки спорят и бранятся так, что слышно в соседних деревнях, а потом, вечером, возвращается домой, облачается в поистине царские одежды и торжественно принимается писать. То мгновение, когда Макиавелли облачается в эти одежды, говоря метафорически, — один из ключевых моментов европейской культуры.

Я стараюсь в разных городах найти, как говорил Элиот — род объективного коррелята, то есть внешние обстоятельства тех озарений, которые оказались для меня важными, и я хотел бы, чтобы они и для других стали введением в итальянские путешествия, потому что, разумеется, эта книга претендует на то, что, будучи написанной для себя, она написана и для других — для тех, кто уже бывал в Италии, а также для тех, кто никогда там не был и хочет хотя бы мысленно совершить это важнейшее в жизни путешествие.

Разные явления оказывались для меня такими точками кристаллизации — в Венеции это были польские историки: Юзеф Шуйский или Михал Бобжиньский — те, кто размышлял над причинами падения

Венецианской республики в 1797 году. Но Венеция — это также те иностранцы, которые, очарованные, приезжали туда уже после утраты Венецией политической суверенности: это Вагнер, который там услышал мелодию, позже введенную в «Тристана» и произведшую переворот в европейской музыке; это Томас Манн, который описал в «Смерти в Венеции» свои увлечения, завороженность смертью, а также способ возрождения. Одна из героинь «Человека без свойств» Музиля там, в Венеции, теряет чувство реальности, погружается в безумие, ей кажется, что она сумеет объединить воедино позицию святого Франциска и Фридриха Ницше. Но есть и другие герои — это прекрасно представлено у Джеймса — которые в Венеции обретают свою реальность и свое прошлое. Я пишу также о Стравинском, который похоронен на кладбище на острове Сан-Микеле, где покоится также прах Дягилева.

В базилике Сан-Витале в Равенне меня очаровала мозаика. Я впервые увидел, что мозаика — не только свидетельство истории искусств, она сопоставима с величайшими в истории человечества достижениями колористики, и это можно понять только в Равенне. Там есть мозаика, изображающая императора Юстиниана и его супругу Теодору. Этих правителей описал Прокопий в «Тайной истории». В Равенне, перед мозаикой в Сан-Витале, я размышлял об этом памфлете, ставшем одним из самых крупных литературных скандалов.

Орвието знаменито не только фресками, не только средневековой архитектурой, не только чудом праздника Божьего тела, но и белым вином. Существует байка о писателе-путешественнике, который очень любил вино. Он послал вперед семинариста, чтобы тот на дверях трактиров, в которых найдет хорошее белое вино, написал «est» — «есть». Этот семинарист добрался до Орвието и там в энтузиазме начертал: «est est est» — другими словами, повторил «есть» трижды. Существует вино с таким названием, и это один из символов Орвието.

В Вероне я думал о Шекспире и о словах, что мира нет за стенами Вероны. Ромео говорит, что «изгнанье — ложное названье смерти», но прежде всего меня интересовал Пизанелло, тот художник, который полнее всего — как мне кажется — продемонстрировал синтез готики и ренессанса, показав, что художник подлинно выдающийся не замыкается в формулах даже столь широких, как готика или ренессанс.

На улицах Феррары, города совсем небольшого, меня сопровождали тени тех великих творцов, которые там жили: Тассо и Ариосто. Кто-то заметил, что из пяти творцов европейского эпоса (Гомер, Вергилий, Данте, Ариосто, Тассо) двое творило в этом городке. Каким образом маленькие итальянские городки — как, например, Урбино, — становились центрами, оказывавшими влияние на всю Европу и на нас сегодняшних, когда спустя столетия мы туда ездим и учимся?

Во Флоренции меня сопровождали тени изгнанников — Данте, Савонаролы, Макиавелли, а также большая часть семейства Медичи, а еще фрески Беноццо Гоццоли, который блестяще изложил историю города. Одновременно во Флоренции я думал о человеке, который мне, нам открыл итальянскую живопись, в особенности живопись ренессансную — о Бернарде Беренсоне как представителе школы взгляда. Бернард Беренсон происходил из ортодоксальной еврейской семьи, жившей в Литве. Совсем ребенком его привезли в Соединенные Штаты. Он закончил Гарвард и получил стипендию для поездки в Италию. Это он в четырех томах, в четырех эссеистских текстах, описывающих отдельные итальянские школы, представил и систематизировал живопись Италии. Если мы сегодня знаем или нам кажется, что мы знаем, что эту картину написал Боттичелли, а ту — Козимо Тура (речь идет о неподписанных полотнах), то у истоков этого знания всегда стоит Беренсон, человек, занимавшийся атрибуцией… хоть и ему случалось ошибаться…

Живопись является для меня важным способом ориентации в мире и познания мира. Через живопись — в большей степени, чем через литературу и через музыку — я постигаю сцены прошлого, и, думая об окружающем мире, обычно прибегаю к сравнению с той или иной картиной. Сам я не рисую, но у меня хорошая зрительная память и через живопись я вспоминаю вещи для меня важные; через живопись прошлого и живопись современную. Как многие другие люди, в разные периоды я испытывал сложности с пониманием тех или иных течений современного искусства. Так было всегда, одни явления мне более близки, другие — менее. Близки течения, связанные с изображением реальности. Это необходимое условие, то есть по самой своей природе абстрактная живопись гораздо более далека от меня, нежели живопись «изображающая».

В современной «изображающей» живописи есть несколько мастеров, встречи с которыми были для меня важны — разные, в разной степени и в разные моменты. Размышляя о том, как я учился говорить о современной живописи, не могу не упомянуть Юзефа Чапского, человека, который учил видеть живопись людей, читающих по-польски. Он обладал таким даром убеждения, ты начинал словно бы думать его мыслями и видеть его глазами. Его предпочтения, то есть Пьер Боннар, Хаим Сутин, экспрессионистская живопись, с одной стороны, а с другой — мастером, которым Чапский восхищался, но который совершенно не был близок его природе, был Сезанн… Чапский разрывался между этими двумя полюсами, но мне кажется, что этот разрыв позволил тем, кто пережил Чапского, соединить в себе эти противоречия, поняв, что это просто противоречия мировосприятия, словно два полюса темпераментов.

Захоти я перечислить в относительно современной живописи фигуры, которые отвечают моему мировосприятию, первым следовало бы назвать того, кто оказал влияние на весь XX век, хотя Юзеф Чапский был к нему крайне несправедлив — Пабло Пикассо, который прошел через все стили, разрушая их, сжигая, оставляя за собой зачастую в самом деле бесплодную землю, но сам в каждый период сумевший создать несколько или несколько десятков вечных шедевров. Другим мастером, напротив, восхищавшим Чапского, был Боннар, который в первой половине XX века находился словно бы на обочине моды, но мне кажется, что к нему возвращаются. Во второй половине XX века для меня это два художника: Фрэнсис Бэкон — великий английский художник, умерший в начале 1990-х, и Бальтюс — художник с польскими корнями; кроме того, художники, рассеянные по разным странам и разным периодам XX века, часть произведений которых меня, во всяком случае, трогает. Среди тех, кто младше меня, назову немецкого художника Райнера Феттинга.

Записали в 1997–1998 гг. Гражина Гончевская и Лидия Новицкая, расшифровка Богумилы Пшондки.

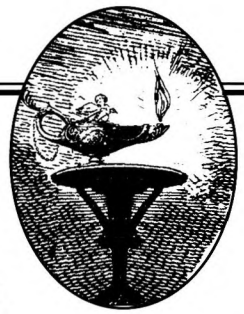
---

*Дело «татерников», т.е. польских альпинистов, обвинявшихся в связях с парижской «Культурой» и контрабанде запрещенной литературы через Татры — *Примеч. пер.*

** Сцена на протестантском кладбище в Риме, когда я искал могилу Вячеслава Иванова, хотя вскоре сообразил, что ее там нет, и нашел могилу православной няни, которую считал плодом литературного вымысла Ярослава Ивашкевича, — «чистейшая правда». Я рад, что запечатлел ее в написанной в середине семидесятых годов «Памяти Италии», потому что через три десятилетия ландшафт внезапно изменился: исчезла могила няни, появилась могила Вячеслава Иванова, а крест с надписью: «Дорогой нашей нянечке» — оказался на кладбищенской стене… А дело было так: в начале семидесятых я искал на протестантском кладбище могилу Вячеслава Иванова, и у меня в голове крутился первый из его Римских сонетов (книга из библиотеки Мириам Кьяромонте, «The Penguin Book of Russian Verse», сопровождала меня в моих странствиях по Вечному городу), я вспомнил о том, что Иванов принял католичество, а следовательно, его могилы здесь быть не может, и вместо могилы Иванова нашел крест на могиле няни из рассказа Ивашкевича «Voci di Roma».

Спустя четверть века я узнал, что могила няни ликвидирована. Снова приехав в Рим, уже в нашем столетии, в 2004 году, я, к своему изумлению, увидел рядом с тем местом, где была могила няни, могилу Вячеслава Иванова (после смерти Дмитрия Иванова, сына поэта, сюда перенесли прах автора «Римских сонетов» и останки его потомков), а крест с исчезнувшей могилы няни (в администрации мне сказали, что закончился срок договора, а прах перенесен в оссуарий) я обнаружил в лапидарии, на кладбищенской стене.

Я сообщил об этом дирекции кладбища, убеждая их, что этот крест – важный элемент исторической памяти, обсуждал это с Петром Мицнером, искал переводы «Voci di Roma» на иностранные языки. Мицнер раздобыл для меня немецкий перевод и добился, чтобы этот рассказ был переведен на русский для журнала «Новая Польша» (№1 (71), 2006). Я переслал эти материалы дирекции кладбища, которая неоднократно заверяла меня, что крест с могилы няни навсегда останется на кладбищенской стене, четвертый сверху). В этом белом мраморном кресте, прикрепленном к ржаво-рыжей стене, я вижу римский памятник Ярославу Ивашкевичу и важный след нитей, сплетающих польскую, русскую и итальянскую культуру в Вечном городе. — *Примечание автора 2018 года.*



Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» «Книга — это мощное оружие. Оружие против нетерпимости, глупости, жадности и жестокости. Броненосцы идут ко дну, истребители падают, а книга пребудет вовеки, даже если сожжена на костре. Книги — это мощное мирное оружие человечества, созданное мыслью и совместными усилиями писателей, издателей, книготорговцев, библиотекарей, читателей, при поддержке государственных институтов и гражданского общества. А большие книжные ярмарки, проходящие в странах, вкушающих мирную жизнь и охраняющих свою демократию, пробуждают надежду на возрастание силы этого оружия», — такие слова произнесла автор многих замечательных репортажных книг Малгожата Шейнерт, открывая IX Варшавскую книжную ярмарку.

» Варшавская книжная ярмарка — самое крупное международное событие для издательской отрасли в Польше — проходила в нынешнем году с 17 по 20 мая. В ней приняло участие около 800 экспонентов из 32 стран и 1000 авторов, было подготовлено 1500 мероприятий: встречи с писателями, дискуссии, конференции, мастер-классы, уроки литературы и истории, развлекательные программы для детей, присуждение литературных премий, конкурсы, выставки. Главной темой стало столетие обретения Польшей независимости. Организаторы ярмарки предусмотрели, в частности, беседы о социальных, экономических и политических явлениях в контексте годовщины (проф. Адам Даниэль Ротфельд, проф. Михал Клейбер, проф. Витольд М. Орловский), об изменениях в культуре и языке за последние сто лет (Вальдемар Домбровский, Веслав Мысливский, Кшиштоф Клосинский, проф. Кристина Скажинская, проф. Ежи Бральчик и проф. Войцех Ю. Бурша). Соответствующие знаменательной дате акценты нашли место и в программе для детей и молодежи, подготовленной, в частности, Музеем Независимости, Центром «Карта», Национальной библиотекой, Польской академией наук.

» Специальным гостем ярмарки была Франция. Состоялись многочисленные встречи с писателями, была также подготовлена богатая целевая программа, посвященная французскому комиксу. Среди приглашенных авторов присутствовал Мишель Ельчанинов — философ, журналист, автор изданной в Польше книги «Что в голове у Путина?» Новацией Ярмарки-2018 стали тематические разделы, посвященные детективной литературе и фантастике, а также поп-культуре и тематике гор. В числе гостей детективного раздела были такие, например, мастера криминального жанра и триллера, как Катажина Бонда, Ремигиуш Мруз, Войцех Хмеляж, Винцент В. Северски.

Варшавские акценты читатели могли найти у стойки «Зачитавшаяся Варшава», посвященной литературной премии Столичного города Варшавы, где преимущественно были переставлены книги лауреатов и номинантов на премию, а среди них такие авторы, как Петр Мицнер, Анна Биконт, Януш Майхерек, Томаш Мосцицкий.

» Звездой Варшавской книжной ярмарки был турецкий нобелевский лауреат Орхан Памук; приехал также Фернандо Арамбуру, автор «Родины», одного из самых значительных испанских романов последнего десятилетия, действие которого охватывает время, когда в Стране Басков лилась кровь. Журнал «Зешиты литерацке» приглашал на встречу с литовским поэтом Томасом Венцловой и его книгой «Магнетический Север. Говорит Эллен Хинси». Читатели имели также возможность получить автографы многих любимых и популярных польских писателей, таких, например, как Ольга Токарчук, Адам Загаевский, Рышард Крыницкий, Юзеф Хен, Эустахий Рыльский, Щепан Твардох, Зыта Рудзкая, Игнаций Карпович, а также знаменитых репортеров — Цезария Лазаревича, Павла Смоленского, Яцека Хуго-Бадера, Артура Домославского.

» Немецкий Институт по вопросам Польши в Дармштадте в сотрудничестве с Федераль-

ным департаментом гражданского образования в Бонне издал словарь-справочник «Polnische Spuren in Deutschland» («Польские следы в Германии»), в котором показано, каким образом мигранты из Польши влияли и влияют на политику, культуру и повседневность Германии. Помимо вполне очевидных словарных статей, как, скажем, «На заработки за границу», «Польский ремесленник», «Сезонный работник», «Польский базар в Берлине» или «Безвизовый режим с ГДР», размещены и такие, из которых можно узнать, например, почему на занавесе самого знаменитого мюнхенского театра появились гербы Польши и Литвы, а также о том, что группа «Червоне гитары» (как «Die Roten Gitarren») исполняла почти каждую свою песню на немецком языке, неоднократно попадая в хит-парады ГДР. Издание было представлено 17 мая в Институте Гете в Варшаве в рамках IX Варшавской книжной ярмарки.

» Михал Гловинский получил 25 апреля степень почетного доктора Университета Казимира Великого в Быдгоще. «Профессор Михал Гловинский — ученый мировой известности, литературовед, чье имя сегодня, несомненно, наиболее узнаваемо в среде отечественных гуманитариев и зарубежных полонистов», — сказал в своем выступлении на церемонии вручения степени проф. Войцех Томасик. «Многие годы мы пользуемся плодами его трудов, мы — научные должники господина профессора, мы черпаем из его книг и исследований. Его автобиографические «Черные сезоны», рассказывающие о травматическом опыте пребывания в гетто в Прушкове и Варшаве, а потом в укрытии у польских монахинь, — это и по сей день чрезвычайно важная книга в мировой литературе, посвященной Холокосту», подчеркнул профессор Томасик. Кроме того, Гловинский писал, в частности, о творчестве Юлиана Твувима, Болеслава Лесьмяна, исследовал особенности романа в литературе «Молодой Польши», был одним из авторов учебника по теории литературы и «Словаря литературных терминов». На польском материале наиболее полно описал явление коммунистического новояза в таких трудах, как «Новояз по-польски», «Мартовская болтовня», «Пээнэрида» (от ПНР — примеч. ред.). Среди собственно литературных трудов — «Черные сезоны», «Круги отчуждения», «Царская чашка».

» Уже в одиннадцатый раз присуждалась вроцлавская поэтическая премия «Силезиус». Торжественная церемония вручения состоялась 12 мая в музыкальном театре «Капитоль». За совокупность творчества был отмечен Богдан Задура, о замечательных достижениях которого сказал председатель жюри проф. Анджей Завада: «В течение 50 лет Богдан Задура издал 25 томиков поэзии, семь — прозы, семь сборников эссе, восемнадцать переводных книг и одну книгу бесед. Кроме того, он — главный редактор журнала «Твурчосць» и, что особо важно, мастер, учитель, наставник новых поколений поэтов с 90-х годов.

Лучшей книгой поэзии года жюри признало «Пустые ночи» Ежи Ярневича, а в категории «Дебют года» отмечена Агата Яблонская за сборник «Военный рапорт».

» Анна Биконт, автор книги «Сендлер. В подполье», стала в нынешнем году лауреатом премии им. Адама Мицкевича, одного из отличий в рамках литературной премии Познани. Председатель капитула премии проф. Петр Сливиньский отметил, что книга лауреата — произведение, «во всех отношениях выгодно выделяющееся на фоне современного репортажа и современной биографической литературы». Он подчеркнул, что книга Биконт — это групповой портрет и тех, кто нес спасение в годы оккупации, и спасенных. Добавил также, что внимания заслуживает то, каким образом автор трактует главную героиню: «Она ее, вопреки стереотипам, демифологизирует. Ирена Сендлер — это героиня лет оккупации, ее заслуги нельзя преувеличить, однако легенда их преувеличила — легенда и использование этой легенды, в том числе в политических целях. Время от времени нам нужен был национальный герой, тот, кто стал бы доказательством, что наши заслуги в спасении евреев больше, чем обычно считают. Мифологизация украла у этой истории часть правды — и автор возвращает верные пропорции. Анна Биконт устраняет кое-что из ее мифических заслуг, но в сущности не преуменьшает роль героини».

И еще один отзыв стоило бы вспомнить — в «Газете выборчей» осенью 2017 года Иоанна Токарская-Бакир писала: «Это первая книга, в которой Ирена Сендлер не сусальная мученица не от мира сего, а холерик с левыми взглядами, который не может вынести глупости и подлости, и поэтому включается в помощь евреям».

» В редакции еженедельника «Политика» 8 мая были вручены Исторические премии «Политики» за книги о новейшей истории Польши, изданные в 2017 году.

В категории «Научные и научно-популярные работы» премию получил Ежи Кохановский за «Межоктябрьскую революцию. Польша 1956–1957» (изд-во «Знак хорызонт») о том, как новый порядок пробивался на свет из сумрака сталинизма. В категории дневников и мемуаров премии удостоена Эва Вятр за публикацию одного из самых поразительных документов времен Катастрофы: «Дневника из лодзинского гетто» Ривки Липшиц — лодзинской Анны Франк (изд-во «Аустерия»). За лучший дебют премию получил Павел Брыкчиньский, историк и политолог, работающий в Мичиганском университете, за книгу «Готовы на насилие. Человекоубийство, антисемитизм и демократия в межвоенной Польше» в переводе Михала Сутовского (изд-во «Выдавництво крытыки политычнэй»). Взяв за исходную точку наиболее значимое в нашей истории политическое убийство, а именно — убийство президента Габриэля Нарутовича в помещении Общества поощрения художеств 16 декабря 1922 года, автор анализирует сложное переплетение антисемитизма, национализма и насилия в польской политике межвоенного периода.

» 24 апреля в «Театре польском» в Варшаве вручали премии «Фридерик», присуждаемые Фонографической академией. В категории джазовой музыки за совокупность творческой работы лауреатом признан ударник и вокалист Анджей Домбровский (прославился в свое время таким знаменитым хитом, как «Мне зелено», а также песней «До влюбленности один шаг»). «Золотым Фридериком» в области легкой музыки посмертно почтили, за совокупность творческих достижений, мультиинструменталиста, композитора, аранжировщика и певца Збигнева Водецкого. Всего по итогам минувшего года присуждено более десятка «Фридериков», в том числе за альбом года в попмузыке — Наталии Пшибыш (альбом «Ночной свет»); победителем в категории «Альбом года музыка корней» стала «Капелла из деревни Варшава» за альбом «Мазовецкая ре:акция». Джазменом года признан Мацей Обара, а за джазовый фонографический дебют года премию получил Куба Венцек.

» Во Вроцлаве в ходе LIV фестиваля «Джаз над Одером» прошло почти два десятка концертов с участием польских и зарубежных звезд. Выступали, например, Мариус Несет с группой из «Trondheim Jazz Orchestra», японский пианист Кэи Акаги, а также один из наиболее знаменитых трубачей американец Том Харрелл. 30 апреля — на это число пришелся Всемирный день джаза — царил польский джаз. В конкурсе «Джазовая индивидуальность 2018» победил состоящий из пяти индивидуальностей ансамбль «WeeWeezdob Collective». В первый день фестиваля организаторы получили от редакции журнала «Jazz Forum» звание лучшего джазового фестиваля, а Лешек Мозжер, арт-директор мероприятия, получил премию как лучший композитор года. «Джаз над Одером» проходит без перерывов с 1964 года.

» В Познани 11 мая открыт памятник Роману Мацеевскому, одному из крупнейших польских композиторов XX века. Бюст работы Роберта Томака установлен в центре города, в парке, носящем имя композитора. Связанный с Великопольшей, Мацеевский жил и творил главным образом в США и Швеции, писал музыку для театральных спектаклей Ингмара Бергмана. Наиболее значительным произведением композитора считается писавшийся в течение пятнадцати лет реквием «Missa pro defunctis» для четырех вокалистов-солистов, хора и оркестра (партитура весила 25 кг). Автор посвятил это произведение жертвам войн и преступлений всех времен. Премьера реквиема состоялась в 1960 году в Варшаве во время фестиваля «Варшавская осень», но произведение встретило прохладный прием. Зато сочинение оценили американцы: в 1975 году состоялось его триумфальное исполнение в «Music Center» в Лос-Анджелесе. Мацеевского заново открыли в 90-е годы XX века, он занял тогда надлежащее место в пантеоне самых значительных польских композиторов.

» Гран-при «Хайнувских дней церковной музыки» в Хайнувке, проходивших с 7 по 12 мая, завоевал хор митрополичего округа Русской православной церкви в Казахстане из Алма-Аты, имеющий в репертуаре произведения различных авторов, а также так называемые монастырские распевы, в том

числе Киево-Печерской лавры и Оптиной пустыни. В конкурсных прослушиваниях приняло участие 28 хоров из Польши и из-за рубежа — в частности, из России, Румынии, Украины, Беларуси, Кипра, Грузии. Фестиваль завершился двумя гала-концертами: первый прошел в соборе св. Троицы в Хайнувке, а второй — в Белостоке, в церкви Софии Премудрости Божией.

» В Надвисленском музее в Казимеже-Дольном можно посмотреть выставку «Большое искусство глубоко, как океан». Название — это слова Яцека Мальчевского (1854–1929), цитата из его высказывания, опубликованного в прессе в 1906 году. На выставке представлено 40 работ различных периодов творчества этого выдающегося художника, которые, что важно, находятся в частных коллекциях. Показываются, среди иных, наиболее известная картина художника — портрет его сестры Хелены, первая его символистская работа — «Сон художника», а также последний автопортрет. Некоторые произведения мастера сопоставляются с работами современных художников — Анны Шумахер, Малгожаты Гуры-Дерещовской, Францишека Маслющака, Кшиштофа Кшира Рачиньского, Ежи Кубельки, Игоря Ельпатова и Дусана Баляза. Выставка будет работать до 22 июля.

Прощания

» 30 апреля умерла Эва Дьяковская-Бербека, сценограф и художник «Театра Виткация» в Закопане, жена Мацея Бербеки — альпиниста, покорявшего Гималаи и погибшего в 2013 году на Броуд-Пик. «Эва — один из основателей «Театра Виткация», с самого начала, с 1985 года. Это она создала неповторимый графическо-пластический образ нашего театра», — вспоминал в прощальном послании директор закопанского театра. Художница проектировала театральные костюмы и занималась сценографией, рисовала, создавала оригинальные коллажи, а частым мотивом ее творчества становились горы, альпинисты, побывавшие на Гималаях. Появлялись также религиозные сюжеты. Ее работы находятся, в частности, в Закопане — в санктуарии Фатимской Богоматери на улице Кшептувки, в Татровском музее, а также в коллекциях по всему миру. Эва Дьяковская-Бербека прожила 61 год.

» 1 мая в Варшаве в возрасте 89 лет скончалась Ванда Вилкомирская — великая артистка, легенда польского скрипичного искусства, выдающийся педагог. Она концертировала на пяти континентах, выступала с премьерными исполнениями сочинений многих польских композиторов (например, Гражины Бацевич и Кшиштофа Пендерецкого). В течение 22 лет была солисткой Национальной филармонии в Варшаве. С сестрой и сводным братом составили «Трио Вилкомирских», выступавшее по всей Польше и за границей. Была первой женой Мечислава Раковского, главного редактора «Политики», а в 1988–1989 годах — премьер-министра. Ванда Вилкомирская принимала активное участие в деятельности Комитета защиты рабочих. Во время военного положения она покинула Польшу и поселилась в Германии, затем в Австралии. В Польшу окончательно возвратилась только после краха коммунистического режима; в 1990 году выступила на фестивале «Варшавская осень». В последнее время проживала в Доме артистов — ветеранов польской сцены в Сколимове.

» 7 мая 2018 года в Кракове в возрасте 78 лет умер Ежи Йогалла — актер кино, театра, режиссер. Выпускник Краковской театральной школы. Большой популярностью он пользовался в 50-е и 60-е годы, признание принесла ему роль в культовом фильме Анджея Вайды «Пепел и алмаз», в котором он снимался со Збигневом Цыбульским. Кроме этого, актер сыграл почти в двадцати фильмах; наиболее заметные роли — в «Тарпанах» Казимежа Куца, в короткометражной ленте Кшиштофа Занусси «Смерть провинциала». В частной жизни — зять Ежи Туровича, главного редактора «Тыгодника повшехного».

» 9 мая умер Мариан Бизан, историк литературы и издатель. Родившийся в 1927 году, выпускник Ягеллонского университета, он был многолетним редактором PIW — Государственного издательского института (с 1953-го по 1990-й), советником посольства и директором Польского института в Вене. Лауреат редакторской премии Пен-клуба (1979) и автор комментариев к произведениям Юлиуша Словацкого и ряда книг, среди которых «Через границу, через века. Бродницкие импрессии», «Святая Земля. Путевые записки», «Бродницкий архив». Ему было 90 лет.

Мартина Булижанская

Перевод Владимира Окуня

СТИХОТВОРЕНИЯ

земля — земля

ладонь как болотная бурая грязь, человечья. эти люди и вправду видят
— босые, отпечатками ног они задают
ритм. вращают жидкое ядро сердцевины. мохнатые ночные бабочки уселись
вокруг них на отрезах ткани. о тьма,
смотровая площадка. измени теченье реки, круши, дави
и бей тревогу, ведь, может быть, уже с е г о д н я .

набросок: сильвия вэйн

рисунок углем, где лицо — это древняя спираль сестры архимеда.
бусы жизни
и смерти блестят, накручиваясь на пальцы,
и блестят сизые лодыжки, вращаясь, как стол для уиджа*
(в тот день, когда умерла последняя мисс вэйн**).

лишь волосы, те первые, словно лесные травы, утекли соленой водой,
не медовыми сотами.

* Уиджа — доска для спиритических сеансов, с помощью которых вызывают души умерших — *Примеч. пер.*
** В стихотворении использованы мотивы из рассказа В.Набокова «Сестры Вейн» — *Примеч. пер.*

zvezda

крайтрон востока ионизирует по ночам: газовая лампа и водочный перегар
выпадают из повседневной рутины, ведь

ты сдвигаешь ладони, подобно холодным катодам
(делаешь это лишь для увеличения тока)

быстро хватаешь дуговой ключ
(делаешь это лишь для увеличения тока)

раз такая шустрая, побалуйся вакуумно
(делаешь это лишь для увеличения тока)

никогда не взрываешься, ведь ты не звезда и
(делаешь это лишь)

женщину, которую я не знаю, зовут юстиной

здесь свет никогда не гаснет, вокзал в торуне
и тело, не готовое к холоду. прячу в карманах
пальцы (ни один из нас не сумел заснуть
в ту ночь), врубаюсь и пробиваю тоннель, юстина,
помнишь последние кадры, ряд налитых кровью пятен, влажных
волос на висках
и тот день, когда мы рисовали кружочки на мягком подбрюшье мертвой кошки,
и каждый день после, в котором у тебя нет себя.

моя россия

ладони ложатся гибко, будто лани, подстреленные
без шума; укажу тебе созвездие,
тонкую диафрагму моего живота, только дай, дай
приказ
сгинь.

моя россия II

у этого острова один край; тот конец,
где я хожу, вытаптывая яму в земле,
которая задушит огонь, а он никогда не спит,

бодрствует, хоть я и знаю, что он посмел бы заснуть*.

* Иосиф Сталин якобы говорил, что не существует человека, который посмел бы заснуть при нем — *Примеч. автора.*

ты какой-то грустный венгр

бела лугоши умер. булава в кармане солдата маринеро взорвалась.
дети играют в блошки.
мертвое море выходит из берегов. мантия повисает. из-за двери подглядывает
любопытный еврейчик. бела лугоши умер.

***
по другую сторону от ultima thule, полночный проспект, способный отражать свет.

вероника

горбатый мостик, который хорошо видно лишь с одной стороны;
ты стоишь там, в эти волосы хочется
вплетать пальцы рук и не отпускать — а я отпускаю. мои стенания
ширятся, как древнее лоно, вместе
с горьким привкусом во рту; там ты живешь со мной. тебе
снова семь лет, в эти волосы хочется
вплетать пальцы рук и не отпускать — я не отпускаю. мой рай
ширится по самый край,

о девочка из воды и крови.

логическая задача: tribute to balthus*

юденрат. кошачий король приближался.
в то же самое время другой, с раскосыми по-кошачьи глазами, ждал.
кошачий король убегал.
раскосые кошачьи глаза следили за крысой (или
еврейский крысиный король, сжимая в руках буханку хлеба, падал на мостовую,
расстрелянный напополам
убийцей кошачьего короля, крысой карлом-гюнтером**?)

*Бальтюс (Balthus) — французский художник, автор картины «Кошачий король» — *Примеч. пер.*
** Карл Гюнтер — эсэсовский офицер, застреливший польского писателя и художника Бруно Шульца — *Примеч. пер.*

кошка ивана бекетова

вот ваша эпоха диско: в другом месте ты на мгновение становишься
младенцем
и суешь в рот пальцы чужих рук, чтобы не чувствовать.
ощущать вкус. невидимое прежде полушарие становится заметным,
и изо рта течет
не только слизь. они всё спрашивают: почему ты не задумываешься, существует ли
трансценденция
эсхатологическая сфера
русская душа?
распластавшись у края кровати, как кошка ивана бекетова (она познала
тленность бытия сущего),
расстегиваешь их брюки
и ищешь закуску, селедку*.

детство; иволга

первой появилась теплая иволга, в кроне срубленного дерева,
с глухим падением.
в снег. я закрыла ее; что она *красиво поет* и *является одной из*
самых ярких птиц
этой серой страны,
неба. теперь я знаю, что она питается ягодами тутовника и в силах остановиться на грани
перемен,
съев поросшую мхом гусеницу. что она не высовывается, даже если
поселилась в еще живых,
склонившихся кронах деревьев. и что ее пение я услышу
с последнего этажа в последний момент.

rys. Paulina Zielona

* Стихотворение появилось после встречи в Риге с казахским писателем Ануаром Дуйсенбиновым. Отсылаю к тексту этого автора «Мозаика повседневности» — *Примеч. автора.*

Лешек Шаруга

ГЛОБАЛЬНАЯ ЛОКАЛЬНОСТЬ

Название книги Мартины Булижанской (р. 1994), отмеченной престижной премией «Силезиус» за дебют в 2014 году, можно прочитать двояко: «моя это земля» относится как к родной земле, которую можно локализовать в Куявах*, так и к планете — это второе прочтение подтверждается частотой отсылок к глобальным явлениям — и в историческом их измерении, как вьетнамская война (стихотворение «Ханой, шестидесятые I»), и в современном. Впрочем, эта поэзия поглощает историю, питается ею, но, вместе с тем, кажется, отменяет ее, сводя к быстро сменяющимся эпизодам: поэтесса выхватывает кадры, «картинки из страны и мира», как бы это назвали на языке СМИ. Иногда она демонстрирует почвенность, чаще обращается к экзотике, как в стихотворении «tokio drift»:

одна японка и один японец перекусили нитку бус,
и она их оплодотворила;
из их дыханий родилась неоновая полоса,
которая втягивает девушек, сверкающих
серебром
потом
мультивселенной востока и запада

Для большинства читателей разгадывание подобных шифров — а их немало в этих стихах — может стать вызовом, заставляющим кропотливо расшифровывать значения сотворенных образов. Но, может быть, достаточно сосредоточиться на их оригинальности и убедительности? Ведь, возможно, что-то означает и просто любовь к украшениям? Может быть, стоит соотнести нитку бус из процитированного стихотворения с бусами, появляющимися в другом, озаглавленном «набросок: сильвия вэйн»: «рисунок углем, где лицо — это древняя спираль сестры архимеда. бусы жизни// и смерти блестят, накручиваясь на пальцы»? Но здесь опять открытые вопросы: была ли у Архимеда сестра? чем ее спираль отличается от спирали брата? (спираль Архимеда наиболее просто отображена в бороздке на музыкальных дисках) и можно ли ассоциировать ее с внутриматочной вставкой, также называемой противозачаточной спиралью? Кто такая Сильвия Вэйн, и имеет ли она что-то общее с мисс Вэйн из «Портрета Дориана Грея» Оскара Уайльда?

Читатель может поставить здесь больше таких вопросов. Открытым остается и вопрос об эрудиции автора: эффект ли это накопленных знаний, или способность складывать мозаику из их кусочков? Так или иначе, Булижанская — оригинальная и интригующая поэтесса, что доказывает недавно изданный новый ее сборник, озаглавленный «провидческая» (2017).

* Куявы — историческая область на севере Польши, часть Куявско-Поморского воеводства — *Примеч. пер.*

Марек Заганьчик

Перевод Ирины Адельгейм

ЖЕНДЗИНЫ

Путешествия с экскурсоводом (2)

Снега было больше, чем обычно в это время года. Крупные белые хлопья опускались медленно и долго не хотели коснуться земли. Высоко наверху я мог рассмотреть их форму. Они на мгновение повисали в воздухе, а потом скользили отвесно вниз, не колеблемые ветром, друг подле друга. Лед на озере, деревянные мостки с прогнившими досками, кусты и деревья выцветали, их четкие контуры размывались, словно кто-то стирал ластиком очертания предметов, а потом заливал все густой белой краской. Каменные вазоны у лестницы главного входа наполнялись снегом. Мне показалось, будто в отсутствие хозяев я вхожу в просторную гостиную, откуда уже убрана большая часть мебели, а оставшаяся тщательно прикрыта белой скатертью. И только великолепные кованые ворота казались прежними, гостеприимно открытые для тех, кто направил сюда свои стопы.

Я ехал дальше, в место, обозначенное на карте черной точкой, маленькой, точно булавочная головка. Я знал, что не найду сада, заросших виноградом стен старых хозяйственных построек, парковых дорожек под сенью вязов, не сложу из развалин, изуродованных временем и людьми, той картины, которую запечатлела в своих книгах Элизабет фон Арним. Наперекор истории Жендзины — это не прежний Нассенхайд. И все же что-то заставляло меня двигаться в том направлении. И я чувствовал, что хоть мгновение должен постоять здесь, на границе стран, между Германией и Польшей, на границе времен, между былым и сохранившимся.

В книге щецинских историков я прочитал о судьбе этого имения, радуясь, что их рассказ открывается цитатой итальянского путешественника Джакомо Фантуцци, чей дневник странствий по разрушенной Европе XVII века напомнил мне записи Ежи Стемповского. Я узнавал биографии прежних владельцев, сменявшихся часто, словно странички настенного календаря. Иные из них поражали мое воображение, как, например, Вильгельм Генрих Карл фон Лепель, страстный путешественник, коллекционировавший пейзажи, скульптуру, гипсовые слепки и минералы — это он первым основал здесь ландшафтный парк, «по английской моде, с сетью извилистых аллей, с многочисленными полянами, беседками и памятными досками». В Нассенхайде в 1825 году он написал и издал свою книгу о живописи Рафаэля. Жендзины упоминает также Гете, чей сын владел здешней усадьбой. Но самая интересная для меня история, та, ради которой я двинулся в направлении Щецина, начинается позже, в 1872 году. В это время Нассенхайд покупает граф Гарри фон Арним, соперник Бисмарка, и передает сыну Хеннингу. После трагической смерти жены и ребенка Хеннинг фон Арним отправляется в путешествие по Италии. В Риме он знакомится с Мэри-Аннетт Бошан, дочерью английского промышленника из Австралии. Начинается страстный роман, отмеченный совместными путешествиями в Швейцарию и Германию. Будущая графиня фон Арним старательно учит немецкий и охотно играет на фортепиано произведения Баха. После свадьбы в Лондоне и короткой поездки во Францию супруги фон Арним едут в Берлин. Отсюда в 1896 г. они переезжают в Нассенхайд. Графиня изменит облик этого места и прославит его. В Жендзинах она создаст один из прекраснейших садов северной Европы. И великолепно опишет его в изданной спустя два года книге «Элизабет и ее немецкий сад». Этот текст, который и по сей день читается с интересом, — одна из прекраснейших книг о садах, о покое и умиротворении, какие они дарят человеку, о жизни в согласии с порядком природы, среди тщательно подобранных деревьев, пения птиц и сияния летнего солнца. Читая ее, я думаю о «Садах» Ивашкевича, о разрушенном Бышеве и опустевшем ныне Стависко, о деревьях, переживающих человека. «Когда-то поэты видели не только одно дерево, — писал Ивашкевич. — Они видели скопища деревьев, которым ничто не угрожало, видели леса, видели сады. Может, садов вскоре уже не будет. [...] А сейчас я больше всего люблю

выходить на прогулку в сад осенью. Дождь ли сечет, ветер ли, светят ли звезды, как в октябре, если небо чистое, — и тогда всем существом своим чувствуешь одиночество, пустоту, неумолимый уход всего, что окружает тебя. И всего, что есть ты».

Сады Ивашкевича и Жендзины графини фон Арним — место размышлений над временем, которое течет и безжалостно отнимает все прекрасное, хотя оно должно жить вечно. В обеих книгах поражает нежность к миру, его разнообразию, красоте пейзажа, умело формируемого человеческой рукой. Я ищу сады, которые мне близки, и верю, что уж из моей памяти они никогда не исчезнут.

В марте 1995 года в Нассенхайд прибыл Эдвард Морган Форстер. В Англии он ощущал усталость, отсутствие энергии, искал новых занятий и делал наброски первых романов. Форстер нуждался в путешествии, смене обстановки. Он с радостью принял предложенное графиней фон Арним место учителя английского языка. Форстер был образованным и дисциплинированным юношей. Он рассчитывал на несколько приятных месяцев вдали от дома. Графиня была женщиной блестящего ума, легко становилась центром внимания. Она умела интересно рассуждать о музыке и литературе, но могла также проявить ехидство и жестокость. Элизабет искала людей, чей талант или положение в обществе могли бы ей пригодиться. Графиня шагала по жизни изящно, соединяя духовность с жизненной смекалкой.

По дороге в Нассенхайд Форстер остановился в Берлине. Столица Германии показалась ему отталкивающей, грязной и некрасивой. Лишь музеи влекли его к себе. Он подолгу пропадал в галереях, вглядываясь в любимые произведения итальянских мастеров и сокрушаясь, что они так контрастируют с окружающей реальностью.

До Жендзин Форстер добирался с приключениями. На станции его никто не встретил. Он не знал, куда идти. Шагал через поля и лишь в сумерках оказался в имении. Его восхитили место, тишина сада, плавно переходящего в парк, близость лесов и озера. Форстер любил далекие прогулки и охотно отправлялся в окрестности Жендзин. Чаще всего его спутником становился учитель немецкого, Штайнвег. Сохранилась их общая фотография на фоне огромного каштана. Они напоминают персонажей фильмов Джеймса Айвори.

Графиня фон Арним требовала, чтобы Форстер был строг с тремя ее дочерьми, придумывал темы сочинений и сурово оценивал представленные работы. Форстер старательно выполнял поставленные перед ним задачи и при первой возможности углублялся в парк, чтобы поразмышлять или писать. Перед Пасхой он ненадолго уехал в Штеттин. Один из героев «Говардс Энд», рассказывая о концерте и музыке Элгара, упоминает этот город.

Форстер не вызывал у домочадцев особого интереса до тех пор, пока в Нассенхайд не доставили экземпляр «Индепендент ревью» с его эссе о Джероламо Кардано. Это произвело на графиню впечатление: она и не думала, что учителем у нее служит писатель. Теперь она пожелала заняться совместным творчеством. Форстер решительно отказался. Он предпочитал играть в теннис, хотя хорошим игроком никогда не был. Однако охотно беседовал о литературе. Читал вслух романы Джейн Остин. У графини было чутье на хорошие книги. Она дала Форстеру почитать «Едгин» Сэмюэла Батлера, книгу, которой он восхищался до конца своих дней, воспринимая ее почти как собственное произведение. Это запись воображаемого, никогда не имевшего место путешествия, хотя в нем безусловно можно обнаружить следы скитаний автора по бездорожью Новой Зеландии. Но гораздо важнее был для Форстера сатирический аспект текста. Описание сказочной страны, свободной от каких бы то ни было механических предметов, с тайной полицией, завладевшей душами и умами жителей, страны, из которой, несмотря на все первоначальные искушения, лучше всего улететь подальше — на воздушном шаре, как это сделал герой книги Хиггс. Эта, лишь слегка завуалированная, критика викторианской Англии, протест против ее правил и предрассудков, предубеждений и навязанного волей большинства морального шантажа, вероятно, подействовала на Форстера с необычайной силой. Он хотел, чтобы и его романы взламывали общественные табу, будили страсти. За примером он обращался к художникам-бунтарям, свободным личностям, умеющим сопротивляться диктату государства и семьи.

Графиня фон Арним знала, что Форстер, подобно ее кузине Кэтрин Мэнсфилд, слишком независим, чтобы она могла руководить его судьбой. Однако она обрела в нем союзника в спорах с миром, опору

в одиночестве. Он стал ее добрым духом, советчиком. И одновременно мимолетным пришельцем из далеких краев. Не все учителя в Жендзинах могли рассчитывать на подобное благоволение. Даже Хью Уолпол который прибыл в Нассенхайд вскоре после Форстера, часто становился предметом колкостей и острот.

Форстер, лучший и любимейший учитель в Нассенхайде, покинул имение на Поморье в июле. Он вернулся в Англию, где в октябре вышел его первый роман «Куда боятся ступить ангелы». Патроном своего произведения он сделал Александра Поупа. Это из его стихотворения «Опыт о критике» Форстер почерпнул название, показывая, что всерьез относится к словам поэта XVIII в. Строки «У алтаря найдут и даже тут / Своею болтовней вас изведут. / Всегда туда кидается дурак, / Где ангел не решится сделать шаг»* станут для него вызовом в творчестве и в жизни.

Однако мы не найдем в дебютном романе Форстера северных лугов и лесов, вместо них высятся гордые башни Сан-Джиминьяно. Графиня фон Арним развелась с мужем и уехала в Лондон. Она продолжала писать, главным образом, любовные романы и воспоминания. Умерла в 1941 году. Еще при ее жизни имение Жендзины было разделено. На тот момент его площадь насчитывала больше тысячи гектаров. Но красоту Нассенхайда невозможно описать при помощи цифр. Как трудно представить себе Форстера, прогуливающегося по окрестным полям. Трудно поверить, что по дороге в Индию, между Италией и Александрией, он провел здесь несколько месяцев.

Сегодня в Жендзинах остались лишь деревья. Я записываю их названия: вишня птичья, клен явор, вяз горный, ясень обыкновенный, дуб красный. Есть и более обычные: грабы, пихты, ели, буки и тис. Я не умею распознать их все, но меня радует это разнообразие. Рядом ничего нет, только руины построек фольварка и остатки фундамента, старый винокуренный заводик и дорога, ведущая в никуда. И печаль, которую усиливает дождь, он все идет и идет, когда я вхожу в парк. Зимой здесь нет даже птиц. Люди тоже куда-то пропали и лишь корзинка с лимонами, стоящая на окне, словно натюрморт, позволяет догадываться, что они, тем не менее, где-то существуют. Абсолютная тишина. Я знаю, что никто и ничто ее не заполнит. Ни одного более яркого цвета, только размытая водой серость. Наверное, летом здесь гораздо красивее. Листья прикроют старые шрамы, птицы наполнят тишину радостными трелями. Но сад никто не возродит. Он останется в памяти читателей, словно уханье сов, запечатленное на первой странице книги Элизабет фон Арним.

* Пер. А.Субботина.

Адриан Турецкий

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ МУЗЫКИ

Bester Quartet

В последние годы на польской музыкальной сцене наблюдается ренессанс еврейской музыки. Возрождение началось в середине 90-х годов XX века. Ранее, в ПНР, богатый довоенный репертуар спросом не пользовался. Первым широко известным ансамблем, обратившимся к еврейской музыкальной традиции, был «Kroke», созданный в 1992 году в Кракове (знакомство со Стивеном Спилбергом дало этому трио возможность выступить с концертом в Иерусалиме на церемонии «Survivors Reunion»[1], а также по случаю польской премьеры «Списка Шиндлера»), который исполнял клезмерскую музыку и джаз, вдохновленный музыкой Балкан и Востока. До массовой публики еврейские мелодии донесла Юстына Стечковская своим поп-музыкальным диском «Alkimja» (подзаголовок: «традиционная сефардская и ашкеназская музыка») с аранжировками Матеуша Поспешальского, выпущенным в 2002 году.

Инициатором направления новой еврейской музыки (смысл его в том, чтобы вновь включить еврейскую музыку в польскую культуру) стал гитарист Рафаэль Рогинский. В рамках этого направления он вместе с группой «Cukunft» записывал композиции довоенных еврейских композиторов и поэтов: Мордехая Гебиртига, Ицика Мангера и других. Затем в составе трио «Shofar»[2] вместе с Миколаем Тшаской и Мачеем Моретти, сочетая хасидскую музыку и фри-джаз, они играли довоенные религиоз-

[1]«Воссоединение выживших» (англ.) — встреча оставшихся в живых евреев из списка Оскара Шиндлера, организованная в Иерусалиме кинорежиссером С. Спилбергом — *Примеч. пер.*

[2] Шофар — еврейский ритуальный духовой музыкальный инструмент, сделанный из рога животного — *Примеч. пер.*

ные песни (нигуны и фрейкасы), записанные русским музыковедом еврейского происхождения Моше Береговским. Затем Тшаска основал квартет «Ircha» (вместе с кларнетистами Павлом Шамбурским, Вацлавом Цимпелем и Михалом Горчинским).

В 2009 году в Варшаве впервые состоялся фестиваль «Новая еврейская музыка». Именно на нем братья Бартломей и Михал Олеси с Йоргосом Сколиасом (польским греком) представили удивительный материал «Sefradix» — сефардскую музыку из Салоник. Помимо этого, стоит обратить внимание на «Jidiszland» Каролины Чихой, а также на две пластинки Оли Билинской, записанные на языке идиш — «Libelid» с песнями о любви и «Berjozkele» с колыбельными. В свою очередь, созданный в 1997 году «Cracow Klezmer Band», игравший с 2006 года под названием «Bester Quartet» — это джазово-авангардное лицо еврейской музыки в Польше.

Ярослав Бестер — виртуоз-аккордеонист — до создания ансамбля исполнял современную серьезную музыку и Баха. В возрождавшейся еврейской атмосфере краковского района Казимеж артист вместе с коллегами получил предложение аккомпанировать вокалистке в пабе. Этот проект долго не просуществовал, а следующий был связан с исполнением авторской песни вместе с певицей кабаре «Подвал под баранами» Беатой Чарнецкой. И эта инициатива быстро воплотилась в жизнь. Группа успела показаться на фестивале Польского радио «Новая традиция» и в 2000 году, как квартет музыкантов с классическим образованием, в составе: Ярек Бестер — аккордеон, Ярослав Тырала — скрипка, Олег Дыяк — аккордеон и Войцех Фронт — контрабас, записала свой дебютный альбом «De Profundis».

Для отечественных критиков большим сюрпризом стало то, что дебютную пластинку неизвестной тогда группы выпустил нью-йоркский «Tzadik», легендарный лейбл Джона Зорна — в серии «Radical Jewish Culture»[3]. В издательских информационных материалах группа была охарактеризована как креативная в своем подходе к клезмерской музыке, виртуозная, с влиянием *tango nuevo*[4] Астора Пьяццолы. Автором всех композиций, кроме традиционных сербской «Ajde Jano» и еврейской «Sher», является Ярослав Бестер. «De Profundis» — клезмерский по духу, с этническими балканско-цыганскими влияниями, звучит, как образец захватывающей и продуманной импровизации превосходных, знающих свои возможности музыкантов.

Второй диск квартета — «The Warriors» — выпущенный в 2001 году, снова фирмой «Tzadik», закрепил выбор художественного направления группы. Альбом вырастает, прежде всего, из стремления к развитию композиции, требования к музыкантам непрестанно совершенствовать свою игру, несмотря на достигнутую ими виртуозность, постоянного повышения исполнительской планки. Это ценности, позволяющие вписать ансамбль в идею «Radical Jewish Culture». На диске, с одной стороны, можно уловить влияние легендарного Джона Зорна, с другой, дает о себе знать врожденное стремление Ярослава Бестера к самосовершенствованию.

Стилистический отход от клезмерской музыки лидер группы прокомментировал так: «Я сориентировался, что, играя клезмерскую музыку, являюсь не слишком хорошо отшлифованным камнем, исполнителем, который на ощупь блуждает в этой традиции — очень искренне, но кому было учить меня этому? Кому было рассказать мне об этом? Мне пришлось учиться методом проб и ошибок. Я спросил себя: как бы выглядела клезмерская музыка, не будь Катастрофы? Еврейская музыка продолжалась бы, но в какой форме? Мне хотелось создать что-то по примеру *tango nuevo* Астора Пьяццолы. Что-то новое, но прокладывающее мостик между стариной и нашим временем». «The Warriors» — это уход от легкости в сторону определения стиля, путь к исполнению собственной еврейской музыки, рожденной из личного художественного ви́дения, зрелой в своей самобытности. Отпечаток классической музыки сочетается здесь с джазовым и авангардным стилями, а также такими элементами современной камералистики как, например, импровизации.

В 2003 году «Tzadik» выпустил диск «Bereshit», посвященный ребе Нахману из Брацлава[5]. Альбом стал данью уважения и благодарности, которые Ярослав Бестер питал к ребе и его учению. Группа, двигаясь по пути, проторенному «Воинами», по-прежнему больше известна за пределами Польши,

[3]«Радикальная еврейская культура» (англ.) — *Примеч. пер.*

[4] Новое танго (исп.) — *Примеч. пер.*

[5] Нахман из Брацлава (1772–1810) — основатель одной из ветвей хасидизма — *Примеч. пер.*

чем у себя на Висле. Название означает «В начале» и относится к первым словам Книги Бытия. Заглавная композиция представляет собой музыкальную картину сотворения мира. В качестве гостя в записи диска участвовала вокалистка Гражина Аугущик.

Две следующие пластинки: «Sanatorium under the sign of the Hourglass» (2005) и «Balan: Book of Angels vol. 5» (2006), содержат произведения, написанные Джоном Зорном, к которым Бестер сделал аранжировки. Первая своим названием отсылает к прозе Бруно Шульца, одного из крупнейших еврейских писателей Польши. В то же время, это не диск, иллюстрирующий литературу посредством музыки. Ассоциация основана на схожести нарратива, на славянском духе этих записей, музыкальной передаче литературных фраз. В проекте в очередной раз приняла участие Гражина Аугущик. Древнееврейские названия произведений, по примеру композиций Джона Зорна из циклов Масады[6], отсылают к Библии и каббале.

Вторая — это композиции из серии «Книги ангелов». «Masada Songbook Two — The Book of Angels» — второй сборник композиций Зорна, вышедший в 2004 году. Он содержит 316 композиций, постепенно записанных разными исполнителями. Балан — это демон, падший ангел, князь преисподней. Названия композиций — имена других демонов. В момент ее записи пластинка оказалась наиболее радикальным музыкальным предприятием «Cracow Klezmer Band», проектом величайшего эмоционального заряда. В композиции «Suria» голосом демона говорит Йоргос Сколиас, применяя для этого технику горлового пения. Помимо этого, в записях приняли участие «Cracow String Quartet» и Иренеуш Соха, отвечавший за звуки, препарированные с помощью компьютера. Благодаря ему появился первый не полностью акустический диск ансамбля.

Последним альбомом перед сменой названия на «Bester Quartet» стала запись концерта из Студии Польского радио им. Витольда Лютославского. «Remembrance» (2007) — ретроспективный диск, идеально передающий стиль группы, который эволюционировал от клезмерской музыки до вполне самостоятельного стиля.

Под названием «Bester Quartet» ансамбль выпустил три альбома. Первый из них — «Metamorphoses», записанный в 2012 году в измененном составе, с Миколаем Поспешальским вместо Войцеха Фронта на контрабасе и с участием трубача Томаша Зентека. В 2013 году параллельно вышло два последних альбома: концертный «Krakoff» и премьерный «The Golden Land». Материал создавался по заказу Мирона Зайферта[7] для III варшавского Фестиваля «Новая еврейская музыка» и был исполнен на нем 22 апреля 2012 года. Первоначально он носил название «Проект Гебиртиг», поскольку ансамбль аранжировал произведения Мордехая Гебиртига, прозванного «Бардом Галиции», довоенного столяра и автора популярных песен на идиш, жившего в краковском Казимеже.

Музыкальный путь, который преодолел Ярослав Бестер вместе со своими коллегами, стал прекрасным примером успеха, основанного на упорном труде и правильно устремленных амбициях. Внутренний императив создания авторской музыки (для которой еврейская музыка составляет исходную точку, а стили исполнения — резервуары, из которых можно черпать, приспосабливая приемы и звучание к собственным потребностям) позволил группе «Bester Quartet» стать лицом одного из важнейших современных музыкальных лейблов, в портфолио которого имеются пластинки величайших личностей нынешнего музыкального искусства.

[6] Масада — древняя крепость у юго-западного побережья Мертвого моря, прославившаяся героическим сопротивлением римским легионам во время Иудейской войны — *Примеч. пер.*

[7] Мирон Зайферт — польский музыкальный журналист, художественный руководитель фестиваля «Новая еврейская музыка» — *Примеч. пер.*

Анна Яворская

СТЫДНО

75 лет тому назад, 19 апреля 1943 года вспыхнуло восстание в варшавском гетто. Мятеж подпольных еврейских вооруженных формирований был первым из нескольких, произошедших в гетто на территории Польши, а также первым в Европе, оккупированной гитлеровским Рейхом. Причиной восстания стало распоряжение о ликвидации варшавского гетто в рамках воплощавшегося гитлеровцами в жизнь плана истребления европейских евреев. Восстание продолжалось до 16 мая 1943 года, когда Юрген Штрооп* приказал взорвать Большую синагогу на ул. Тломацке, описав затем это в своем рапорте: «Бывший еврейский жилой район перестал существовать!». Несмотря на то, что единичные боевые действия прекратились лишь в июне 1943 года, немцы сразу же после рапорта Штроопа объявили о подавлении восстания. Повстанцы, а также гражданское население, были вывезены в концлагеря в Треблинке, Майданеке, Будзыне, Дорогуче, Понятове и Травниках либо убиты на месте.

Кварталы еврейского района постепенно сожгли и сровняли с землей. До 1944 года на его территории прятались последние гражданские обитатели гетто, хотя в период пика, до марта 1941 года, их было там около 460 тысяч — то есть 146 тысяч человек на 1 кв. км.

События того времени навсегда наложили на Варшаву особый отпечаток. Восстание в варшавском гетто признано еврейским народом одним из важнейших исторических событий. Поляки помнят об этих кровавых и жестоких событиях, а 19 апреля ежегодно отмечается годовщина восстания. Культивируя память о повстанцах, помня о их смелости и желании отомстить немцам, невзирая на то, что у них не было надежды на победу, следует иметь в виду уважение не только к погибшим, убитым и умершим, но и к их семьям, друзьям или потомкам. Обстоятельства недавних торжеств, посвященных годовщине восстания, вызывают немало вопросов и заставляют задуматься о том, что будет дальше.

В прошлые годы важнейшим моментом торжеств была церемония у памятника Героям гетто в варшавском районе Муранув. Канцелярия Президента РП организовала ее также в этом году. Но то, как проводилась эта церемония, вызвало эмоции у множества людей, и не только у тех, кто был лично связан с восстанием. Памятник Героям гетто был огорожен барьерами, за которые могли зайти только лица, имевшие приглашения, предварительно пройдя через рамки металлоискателя.

Паула Савицкая из общества «Открытая Речь Посполитая», подруга одного из руководителей восстания в гетто Марека Эдельмана, в беседе с порталом wyborcza.pl сказала: «Я тоже получила приглашение, но я им не воспользуюсь. Считаю оскорбительным то, что нельзя свободно подойти к памятнику».

Хотя многие годы вокруг памятника не было никаких ограждений, в течение двух лет они являются неизменным элементом мероприятия, в котором принимает участие президент Анджей Дуда. Усиление, а также расширение охраны вокруг монумента в этом году, в частности, из-за проходившего позже концерта, вызвало огромное волнение, многим людям пришлось смириться с затрудненным доступом к памятному месту. Традиционный марш, который когда-то вместе с друзьями организовывал Марек Эдельман (шествие начиналось на территории бывшего Умшлагплаца, места, откуда было вывезено более 300 тысяч варшавских евреев и заканчивалось у плиты, посвященной Шмулю Зигельбойму** и у холма, насыпанного над бункером штаба Еврейской боевой организации), пришлось перенести на более позднее время. Марш этого года получил название Независимых торжеств в честь годовщины Восстания в варшавском гетто. В фейсбуке Коллективом «Сирена»*** было создано одноименное событие, в котором можно прочитать обращение: «Мы соберемся, потому что помним. Помним о тех, кто сражался.

* Юрген Штрооп — группенфюрер СС, один из руководителей подавления восстания в Варшавском гетто. Повешен по приговору суда в Варшаве 6 марта 1952 года — *Примеч. пер.*

** Шмуль Зигельбойм (1895–1943) — еврейский политик, покончивший с собой в знак протеста против бездействия западных союзников во время восстания в варшавском гетто — *Примеч. пер.*

*** Коллектив «Сирена» — анархистская коммуна и общественное объединение в Варшаве — *Примеч. пер.*

Помним о тех, кто погиб. Помним тех, кто поддерживал память об этом: Марек Эдельман, Яцек Куронь, Лехослав Гозьдик, Мирослав Савицкий, Ноэми Корсан, Зося Куратовская, Анка Ковальская, Хавка Рабан и многие другие. Мы не хотим принимать участия в президентской церемонии, присвоенной политиками, которые в этом году отгораживаются барьерами и проверкой удостоверения личности, в церемонии, переполненной пустым, националистическим торжеством, с представителями правительства, премьеру которого ничего не стоит второй рукой зажечь свечу для гитлеровских коллаборационистов из НВС****. Мы верим, что память должна быть общим благом, а не инструментом власти». Под обращением вместе с упомянутыми выше организаторами подписались такие организации как «Антифашистская Варшава», «Открытая Речь Посполитая», Кампания «Красная и черно-красная история», «Студенческий антифашистский комитет», «Станция Муранув» и Поликультурный гуманитарный лицей им. Яцека Куроня.

Как на эти события реагируют варшавяне? В большинстве своем они возмущены и одновременно огорчены ситуациями, возникающими в последнее время на торжествах, посвященных годовщине. «Меня не интересует, кто из какого политического лагеря, если ему грустно, и он хочет погрузиться в раздумья у памятника — это его право. Мне кажется, что сейчас идет захват контроля над самыми разными государственными церемониями и годовщинами, которые не менее важны для каждого поляка, — говорит в беседе со мной Матеуш — варшавянин, деды которого сражались в варшавском восстании. — А скандал уже в том, что в этот день не могут спокойно находиться в этом месте друзья Эдельмана, которым, на самом деле, есть что вспомнить. Так не должно быть, чтобы пожилые люди, принимающие участие в марше, уже не могли традиционно пройти хорошо известным им маршрутом, так, как это было принято с самого начала». В свою очередь, в интернете хватает резких комментариев поляков, которые без колебаний пишут то, что они думают по этому поводу: «Браво, молодежь! Никакой конъюнктурщины. Хорошо, что вы напоминаете правительству, что Варшава наша, а историческая память — это собственность всех поляков, всех жителей Варшавы. Хватит политиканства!» — довольно мягко пишет один из пользователей интернета, другие более радикальны.

Волнение среди граждан, а также у публичных фигур, вызвала и позиция мазовецкого воеводы Здзислава Сиперы, который отказался включить в Варшаве сирены в честь повстанцев. С инициативой включить сирены в 75-ю годовщину восстания обратился к воеводе журналист Майк Урбаняк, которому хотелось почтить память бойцов так, как это принято в случае годовщины начала варшавского восстания. Однако никто не ожидал отказа Сиперы. Урбаняк в беседе с порталом onet.pl сказал: «Я шокирован. Не только отказом (…), но и курьезным обоснованием воеводы. Воевода пишет, что сирены не включают, поскольку они существуют для того, чтобы предупреждать об опасности. Но их включают 1 августа. Почему? Из ответа следует, что случайно. Тогда как раз проверяют, работает ли система».

В Варшаве имеются две соединенные между собой системы, которые действуют параллельно. Первая из них, за которую отвечает воевода, большая, она насчитывает почти двести сирен, вторая поменьше и подчиняется городу. В разговоре с сервисом polsatnews.pl пресс-секретарь администрации Варшавы Бартош Мильчарчик сказал: «Вне зависимости от решения мазовецкого воеводы, 19 апреля город почтит 75-ю годовщину начала восстания в варшавском гетто, включив все свои 54 сирены, подчиненные ратуше». Это решение было принято ратушей самостоятельно, а не по просьбе Майка Урбаняка. В конце концов, на сайте Администрации Мазовецкого воеводства появилось сообщение о включении сирен воеводской системы предупреждения и тревоги в 12:00 на одну минуту. Рядом можно увидеть герб мазовецкого воеводы.

Вихрь и лавина эмоций, возникших в связи с годовщиной восстания в варшавском гетто, превзошли всякие ожидания. Без сомнений, эта ситуация требует глубоких размышлений и минуты молчания в память о погибших.

**** Национальные Вооруженные Силы — правое военное формирование во время Второй мировой войны. Входившая в ее состав Свентокшиская бригада отступила с территории Польши благодаря договоренности с вермахтом — *Примеч. автора.*

Клаудина Десперат

Перевод Ирины Лаппо

ЯН КЛЯТА — БУНТАРЬ С ЧЕТКАМИ

Театральный режиссер, драматург. Специалист по польской душе. Функционер-идеолог[1], постоянно нарушающий национальные табу[2], католический постмодернист[3]. Панк в мундире. Невежда, любитель дешевых эффектов, театральный ксендз и ди-джей. Режиссер-изгнанник. «Милый мальчик, который не может повзрослеть и прячется за лазерными эффектами»[4]. Список можно продолжить. Определений много. И только одно известно наверняка — Ян Клята — это одно из самых громких имен польского театра. И безусловно, самая спорная в нем фигура.

«Художнику нужна пища и противник. Еда у меня есть, я рад, что идет война», —так звучал самый краткий манифест в мире, опубликованный режиссером в журнале «Нотатник театральны». Когда этого воинствующего пацифиста в мундире швейцарской армии спросили, как следует понимать эту его декларацию и какая война имеется ввиду, он ответил: «Идет война за то, чтобы показывать в театре польскую действительность. И как это — при помощи классических или современных текстов — можно делать сегодня». На вопрос, с кем же он воюет на этой войне, Клята отвечает: «С людьми,

[1] Так уничижительно отозвалась о нем Темида Станкевич-Подхорецкая в статье «Варвар в театре». T. Stankiewicz-Podhorecka, Barbarzyńca w teatrze, «Nasz Dziennik» 6.12.2013.

[2] Krzyżaniak-Gumowska, Gniewny w Starym, «Newsweek Polska» 2012, nr 27.

[3] Определение Рафала Венгжиняка. Rafał Węgrzyniak, Metamorfozy Klaty, «Teatr» 2012, nr 11.

[4] M. Markowski, Klatka szuka ptaszka, «Tygodnik Powszechny» 2006, nr 5.

которые ходят в театр, чтобы отдохнуть и развлечься перед ужином». Клята не церемонится ни с кем. Ни с авторами (верность пьесе — это, мягко говоря, не его стихия), ни со зрителями (равнодушных и незаинтересованных он выгоняет из своего театра, предлагая им выспаться в другом месте), ни с критиками (на мнения которых ему решительно наплевать), ни тем более с политиками — хотя именно актуальная общественно-политическая ситуация занимает его больше всего. Он бунтует всегда и против всех, считая, что именно протест лежит в основе миссии художника. Он показывает язык, раздражает, вызывает скандалы и дискуссии, он неудобен и непредсказуем, но при этом он собирает полные залы на спектаклях и получает очередные награды, а молодежь относится к нему как к рок-звезде (что он тоже критикует, потому что не намерен плыть по течению и стараться кому-то понравиться). Амбивалентность — его второе имя, и трудно иногда понять, чего же он хочет. Марцин Косьцельняк свою статью о нем начинает с мысли, что писать о Кляте — дело неблагодарное, хотя его театр неблагодарной темой отнюдь не является[5]. Несмотря на это, мы все же займемся этим неблагодарным делом и попробуем разобраться, откуда этот Клята взялся и что он натворил в польском театре?

■ Непростое начало

Варшавянин с деда-прадеда, год рождения — 1973. Его мама руководила детским любительским театром, в котором он начал выступать уже в возрасте семи лет. В двенадцать, когда его написанная в стиле Виткация пьеса «Зеленый слон» получила награду на драматургическом конкурсе, была напечатана в журнале «Диалог», поставлена в Закопане и… в Австралии, а ее фрагмент вошел в школьные учебники, — он стал известным драматургом. Правда, за наградой он приехал с мамой, но в отличие от комиссии, его это не удивляло — в конце концов, театром он занимался с пяти лет.

А вот с режиссерским дебютом все было сложнее. В течение шести лет после получения режиссерского диплома под руководством Кристиана Люпы в краковской Высшей театральной школе (обучение Клята начал в Варшаве, но занятия в столичной академии не соответствовали его ожиданиям, и он перевелся в Краков) ни один директор театра не захотел дать ему шанс сделать спектакль. Пройдя школу режиссуры в качестве ассистента у Ежи Гжегожевского, Ежи Яроцкого и Кристиана Люпы[6], он работал копирайтером, музыкальным журналистом, режиссером-постановщиком ток-шоу на телевидении. Теперь он вспоминает это время с благодарностью, говорит, что многому тогда научился и ни на кого не таит обиды: «Когда я оставил стены театральной школы, я был слабенький, абсолютно неготовый что-либо ставить. Дебютировал я после шести лет борьбы и муки. И очень хорошо, что у меня есть опыт шести лет безработицы, что я хорошенько получил тогда под зад, потому что человек, который никогда не получал под зад, не в состоянии понять тех, кто под зад получал. Герои великих пьес — это люди, которые получили под зад»[7]. В это время он пишет «Улыбку грейфрукта»[8] и становится первым в мире автором пьесы о смерти папы римского Иоанна Павла II.

Пьеса, показывающая мир в этот важный момент через призму сообщений СМИ, получила награду в конкурсе, проводившемся вроцлавским театром «Польски» и журналом «Диалог». Наградой была премьера, показанная во время Форума современной драматургии «ЕвроДрама», — в конце концов, Клята получил возможность дебютировать. Премьера этого нарушающего табу, полного бунта и страсти спектакля, поражающего воображение, например, сценой, в которой звуки ватиканских колоколов сплетались с польской религиозной песней в исполнении натурщиков — состоялась во вроцлавском театре «Польски» в апреле 2006 года.

А ровно неделей раньше в Валбжихе имел место его настоящий дебют — шанс Кляте дал Петр Крущиньский, директор Театра им. Ежи Шанявского, с которым безработный режиссер познакомился

[5] M. Kościelniak, Trącanie kijem, przesuwanie znaczeń , «Tygodnik Powszechny» 2007, nr 45.

[6] Клята был ассистентом Ежи Гжегожевского при подготовке спектакля «La Bohème» по мотивам двух пьес Выспянского (1995, «Театр Студио» в Варшаве), Ежи Яроцкого при спектакле «Погребение» (1996, Старый театр в Кракове) и Кристиана Люпы — при «Вишневом и оливковом Платонове» по «Пьесе без названия» Чехова (1996, Государственная высшая театральная школа в Кракове).

[7] K. Kachel, Skoczcie mu wszyscy na klatę, «Gazeta Krakowska» 2007, nr 52.

[8] Орфографическая ошибка в названии сделана автором сознательно.

во время фестиваля «ЕвроДрама». Получив это предложение, Клята сразу сказал, что хочет поставить здесь гоголевского «Ревизора», перенеся действие во времена Польской Народной Республики. Так появился спектакль, клеймящий потакание собственным иллюзиям, коррупцию, цинизм, отсутствие социальной ответственности — режиссер показал социализм как источник этих польских пороков, а время правления Герека как период, когда закладывался фундамент под прогрессирующую дегенерацию польской общественной жизни. В шахтерском городке, всё еще живущим воспоминаниями о золотых семидесятых, этот посыл прозвучал весьма убедительно. Спектакль стал театральным событием, получил ряд наград и вскоре Театр Телевидения выпустил его телевизионную версию. Кляту, который с самого начала блеснул своим оригинальным стилем, провозгласили откровением польского театра, бунтовщиком, тонко чувствующим болевые точки истории и современности, разрушителем, который не боится критиковать своих земляков, в том числе самого себя.

■ Борьба с мифами

Долго ждать не пришлось. В своем следующем спектакле «Подземелья Ватикана» по роману Андре Жида, поставленном во вроцлавском театре «Вспулчесны», он обвинил польское общество в фальшивой религиозности и поверхностном католицизме. Клята сам адаптировал текст для сцены, его имя также фигурирует в строчках «режиссер» и «музыка» (при некоторых постановках он подписывается также как автор сэмплов и скретчей).

Музыка у Кляты никогда не бывает делом случая, она создает напряжение, вносит дополнительные значения, иногда — шокирует монтажом, т.е. тем, как и какие произведения соседствуют друг с другом. В прологе к «Подземельям» сатанисты поют *Sympathy for The Devil*, потом звучит знаменитая польская «Баржа» — любимая песня Иоанна Павла II, после чего Патти Смит поет *Jesus Died for Somebody's Sins but not Mine*, а в паузах до зрителей доносятся слова молитвы Святого Розария[9], которую читают слушатели католического «Радио Мария». В «Ревизоре», о котором уже шла речь, Клята использовал песни Boney M., западно-немецкой музыкальной диско-группы. «Для меня музыка — вещь архиважная. Сегодня это доминирующее искусство. Я ищу грязную музыку, такую, которая не так уж легко западает в память. Когда я работаю над спектаклем, сначала появляется музыка, а потом сцены к ней. Я не представляю себе сотрудничества с композитором, который приносит мне какие-то куски на генеральную репетицию. Сама конструкция моих спектаклей — музыкальна»[10], — утверждает режиссер. До Кляты в польском театре никто в такой мере не черпал из массовой культуры. Он использует все: музыку, видео, клипы и даже рекламные ролики.

В «Подземельях Ватикана» он обратился к технике кавер, которую перенял именно у музыкантов. Он не только использует ее в своих спектаклях, он сделал ее характерной чертой своего подхода как к классической, так и к современной драматургии. Он признает, что его спектакли — это авторские трактовки, которые он называет кавер-версиями или ремиксами литературных произведений. Музыканты, создавая кавер, ведь не пытаются точно повторить оригинальное исполнение, вот и он интерпретирует пьесы, стараясь приспособить их к современным условиям, хотя при этом всегда стремится в той или иной степени быть верным авторской мысли. Клята пользуется выразительными, острыми театральными средствами, однако в каждой работе они другие. Обычно в начале он вместе с труппой размышляет над тем, какая театральная форма соответствует конкретному тексту. «Мы каждый раз ищем новую форму, которая лучше всего выразит то, что мы хотим сказать и что в этих текстах содержится. Я на самом деле глубоко убежден, что форма в театре имеет огромное значение, и что самый большой грех польского театра — это псевдореализм»[11]. Клята, в отличие от большинства режиссеров, не страдает схематизмом, не повторяется. Поэтому так трудно определить, уловить его стиль. Слишком уж он неоднороден и изменчив. Похоже, именно поэтому писать про Кляту, как это сформулировал Косьцельняк, — такое неблагодарное занятие.

[9] Розарий — это сочетание устной и мысленной молитвы, совершаемой при помощи четок. — *Примеч. пер.*

[10] K. Kachel, Skoczcie mu wszyscy na klatę, op. cit.

[11] M. Rokicka, Samplowanie klasyki, «Arte» 2006, nr 3.

Вопрос формы для Кляты нераздельно связан с вопросом выбора пространства. Ему не безразлично, где ставится тот или иной спектакль. Неслучайно премьера гоголевского «Ревизора» состоялась в Валбжихе, в небольшом городке, значительно отдаленном от столицы, откуда по сюжету пьесы приезжает ревизор[12]. Особое, значимое пространство стало отличительной чертой его очередной постановки — «Г.» по «Гамлету» Уильяма Шекспира. Актеры театра «Выбжеже» играли этот спектакль в одном из цехов Гданьской судоверфи. Режиссер так объяснял выбор места, связанного с новейшей историей Польши: «Когда Шекспир в начале XVII века писал: «Прогнило что-то в Датском королевстве», — он имел ввиду вовсе не датчан, а собственную страну. Вот и я, когда читаю, думаю о своей стране. И задаюсь вопросом — где найти Эльсинор? Невероятно важно, в каком пространстве мы его разместим»[13]. Клята пошел по следам Выспянского (перенесшего действие своего театрального эссе «*Этюд о Гамлете*» туда, где в то время билось сердце народа, то есть в Краков на Вавель[14]) и сыграл спектакль в символическом пространстве, которым стала Гданьская судоверфь[15]. В центре внимания «Г.» — выбор, который делают молодые люди в моменты политических волнений.

Для Кляты классика — это только предлог поговорить об актуальных проблемах современного мира. Если изменения в оригинальном тексте заходят слишком далеко, он лояльно изменяет название (поэтому «Г.» вместо «Гамлета», а годом позже граф Фантазий из одноименной комедии Юлиуша Словацкого записывается как «Фанта*$ий*»). «Не вижу смысла повторять шекспировский спектакль в том виде, в каком он вероятно выглядел во времена Шекспира. Мир уже несколько столетий как изменился. Особенностью шедевра является то, что такой текст содержит в себе больше, чем может выразить любая инсценировка. Мне интересно докопаться до того, что вне времени»[16], — говорил он в интервью.

После премьеры «ремикса» шекспировской трагедии всем стало ясно, что Клята — ведущий режиссер польского социального и политического театра. Марыля Зелиньская писала: «Клята выбивает пыль из польской души и чистит ее, как Виткаций — его кумир. Каждое представление — это пощечина публике, если не сказать — удар кулаком»[17]. Режиссер всегда делает спектакли «о чем-то» (что не так уж часто в нашем театре), говорит, что его спектакли должны «взрываться», объясняя, что это результат его «основного, аксиологического замысла — делать театр не только для себя, делать так, чтобы каждый спектакль был горячий. Поднимал горячую тему и развивал ее так, чтобы обжигало. Но все это в соответствии с климатическим поясом, каждый раз по-другому. Я все время хочу втянуть зрителя, дать ему материал для размышлений»[18].

После конфронтации с польской религиозностью и мифом «Солидарности» Клята решил проверить на прочность польские отношения с Евросоюзом. В 2004 году он возвращается в Вальбжих и ставит «Дочь Физдейко» на основе пьесы Станислава Игниция Виткевича «Янулька, дочь Физдейко». Некоторые говорили, что в этом представлении он обнажил свои европейские фобии и консервативные правые взгляды. Целью режиссера было рассказать о вступлении Польши в Евросоюз с точки зрения обычного человека, для которого национальные травмы и символы зачастую лишь пустой звук. Он сделал это при помощи пьесы Виткевича, посвященной примирению с нео-крестоносцами (неслучайно действие спектакля разыгрывается в Нижней Силезии, отсылая тем самым к немецкому прошлому этих территорий). В массовку режиссер пригласил безработных и бездомных жителей Валбжиха, именно они были в этом спектакле представителями народа. Клята вновь жестко и бесцеремонно ударил по больному месту польской ментальности, показав ее на этот раз на фоне западного соседа.

Две следующие постановки принесли ему славу и подтвердили статус провокатора. Это был посвященный попыткам показать насилие в театре «Заводной апельсин» по одноименному роману

[12] Валбжих находится на большом расстоянии от Варшавы, надалеко от границы с Чехией.
[13] M. Wąsiewicz, Myślę, że Hamlet jest Polakiem, «Gazeta Wyborcza – Trójmiasto» 2004, nr 153.
[14] Вавель — резиденция польских королей — Примеч. пер.
[15] Гданьская судоверфь — место возникновения движения «Солидарность» в 1980 году.
[16] P. Sztarbowski, Teatr mój widzę masowy, «Newsweek Polska» 2007, nr 9.
[17] M. Zielińska, Prowokator, «Ozon» 2005, nr 1.
[18] K. Kamińska, Eksplozje Jana K., «Gazeta Wyborcza – Wrocław» 2008, nr 241.

Энтони Берджесса (театр «Вспулчесны», Вроцлав) и «Фанта*$ий*» по романтической комедии Юлиуша Словацкого (театр «Выбжеже», Гданьск). Написанная в XIX веке пьеса второго после Мицкевича великого польского поэта эпохи Романтизма в постановке Кляты повествовала о денежных отношениях и состоянии общества в капиталистическом мире, также подвергшегося критике со стороны режиссера. Спектакль играли в современном, застроенном безликими многоэтажками, микрорайоне. Клята задел чувствительные струны польской души, многих возмутил, но одновременно получил признание части публики. После премьеры этого представления появились первые протесты, вызванные прежде всего сценой, в которой польский солдат насилует женщину в ритм чрезвычайно популярной в Польше патриотической песни «Красные маки на Монте-Кассино». Потом протесты вызывали также другие спектакли. Театр Кляты всегда действовал на нервы, раздражал, а некоторых доводил до бешенства — и по-прежнему продолжает это делать. Сам он объясняет эту свою особенность темпераментом: «С таким недостатком я родился и с ним живу. Я не придумывал себе маркетинговой стратегии под лозунгом: сейчас я всех взбешу! Не вынюхал вдруг, что на театральном рынке есть ниша, в которую не лезут безликие, прилизанные и воспитанные. Я не планировал, что втиснусь в эту яму, заползу туда и покажу всем язык»[19].

■ «Клята-фест»

В 2005 году, когда на улицах Варшавы появились плакаты с его портретами — с ирокезом на голове и вырезанной на обнаженной грудной клетке кровоточащей фамилией[20], о Кляте заговорили всерьез и надолго. Плакаты рекламировали моно-фестиваль «Клята-фест», во время которого режиссер показал все свои спектакли («Заводной апельсин», «Подземелья Ватикана», «…дочь Физдейко», «*Фанта$ий», «Ревизор»*). Маркетинг был агрессивный, лозунгом фестиваля стала фраза «Крепость Варшава под прицелом», а самого режиссера рекламировали как звезду поп-культуры. На упреки, что он «продался», Клята отвечал, что ничего плохого в том, что фестиваль рекламируется, он не видит. «Театр — это уже не

[19] K. Kachel, Skoczcie mu wszyscy na klatę, op. cit.

[20] «Клята» (пол. klata) в молодежном польском сленге означает «грудную клетку»

то место, что в 70-х годах. Он уже даже не то, чем был 15 лет назад. Все подчинено коммерции, консюмеризму, СМИ. И надо с этой действительностью как-то справляться. Хотя бы из чисто прагматических соображений, которые в моем случае звучат так: я хочу, чтобы в театре на спектаклях была публика (...). Жизнь — она везде. Я не представляю себе, что можно не считаться с условиями современного мира. Не представляю, как можно не считаться с публикой, разделяя ее на лучшую и худшую»[21], — говорил он.

Стратегия оказалась эффективна — очереди за билетами выстраивались за несколько часов до начала спектаклей, дополнительные представления игрались до поздней ночи. Ему удалось привлечь в театр молодежь. Своеобразным итогом этих успехов стало признание ему в категории «театр» престижной премии «Паспорт «Политики» за 2005 год за «новаторскую и отважную интерпретацию классики, за страсть и упорство, с какими режиссер ставит диагноз польской действительности и исследует силу национальных мифов».

■ Исторический переворот Кляты

Потом, после нескольких не слишком удачных спектаклей (в том числе «Хватит, прекрати» по собственной пьесе), режиссер поставил «Трансфер!» (театр «Вспулчесны», Вроцлав), который сразу получил широкое признание и был провозглашен «настоящим театральным феноменом». В этом трогательном представлении отсутствуют сюжет и действие. О принудительных переселениях после Второй мировой войны со сцены рассказывают участники и свидетели этих событий из Польши и Германии. Этим живым, настоящим воспоминаниям сопутствовали гротескные персонажи участников Ялтинской конференции — Сталин, Черчилль и Рузвельт, которые, рисуя новую карту Европы, передвигают границы и людей, словно пешки в игре. По мнению профессора Кристины Дунец, с этого спектакля в Польше начался политический театр: «В 2006 году благодаря спектаклю «Трансфер!» Яна Кляты в польском театре произошел «исторический перелом», слово получили исключенные прежде из исторического нарратива свидетели, прозвучали, наконец, так долго замалчиваемые микроистории, вырастающие из польского/немецкого переселенческого опыта. С этого момента, фокусируясь на универсальном опыте XX века, театр начал разбивать ментальные схемы, устоявшиеся взгляды и исторические толкования, критически комментировать действительность. Что особенно важно, театр начал обнажать расщелину между устремлениями и разочарованием, между трансгрессией и ксенофобией»[22]. По следам Кляты пошла целая плеяда молодых режиссеров — Моника Стшемпка, Мартин Либера или Павел Водзиньский. Все они указывали на отсутствие в польском обществе социальной ответственности, конформизм, все они подвергали сомнению и проверяли на прочность основанные на мартирологии польские мифы.

Клята стал чрезвычайно востребован и начал очень интенсивно работать, выпуская спектакль за спектаклем во всей Польше, а также за границей, чаще всего в театре «Шаушпильхаус Бохум» в Германии, где поставил адаптацию «Америки» Франца Кафки, «Разбойников» Шиллера и «Гамлета» Шекспира[23]. В краковском Старом театре он обратился к античности и создал жесткую, насыщенную отсылками к поп-культуре интерпретацию «Орестеи» Эсхила. Потом режиссера заинтересовала тема власти и революции, и он создал революционный диптих, поставив «Сапожников» Станислава Игнация Виткевича и «Дело Дантона» Станиславы Пшибышевской. Сценарий спектакля «Сапожники у ворот» по пьесе Виткация Клята написал вместе с известным своими левыми взглядами публицистом Славомиром Сераковским. Спектакль, который задумывался как расчёт с правящей правой партией, был воспринят как банальная политическая сатира. А вот «Дело Дантона» Станиславы Пшибышевской, показывающее ироничный образ революции, сыгранное в исторических костюмах и без актуальных политических отсылок (зато с универсальными акцентами) пользовалось большим успехом. В историю вошла сцена, в которой якобинцы исполняли «Марсельезу» и хиты поп-культуры на механических пилах. За этот спектакль Клята получил престижную награду им. Конрада Свинарского, которую журнал «Театр» ежегодно вручает лучшему польскому режиссеру сезона.

[21] K. Klata, Majster Klata, rozmowę przepr. M. Ruszpel, «Warsaw Point» 2007, nr 11.

[22] K. Duniec, O polityczności teatru, «Dwutygodnik» 2015, nr 151.

[23] В течение своей карьеры Клята поставил более сорока спектаклей, здесь мы рассматриваем только те, которые отмечают важные направления в его творчестве.

Одним из наиболее удачных представлений Кляты считается его адаптация «Трилогии» Генрика Сенкевича (Старый театр им. Хелены Моджеевской, Краков, 2009). В этом спектакле Клята расправился с очередным национальным польским мифом — с сарматизмом. Петр Олькуш утверждая, что идея сарматизма в Речи Посполитой по-прежнему жива, доказывал это, отсылая к спектаклю Кляты: «Достаточно вспомнить поставленную в Старом театре «Трилогию» Яна Кляты, которая при всем анти-Сенкевическом замысле, стремлении обнажить слабость сюжета и, прежде всего, вторичность и ограниченность польской эпопеи, показывала, каким образом старопольская анархия и сарматская удаль все еще присутствуют в делах и сердцах поляков»[24]. Клята считает, что «Трилогия» — это произведение основополагающее, формирующее польский народ и завораживающее его, позволяющее очертить границы сообщества, показать то, что его сплотило, но одновременно продемонстрировать слабое государство и такие «польские черты», как коррупция, стремление поставить личные интересы над государственными, ловкачество и изворотливость. Действие этой авторской, нестереотипной интерпретации романа, формирующего целые поколения поляков, Клята переносит в ночлежку для бездомных, где они язвительно разыгрывали его сцена за сценой. Но одновременно это было занимательное сценическое зрелище, с соответствующим темпом и смелыми постановочными решениями. В память особенно врезалась сцена, в которой икона Ченстоховской Богоматери говорит губами одной из актрис.

■ Директор-панк

Поворотной точкой в карьере Яна Кляты стало его назначение в 2013 году на должность художественного руководителя и директора краковского Старого театра, одной из самых важных сцен страны. Должность эту он занимал на протяжении четырех лет в атмосфере скандала и бунта. Мнение о Кляте, как о провокаторе и скандалисте, изначально вызвало недоброжелательные комментарии. Узнав о назначении, Темида Станкевич-Подхорецкая так охарактеризовала нового директора национальной сцены: «У него нет значительного художественного багажа на соответствующем уровне, про него нельзя сказать, что он — хороший режиссер или эффективный театральный менеджер, или интересный в интеллектуальном плане человек театра. Наоборот, представления Яна Кляты демонстрируют прямо-таки тревожащее интеллектуальное убожество режиссера»[25]. Сомнения были даже у его учителя и мастера Кристиана Люпы, сказавшего, что «Клята не подходит для этой должности из-за своих индивидуальных качеств. Театральное сообщество должно говорить разными голосами, а этого Клята точно не допустит, потому что, как эгоцентрический и деспотичный художник, он не терпит, когда ему перечат»[26].

Первый же поставленный им спектакль — «На пути в Дамаск» Августа Стриндберга — вызвал протесты в правом лагере. Во время одного из спектаклей организованная группа зрителей, возмущенных сценой, в которой актеры играли половой акт, прервала представление криками «позор», «скандал», «как вам не стыдно», «вы тут развлекаетесь за деньги с наших налогов». Между актерами и зрителями началась живая дискуссия, но режиссер, стремясь продолжить спектакль, велел протестующим покинуть театр. Всё происшествие сняли, выложили в интернет и даже показывали в новостях, поэтому его широко комментировали по всей стране. «Народ устраивает сцены», «жалко времени на всякую ерунду», — кратко комментировал инцидент режиссер. Организованная акция протеста должна была обратить внимание общественности на либерализацию краковской сцены директором, который — как это ни парадоксально — официально придерживается консервативных взглядов и носит в кармане четки (за что его и прозвали католическим постмодернистом).

Несмотря на все конфликты и противоречия, работа Кляты в качестве директора оценивалась, скорее, положительно. Режиссер реализовал программу театра, который носит статус национального, задавая неудобные вопросы и поднимая трудные темы. После периода застоя краковский театр со своим выдающимся и сыгранным актерским составом стал одной из самых интересных сцен в Польше. Клята пригласил к постоянному сотрудничеству талантливых режиссеров младшего поколения

[24] P. Olkusz, Teatru polskiego sarmacka miłość do symboli, «Teatr» 2014, nr 4.
[25] T. Stankiewicz-Podhorecka, Barbarzyńcy w teatrze, «Nasz Dziennik» 2013, nr 284.
[26] J. Klata, Ten system musi runąć, rozmowę przepr. S. Łupak, «Newsweek Polska» 10.10. 2013.

(в том числе Монику Стшемпку, Веронику Щавиньскую, Виктора Рубина, Павла Пассини), которые реализовали много важных спектаклей. Сам директор на своей сцене поставил диптих: «Короля Убю» Альфреда Жарри, в котором представил карикатурный, но удивительно точный портрет польского общества, и «Короля Лира», получившего престижную премию «Золотой Йорик», признаваемую за лучшую польскую интерпретацию шекспировской пьесы. Жюри по достоинству оценило оригинальную и смелую идею, легшую в основу инсценировки: главный герой становится у Кляты Папой Римским, разделяющий имущество между дочерями, а действие перенесено в подземелья Ватикана. Режиссер в очередной раз обратился к теме религии, а конкретно — духовной власти в современной Католической церкви, представляя ее как монументальный, эстетически изысканный спектакль.

Сам Клята сравнивал свою работу на руководящем посту с работой не воина, но сапера: «С одной стороны, нужно эскапистически мило, эстетично и бесконфликтно проживать действительность, с другой — попытаться обнажить скрытые общественные конфликты, чтобы мы, как общество, не наступили на мины. Это программа Зигмунта Хюбнера, бывшего директором Старого театра в 60-х годах. Он прямо говорил, что надо заниматься конфликтами, пока они еще не охватили все общество, пока не стало поздно»[27].

В своем последнем спектакле, реализованном еще на посту директор Старого театра, в «Свадьбе» по пьесе Станислава Выспянского, Клята оценил состояние коллективного духа и поставил польскому обществу неутешительный диагноз. Пьеса, посвященная конфликту между мужиками и мещанами в начале XX века, на самом деле рассказывает о глубоком разделении общества. В постановке Кляты она прозвучала исключительно актуально. История страны, которая по-прежнему политически, ментально и социально расколота, в очередной раз вызвала бурю эмоций. В спектакле показано, что знаменитый хохолий танец, символизирующий спячку и невозможность действия, по-прежнему актуален, только на этот раз его танцуют под музыку рок-группы «Фурия». Жесткие ритмы, заданные блэк-метал-музыкантами, расставленными на высоких постаментах по углам сцены, сопутствуют актерам и не дают уснуть собравшейся в зрительном зале публике. И между ними возникает особая связь, зрители, часто многократно приходящие на спектакль, прочитывают актуальность посыла и передают актерам невероятную, вдохновляющую энергию. Особенно это заметно во время аплодисментов — овации в конце спектакля длятся вечность. На этот увенчивающий период руководства театром спектакль невозможно достать билеты. «Свадьба» стала абсолютным победителем 43-х Опольских театральных конфронтаций / «Живая классика», получив почти все награды, в том числе Гран-при и премию за режиссуру.

■ Театр с жаром

Клята называет себя «конструктором человеческих катастроф». Именно их он хочет показывать на сцене. Его спектакли никогда (может, если не считать гротескной «Шайбы» по пьесе Малгожаты Сикорской-Мищук) не несут положительного посыла. Они неудобные, неприятные, они раздражают и бесят, тыкают носом в ошибки. У него острый, выразительный и прямой язык. Он борется за зрителя, потому что хуже всего для режиссера — равнодушие публики. Поэтому каждый спектакль должен быть «о чем-то», должен быть «горячий», в нем должно что-то «взорваться», ведь театр — это искусство проходящее, существующее только «здесь и сейчас». Клята очень любит театр, творит с полной самоотдачей, со страстью. Он одержим театром, и о своих чувствах к нему говорит так: «Я всегда любил делать то, что кажется невозможным. Тогда появляются риск, азарт, эмоции. Театр должен рождаться из страсти, из душевного жара. Из равнодушия, в комнатной температуре, ничего не получится. Во всяком случае, меня такой театр не интересует. Мы, поляки, по-прежнему часто не любим свою работу, не относимся к ней как к чему-то, что, говоря возвышенно, делает нас лучше»[28].

Теперь, когда Клята уже свободен от обязанностей директора, он, видимо, еще не раз укажет своим соотечественникам на их пороки, не раз встряхнет их и рассердит, никого не оставив равнодушным. И сделает это — как всегда — с жаром.

[27] J. Klata, Saper w Starym Teatrze, rozmowę przepr. R. Pawłowski, «Gazeta Wyborcza» online, 8.01.2014.
[28] J. Klata, Teatr musi rodzić się z pasji, rozmowę przepr. J. Ciosek, «Dziennik Polski», 15.12.2011.

Павел Стангрет

Перевод Владимира Окуня

СУБДИСЦИПЛИНА

Две выставки современного искусства о польской идентичности, а также новая книга Томаша Пляты о присутствии романтизма в современной Польше, показывают, что польская история идей — это история идей… романтизма.

■ Романтичность

За несколько месяцев до смерти Тадеуш Кантор написал свою, как оказалось, последнюю картину. «Сентябрьское поражение», созданное в 1990 году и изображающее распятого солдата, «втоптанного» в землю гусеницами танка, представляет собой символическую цезуру в постижении романтизма художниками, давая понять, что определенная модель его восприятия исчерпана. Эту модель как раз и представляет «последний художник XX века»[1], который идейно и эстетически использовал романтическую символику и сам определял себя как продолжателя этого течения. В настоящее время в искусстве преобладает критическое послание, а демонстрирование принадлежности к романтической традиции, которое до 1989 года часто проявлялось и у других художников, сменилось дистанцированием. Изменилась и оценка значения романтизма в польской культуре.

Со ссылки на «Сентябрьское поражение» начинается вводный очерк в каталоге выставки «Историофилия», представленной в Старой научно-технической типографии в Варшаве на ул. Минской. Однако «дружелюбная» этимология, содержащаяся в названии экспозиции, в сопоставлении с собранными на ней произведениями показывает, что у современных художников отношение к истории двойственное, что вместе с закатом романтической парадигмы ушла в прошлое подлинная привязанность к ней, которую вытеснила ирония. К счастью, и у этой конвенции есть исключения.

Описанные выше эстетические и культурно-политические изменения демонстрируют обе проходящие одновременно в Варшаве выставки: упомянутая уже «Историофилия. Искусство и польская память», а также «Поздняя польскость. Формы национальной идентичности после 1989 года» в Центре современного искусства «Уяздовский замок» в Варшаве (ЦСИ). В то же время, недавно изданная книга Томаша Пляты «Посмертная жизнь романтизма» анализирует то же самое явление в современной общественной дискуссии.

Если сравнить Кантора хотя бы с представленной в ЦСИ «Мессой» Артура Жмиевского, то может показаться верным тезис Марии Янион, из которого исходит Плята, на тему смерти романтической парадигмы в польской культуре. Автор, однако, пишет, что на самом-то деле романтическая парадигма вовсе не умерла. Знаменательным в этом аспекте является факт, что «Позднюю польскость» — новейшую рефлексию о народе в новейшем искусстве — открывают и закрывают Большие Импровизации (из «Лавы» Тадеуша Конвицкого и «Дзядов. 12 импровизаций» Ежи Гжегожевского). Итак, остается вопросом, какой же романтизм имеют в виду нынешние кураторы и исследователи. Так, для современной точки зрения характерно явление «вампиризма». Плята называет это «жизнью после смерти», а Павел Демирский «эксгумацией» — если обратиться к названию его «Дзядов».

Прерванная преемственность в польской культуре относится не только к романтизму. Аналогичная проблема касается традиции в консервативном нарративе. Плята анализирует трудности в формировании собственной идентичности у традиционалистов — привязанных к традиции и в то же время догматически трактующих тезис о ее разрыве или же прерывании (благодаря разделам, ПНР и т.п.), доказывая в конце, что, как ни странно, эта идеология встроена в стереотипное мышление о романтизме.

[1] K. Pleśniarowicz, Kantor, Artysta końca wieku, Wrocław 1997.

Несомненной проблемой является сложность с определением самого понятия. Романтизм сегодня проявляется как набор черт, воспроизводимых через восприятие. В течение двухсот лет мы используем его, не до конца понимая, что он означает. Как показывают обе выставки (в одинаковой степени, если говорить как об одобрительном, так и о критическом прочтении), мы сводим романтизм к публицистическим стереотипам, дополнительно повторяемым в школьном чтении. На практике культурный конструкт с этим названием ограничивается «Дзядами» и еще несколькими поэтическими нетленками. Заслуга книги Пляты в том, что она показывает, как в настоящее время вырабатывается романтическая традиция, а также, в каких целях она используется в сегодняшнем политическом дискурсе. Автор, обращаясь к современной политической дискуссии, пытается дать определение романтизму, представляя подборку основных идей, относящихся к социуму и культурогенезу. Речь идет о «символах польской идентичности, таких как отчизна, свобода, национальная солидарность»[2], а также мессианизме и мифе о жертве. Таким образом, мы движемся в пространстве реинтерпретации, а «заболтанный» более поздними прочтениями романтизм уже сам с трудом поддается определению.

Плята увлекательно добирается до корней отдельных идеологических лагерей или, шире говоря — сторон спора (в то же время он не ссылается на концепции, говорящие о «долговечности», «подкожной» жизни романтизма, скажем, Дариуша Косинского[3]). Хотя политическая дискуссия кажется невероятно далекой от польских романтических представлений и фантазмов, «Посмертная жизнь романтизма» показывает, как, в разных ипостасях, он по-прежнему присутствует в Польше. Плята основывает свой вывод на четырех главных элементах: жертве, исключении, критическом взгляде на прошлое, напряжении между мужицкой и шляхетской идентичностью. Столь широкое, неточное определение романтизма, подробное описание его влияния, а также категорий, выводимых из этого течения, позволяют ему доказать, что это естественная идейная среда для польской культуры. Как модернисты, так и консерваторы думают, чувствуют и действуют, подсознательно руководствуясь романтическими идеями. Речь, конечно, идет об идеях вместе с историей их интерпретации (например, сопоставление народности с концепциями Анджея Ледера[4] в контексте анализа образа Шели[5] из драмы Павла Демирского).

Плята замечает отход после 1989 года от социальной, политической тематики в пользу индивидуальных, личных, психологических категорий. Этим, в частности, он объясняет успех театра Кристиана Люпы, пришедшийся как раз на 90-е годы. Однако же эпоха «про меня в конституции ничего нет»[6] родилась из романтического постижения бунта и культа индивидуальности, особенно в художественном творчестве. Плята подчеркивает, что даже разрыв с парадигмой означает сохранение взаимоотношений с ней. Именно поэтому в польской культуре бунт рассматривается как романтический (начиная с первых вспышек авангарда, это почти фразеологизм). Долговечность польского романтизма состоит в неустанном приспособлении романтической идентичности к новым языкам искусства.

Стратегия Пляты вырастает из тех же побуждений и целей, что критически ориентированное современное искусство, особенно возникшее после 1989 года. Хотя — как убедительно доказывает автор — романтическая реакция на социально-политическое изменение строя вполне естественна, всё же, как художники, так и политики или публицисты избегают романтической «этикетки». Автор не добавляет этого прямо, но само определение «романтический» становится эпитетом, намекающим на анахроничность. В этом, конечно, нет ничего нового для польской культуры, ведь у нас, как сказал Кантор, есть «традиция разрушения традиции», в которой принимали участие Выспяньский, Жеромский, Гомбрович и т.д. Сопротивление, деконструкция, пересмотр, даже отрицание относились, прежде всего, именно к романтической традиции. Анализ романтических антецедентов современности выявляет перемены в том, как определяется национальная идентичность поляков. А если так, то почему сегодня так трудно назвать себя романтиком?

---

[2] T. Plata, Pośmiertne życie romantyzmu, Warszawa 2017, s. 8.

[3] Ср.: D. Kosiński, Polski teatr przemiany, Wrocław 2007.

[4] Анджей Ледер (р. 1960) — польский философ культуры — *Примеч. пер.*

[5] Якуб Шеля (1787–1860) — предводитель польского крестьянского восстания в Галиции в 1846 году — *Примеч. пер.*

[6] Ср.: M. Świetlicki, Le gusta este jardin? [w:] Zimne kraje, Warszawa 2002, s. 39

■ Метаязык

Главное изменение происходит именно в языке искусства. Обе выставки представляют произведения персуазивного искусства, в которых используется конвенция воспроизведения дискурсов. Обе вписываются в исторический и политический нарратив. Рецензии в СМИ уже наделили их ярлыками «левой» и «правой», они кажутся «фобскими» и «фильскими». Действительно ли между ними существует столь очевидное различие?

Плята справедливо замечает, что обе стороны дискуссии «говорят романтизмом», находятся внутри него и не требуют разрыва, поскольку неспособны на это. Стоит задать вопрос, пошла ли на пользу художественному языку политизация искусства. Чертой, бросающейся в глаза и явно подчеркиваемой названием «Историофилия», является то, что об идентичности, польскости, национальности и т.д. мы постоянно говорим, обращаясь к прошлому, непрестанно редефинируя свое отношение к истории. Однако эта привязанность к прошлому вписывается в нынешний исторический нарратив и используется для выражения нынешней идентичности. Как писал Хейден Уайт, историографией занимаются современники и для современников[7]. Поэтому обе выставки демонстрируют интерпретацию истории с самой что ни на есть актуальной точки зрения, а не предпринимают попыток рефлексии над этой категорией. Говоря далее языком Уайта — очевидно сотворение исторических фактов в соответствии со сконструированными нарративами.

Пример «ревизионного» подхода — представленные в ЦСИ «Ворота» Даниэля Рыхарского, посвященные 150-й годовщине отмены крепостного права. В свою очередь, на «Историофилии», на картине «Немецкое качество», Игнацы Чвартос в эстетике, имитирующей живопись Анджея Врублевского, сводит Йозефа Менгеле с Гюнтером фон Хагенсом[8]. В обоих произведениях показан один и тот же механизм. Оба они создают исторические факты как нечто существенное для современности. Их персуазивность состоит в закреплении иерархии исторических фактов в соответствии с сегодняшним мировоззренческим ключом. Сварные металлические ворота говорят о социальных переменах в согласии с современным левым мышлением, а перманентная угроза со стороны Германии вписывается в консервативный нарратив. Имеет смысл поставить вопрос о достаточности компетенции зрителя для истолкования такого произведения. Она лежит вне самого произведения, в политическом дискурсе. Значение скульптуры Рыхарского сводится к тезисам Анджея Ледера так же, как прочтение Чвартоса становится возможным, если быть в курсе нарратива «Газеты польской»[9]. Заметно отличие от Кантора, который как «продолжатель Выспяньского» нарисовал солдату из «Сентябрьского поражения» собственное лицо, заявляя о своем месте в истории и романтическо-польской идентичности. Современные художники используют историю, манипулируют ею, представляя в произведении свою дистанцированность от нее.

Отход искусства от эстетики распятых солдат обращает внимание на главную проблему, следующую из выставок: изменение художественного языка. Обе экспозиции воздействуют с помощью эпического искусства, с сильной отсылкой к внехудожественному контексту. Рассматриваемые таким образом, они привносят мало нового, и зритель покидает их с такими ощущениями, которые мог бы испытать после просмотра СМИ (конечно, не прессы), от левых до правых. Ведь если говорить о закате романтической парадигмы или отходе от традиции и о сомнении, которому подвергается история, идентичность и т.д., то это наиболее заметно в эстетической сфере. Использование политических произведений, помещенных вне художественного контекста, показывает, насколько мы далеки от романтического сотворения символов. А ведь именно символ придал силу романтизму в Польше — поэты создали национальные символы, обеспечившие им сильную позицию в позднейшем восприятии, уже в XIX веке. Поэтому наш символизм был основан на романтизме, а это, в свою очередь, привело

[7] Хейден Уайт,«Поэтика истории // Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. - Екатеринбург, 2002.

[8] Гюнтер фон Хагенс (р. 1945) — немецкий анатом, создатель знаменитой экспозиции «Body Worlds» — выставки человеческих тел и их частей — *Примеч. пер.*

[9] «Газета польска» — право-консервативное издание, освещающее текущие социальные, экономические и политические события — *Примеч. пер.*

к тому, что в прошлом столетии польский авангард (это относится и к неоавангарду второй половины века) выбрал для себя главным противником романтизм, а не символизм и реализм. Символ также утвердил за романтизмом «власть над душами»[10] — над польским языком суждения об идентичности. Одновременно он облегчил восприятие, прочтение, сосредоточенное на избранных элементах, на символике, которую легко путем воспроизведения обратить в стереотип. Поэтому — напротив — произведения критического искусства концентрируются на рефлексии над культурой, социологией, историей и т.д. (сам Рыхарский ссылается на исследования Яна Совы[11] и Анджея Ледера).

Характерная для обеих выставок творческая стратегия, состоящая в прямом использовании дискурсов — изменении их контекста и ослаблении через повторение в пространстве галереи — ведет к утере многозначности, к сосредоточению на том, что уже известно зрителю. Тем самым она переносит значение артефакта в сферу политической и общественной дискуссии, в отрыве от произведения. В то же время она требует от зрителя эмоциональной реакции, основанной на идентификации с данной стороной дискуссии. Силу повторения лучше всего визуализируют представленные в большом количестве видеозаписи с художественных акций. Такой характер носят «Демократии» Жмиевского или его «Катастрофа», не говоря уже о «Мессе», непосредственно вырастающей из идеи повторения, предписания. Но подобное впечатление производят и записанные на видео акции у гданьской верфи или заснятые художественные провокации Яцека Адамаса в государственных учреждениях. Очевидно, что проблематика не фокусируется на документировании дематериализованного произведения, но эпатирует политическим контекстом, с одной стороны, становясь идентификационным манифестом художника (хотя, наверное, лучше сказать: гражданина), а с другой, являясь сильным посланием, направленным к зрителю и его ощущению идентификации.

■ Право на критику

С 1989 года прошло уже достаточно времени для того, чтобы подвести итоги естественных разногласий последней четверти века. Именно об этом свидетельствует эстетически переработанное идеологическое напряжение. Это напоминает положение искусства в двадцатилетии 1918–1939, когда эстетическо-политические перемены сами по себе вызвали идеологические антипатии. Итак, мы вновь «свозим протухшие мумии Мицкевичей и Словацких» и «отдаем должное романтической поэзии». Эти две цитаты из одного манифеста Бруно Ясенского[12] сегодня могут быть девизами двух выставок, проходящих по разные стороны Вислы. Я вспомнил об авангардистском идейно-эстетическом переломе, чтобы обратить внимание на то, что в обеих экспозициях есть произведения, которые пытаются не только вписаться в политический контекст, но и высказываться с помощью формальных свойств.

На общем фоне определенно выделяются работы Зеноны Цыпляк-Олейничак. Ее интериоризация истории, показ прошлого в личном контексте, производят впечатление сознательного разрыва с однозначностью прочтения. Теплая рубашка для дочки, сшитая из фрагментов одежды, из остатков материальных воспоминаний, оказывается чем-то между полосатым народным костюмом и лагерной униформой. Еще эта работа представляет собой персональное высказывание, вводящее контекст семейных отношений, вне разногласий крупных историко-политических нарративов.

Похожий эффект вызывает «Топос» Ежи Калины. Изображенная в инсталляции мебель — круглый стол — показана в виде чего-то недоступного, предназначенного для осмотра и позволяющего приписать себе нарративы и смыслы. Именно эта музейность, бесполезность приводит к полной дегуманизации объекта, которую подчеркивают пустые стулья, поддерживающие центральный элемент. Однако у кромки большой пилы (выполняющей здесь функцию столешницы) затуплены зубья, что намекает на ироническое, даже оксюморическое сочетание режущей кромки и зубчатого колеса. Эта инсталляция, несмотря на сильную интерпретационную суггестию со стороны кураторов,

[10] «Власти над душами» просит у Бога Конрад в своей «Импровизации», в третьей части «Дзядов» А.Мицкевича — *Примеч. пер.*

[11] Ян Сова (р. 1976) — польский социолог и культуролог — *Примеч. пер.*

[12] B. Jasieński, Do narodu polskiego. Mańifest w sprawie natyhmiastowejfuturyzacji życa, [w:] Antologia polskiego futuryzmu i Nowej Sztuki, oprac. Z. Jarosiński, BN I-230, Wrocław 1978, s. 8-9.

предоставляет возможность неоднозначного восприятия. Прежде всего, она обращает внимание на сложность оценки исторических событий.

Подобным же образом действует «Пьета» авторства Кле Менс (Клементины Стемпневской), представленная в ЦСИ. Вначале зрители смотрят видеозаписи протеста националистов во время встречи с художницей — эти фильмы показывают напротив входа в зал. Документальный ролик, в котором автора обвиняют в богохульстве, выявляет тенденции к наивному восприятию (как это определяет литературоведение), отношению к артефакту не как к символу, вымыслу, а как к прямому заявлению. Лишь заметив расположенную сбоку видеоинсталляцию, в которой художница в роли Богоматери поддерживает обессилевшего спортсмена, начинаешь неоднозначно воспринимать послание в целом. Символизация польскости посредством фигуры побежденного спортсмена является критикой современных дискурсов, присваивающих, а прежде всего, упрощающих и сводящих к стереотипам вопросы национальной идентичности. Одновременно, это критический взгляд на национально-религиозный нарратив, из самой его глубины. Это такой польский бунт, который не может быть свободным от романтического разрыва с традицией, но всё же требует модернизации.

Смонтированные Якубом Маймуреком фильмы (показанные в рамках «Выставочного кино-эссе» кино «поздней польскости») очень впечатляюще, хотя и языком публицистики, показывают перемены после 1989 года как, в первую очередь, эволюцию потребительских позиций. Конрад в пьесе Павла Демирского обвиняет антикоммунистическую оппозицию в том, что для нее важны были новые «фольксвагены» и свинина на гриле, а не вопросы свободы. Похожее обвинение очень громко звучит на обеих выставках. Эстетика повторяемого китча (например, памятников Иоанну Павлу II — «Santo Subito» Петера Фусса, или Леху Валенсе — «Икона китча — объект» Яцека Адамаса) как раз показывает, что сегодня историю деконструируют пластиковые, разноцветные экспонаты, рассчитанные на дешевый глянец и быструю прибыль. В этой творческой стратегии парадоксально ощущается намного более сильная деградация символов единения, нежели в схематичном принижении Казимира Великого (Выспянский) или Юзефа Пилсудского (Кантор).

Збигнев Варпеховский показал на «Историофилии» своего «Солидаруха» 1990 года. Кукла в розовом китчево-гламурном костюме, напоминающая Кена, но с деформированным лицом, вроде Джокера из «Бэтмена», погружена в черную, грязную материю. Это критика меркантилизации, уничтожения основы солидарности, которая, по мнению Марии Янион, была последним объединяющим проявлением романтической парадигмы. Нехронологическое расположение работ на выставках, размещение новых рядом с более давними, является попыткой синтеза социально-эстетических позиций последнего двадцатилетия. Глядя на эти презентации, ощущаешь сильное присутствие кураторов, словно драматурга в театре. Ведь это профессии, создающие язык разговора об искусстве. В ситуации заката авангарда, постмодернистского сэмплинга, видно их стремление к «учреждению дискурса»[13], к присвоению его, а тем самым, к авторству. В то же время, это явно персуазивная деятельность, что стало очевидным, поскольку обзорные выставки («Позднюю польскость» открывает целый зал, посвященный работам Станислава Шукальского) сводят воедино отдельные произведения, вписывая их в определенный тезис.

Томаш Плята анализирует в своей книге польское критическое искусство как проявление разрыва с традиционным языком разговора о национальной идентичности. Однако он ставит этому творчеству в вину — а тем самым раскрывает его польско-романтический характер — то, что оно было сосредоточено на эстетике и не имело политического воздействия. В этом контексте он обсуждает (среди прочего) «Бомбардиршу» Анны Баумгарт, показанную на «Поздней польскости». Наблюдение Пляты можно признать чертой польского «нового искусства», особенно начала прошлого века, что еще более убедительно доказывает, как сильно оно погружено в романтическое мышление о социально-художественных проблемах.

На этом фоне негромкая, крайне аскетичная мраморная скульптура Варпеховского «Уснувший колокол», отсылающая к личным переживаниям автора, производит впечатление символического

[13] М. Фуко. Что такое автор? / пер. С. Табачниковой // Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. - Москва 1996, стр.32.

предостережения. Подлинная угроза, о которой напоминает в своем произведении Варпеховский, художественно ее претворяя (колокол соотносится со звуком, который спас ему жизнь во время резни, устроенной украинцами) — это не только публицистическое предупреждение о более или менее реальной социально-политической угрозе, воспроизводимой на обеих выставках (одни, как обычно, предостерегают перед модернизмом, другие перед национализмом).

Что следует из конфронтации двух этих выставок? Прежде всего, проблема границы, к которой подвела эпизация искусства. Сосредоточение такого количества критических произведений привело к тому, что их совокупность (а в сущности, две совокупности) стала явно самокритичной, показала свою слабость относительно политических нарративов. Поэтому так сильно воздействуют произведения, оперирующие знаками, символами. А они, как нам уже известно, имеют свои польские корни в нашем романтизме.

Томаш Плята анализирует интенсивность политической дискуссии в Польше. Автор обвиняет «либералов» в том, что, хотя они и вводили свой дискурс в качестве «нормального» и естественного, категория «нормальности» сегодня вышла из-под контроля, и борьба ведется за то, что называть нормой. Традиционный для польских дебатов об идентичности спор между фраком и кунтушом, модернистами и традиционалистами, переносится и на трактовку романтизма. Одобрительное либо критическое отношение к нему, на самом деле, показывает, что это постоянная точка отсчета, детерминант идентичности. Более того, критическое течение вовсе не является модернизирующим, но вписывается именно в романтический авангардизм.

«Историофилия. Искусство и польская память».
Старая научно-техническая типография в Варшаве. 20 мая — 6 августа 2017
«Поздняя польскость. Формы национальной идентичности после 1989 года».
Центр современного искусства «Уяздовский замок» в Варшаве. 31 марта — 6 августа 2017

TEATR

Элиза Концкая

Перевод Анастасии Векшиной

ЭЛИЗИИ

■ БЕССИЛИЕ

Жила-была сказочка, которой не хватило сил. «На что? — спросите вы. — На то, чтобы стать полноценной сказкой?». Эх, это ей и не снилось (да, у сказочек тоже бывают сны, в основном, кошмары).

Сказочка привыкла к тому, что в ней нет увлекательности; хуже того, в ней не было и легкости. Ни игривой, ни брутальной она не была. Зато была достаточно неинтересной, чтобы закончить свой рассказ без ущерба для запасов Общего повествовательного фонда. Так что же удерживало усталую сказочку в лоне наррации, если не надежда на лучший сюжет?

Что ж, сказочка решила, что будет длиться ради самой Наррации. И быть может, повторяясь до занудства, в унылых и однообразных вариациях, она, наконец, поймет смысл своей потребности рассказывать, ни уяснить, ни принять которой не может.

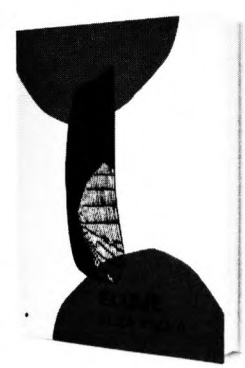
Сказочка, как и прежде, рассказывается без кульминации, повторяя себе между строк: «Длись, хоть никогда не быть тебе сказкой. Никогда никому ты не понравишься, никому не распалишь воображения. Длись, потому что Наррация нуждается в тебе, серой привратнице повествования, бесцветной историйке, темной поденщице повторов».

■ КУЛЬМИНАЦИЯ

Жила-была сказочка, которая боялась кульминации. Поэтому рассказывалась она быстро и заканчивалась раньше времени.

Да, ее нарративная заполошность утомляла не только сказки с признанным сюжетным авторитетом. Как ни странно, она и сама от нее страдала. Еще бы, сколько можно обрываться на середине фразы, нарушать совсем не такую уж условную сказочную логику, оставлять героев без последнего слова, а историю — без продолжения? «Только кульминация придает зрелости», — говорили сказочке на курсах эстетической зрелости. «Не обязательно буквально себя кульминировать, но ради Последней Инстанции Наррации, доведи себя наконец до хоть сколько-нибудь пристойного финала!»

Не тут-то было, сказочка ускользала от кульминации. Но не думайте, что она по ней не скучала. Наоборот. Сказочка скучала по ней, надо признать это с полной серьезностью в свете наррации. Скучала со всей страстью своих оборванных сюжетных линий, со всей силой своих недописок. Она не хотела такой кульминации, какую ценят солидные и степенные сказки. Она хотела такой кульминации, которую нельзя будет выучить на память.



Из книги
Элизы Концкой *«Элизии»*
Изд-во Lokator, Краков, 2017

Вы можете подписаться на «Новую Польшу», перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте, факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты с пометкой: *prenumerata.*

Деньги просим перечислять на счет издателя «Новой Польши»:
Instytut Książki
ul. Z. Wróblewskiego 6
31-148 Kraków

Подписка в Польше:
Название банка: BANK GOSPODARSTWA KRAJOWEGO
Номер счета: PL
81 1130 1150 0012 1269 2720 0001
Цена 1 экз. — 8 зл.
Цена годовой подписки — 96 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK GOSPODARSTWA KRAJOWEGO
Номер счета: PL
81 1130 1150 0012 1269 2720 0001
SWIFT CODE: GOSKPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 100 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 121 43 52
+48 22 258 09 73
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел.: +48 22 697 05 34, +48 22 697 05 32
e-mail: czasopisma@instytutksiazki.pl

Cena 8 zł. w tym 5% VAT

ISSN 1508-5589